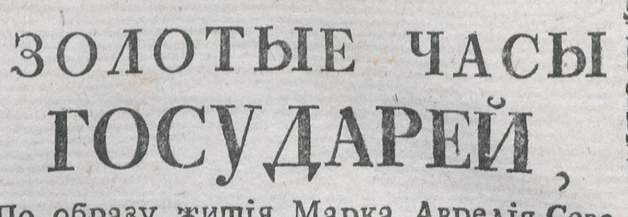

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ ГОСУДАРЕЙ,

По образу житiя Марка Аврелiя Севера, славнѣйшаго Императора и премудрѣйшаго Философа.

Отъ Антонiя Гевара Епископа Аквитанскаго, бывшаго при Карлѣ V. Императорѣ Проповѣдникомъ, Совѣтникомъ и Историкомъ

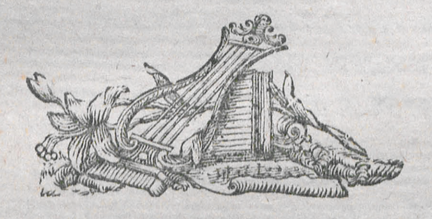
составленные.

Съ Латинскаго на Россiйскiй языкъ перевелъ

АНДРЕЙ ЛЬВОВЪ.

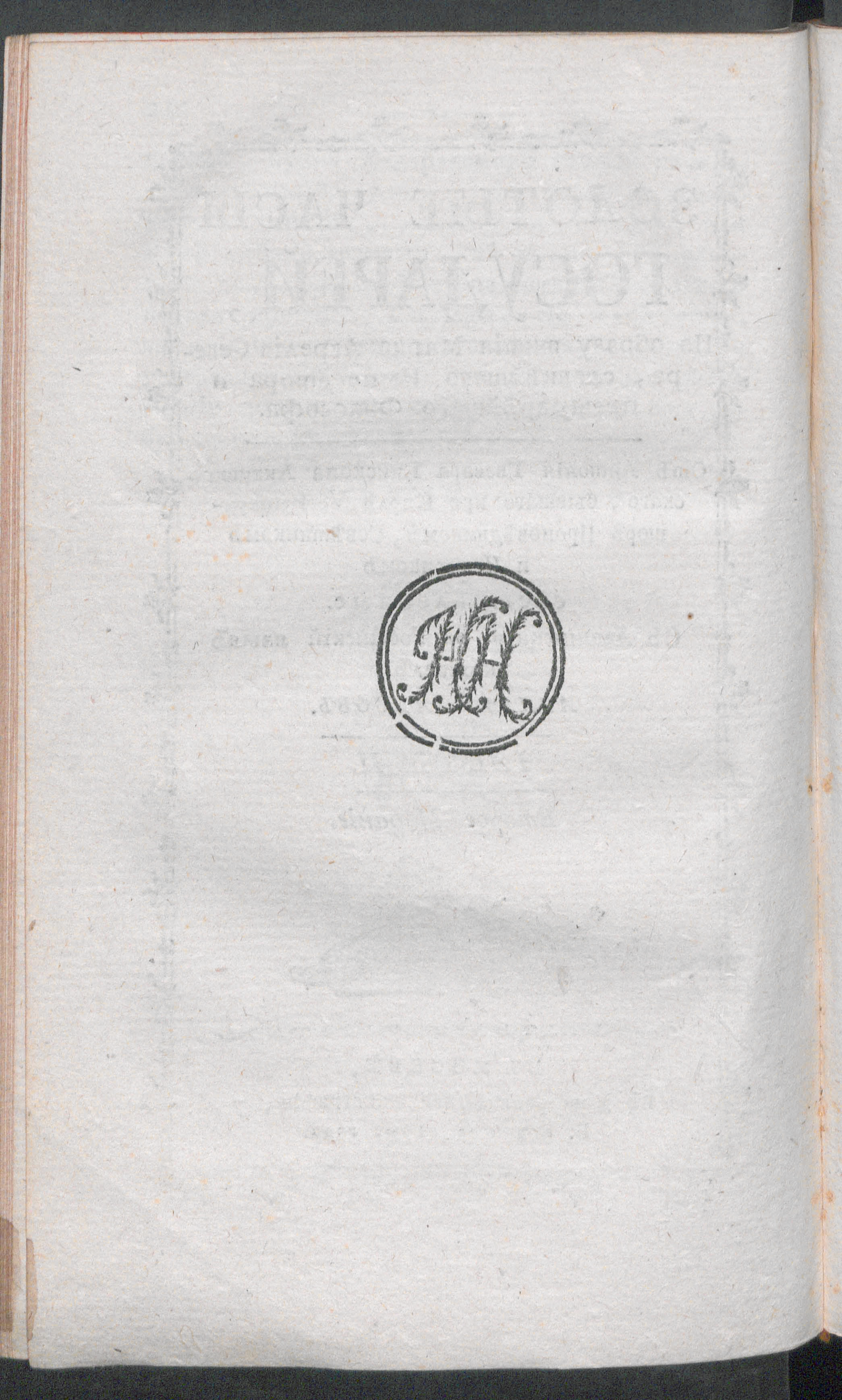
ЧАСТЬ II.

Второе Изданiе.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографiи, у Н. Новикова, 1782 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Автор говорит о золотом веке и о человеческом бедствии, в котором мы ныне страждем.

Въ первыхъ временахъ и золотомъ вѣкѣ всѣ жили спокойно, каждой свои оралъ нивы, свои насаждалъ масличныя рощи, свои рвалъ плоды, свои собиралъ винограды, свои пожиналъ класы, и своихъ дѣтей вскармливалъ; наконецъ поелику каждый собственнымъ трудомъ питался, безъ обиды другихъ жили. О злоба человѣческая! О свѣтъ вѣроломный и проклятый! который никогда не оставляетъ вещей пребывать въ одинакомъ состояніи и мѣстѣ. Что же называю я его непостояннымъ, тому удивляться не должно. Ибо онъ въ самое то время, когда наипаче усердствуетъ намъ фортуна, нить жизни нашей немилосердно прерываетъ. Не могу безъ слезъ промолвить, что хотя чрезъ двѣ тысячи лѣтъ и имя войны было неизвѣстно; Божіимъ попущеніемъ и вымысломъ человѣческой злобы раскованы плуги въ военныя орудія, шилье въ копья, сошники въ стрѣлы, волы превращены коньми, одежды передѣланы въ панцыри, денежные кошельки въ солдатскія сумы, простота пере-

перемѣнена въ лукавство, трудолюбіе въ лѣность, покой въ мятежъ, миръ въ войну, любовь въ ненависть, кротость въ неистовство, правда въ насиліе, польза во вредъ, милостыня въ татьбу, и паче всего Богослуженіе въ идолопоклонство. Словомъ: вмѣсто поту, которой истощали на умноженіе богатства, дошло до проливанія въ пагубу обществамъ крови.

Свѣтъ, по истиннѣ, въ семъ обстоятельствѣ прямой есть мракъ, и толь непремѣнна пребываетъ человѣческая злоба, что одному пріятно болѣзновать, только бы другой умеръ; сему не досадно поткнуться, лишъ бы тотъ упалъ; сему весело терпѣть убожество, когда токмо иной не богатъ; сему нравится быть ненавидимымъ, только бы другой въ милости не находился; сему охотно печалиться, лишъ бы тотъ радостенъ не былъ. Словомъ: мы толь злонравны, что изъ собственнаго жилища прочь добро выгоняемъ, только бы въ чужія ворота злосчастіе входило.

Когда сію огромность и шаръ вселенныя Творецъ устроилъ, то опредѣлилъ каждой вещи свое мѣсто и жилище. Умнымъ тварямъ отдалъ Емпирейское Небо, звѣздамъ твердь, планетамъ круги, стихіямъ свѣтъ, птицамъ воздухъ, скотамъ землю, рыбамъ воды, змѣямъ пещеры, дикимъ звѣрямъ холмы; такъ что нѣтъ ни одной твари, которой бы для пребыванія и покоя не назначилъ Богъ мѣ-

мѣста. Чего ради Великіе Государи и Князи пусть суетною не превозносятся славою, что ихъ обладателями земли называютъ; поелику всего созданнаго вещества одинъ токмо Богъ истинный есть владыка, и кромѣ употребленія ничего бѣдному не остается человѣку. И такъ естьли кажется намъ справедливо пользоваться выгодами и прислугами тварей, то гораздо справедливѣе почитать Бога, яко высочайшаго обладателя оныхъ.

Въ разсужденіи сей неоспоримости я безъ всякаго отрицанія признаю, что все Богомъ создано на такой конецъ, дабы служило человѣку, съ тѣмъ точію условіемъ, чтобъ самъ человѣкъ служилъ Богу. Но какъ только человѣкъ отложился отъ Бога, то и созданія всѣ воспротивились человѣку. Ибо по достоинству не отдаютъ тому никакого послушанія, который самъ и одной заповѣди не восхотѣлъ повиноваться. Въ коликія, увы! созданіе погрузилось бѣдства, по той токмо причинѣ, что Творцу было ослушно! Понеже естьли бы человѣкъ въ Едемѣ божественную соблюлъ заповѣдь, то и господствованіе его въ свѣтѣ было бы сохранено Богомъ. Но однакожъ тѣ самыя твари, кои онъ для угожденія своего создалъ, къ вящшему оскорбленію его послужили. Ибо мудраго ни что такъ не огорчаетъ, какъ неблагодарность за учиненное благодѣяніе.

Жалостно и слезно зрѣть, каковъ былъ человѣкъ въ раю, и какимъ бы могъ еще

 быть

быть на небесахъ; напротивъ же того, каковъ онъ теперь въ свѣтѣ; и паче всего, каковъ будетъ потомъ во гробѣ. Ибо въ земномъ Едемѣ былъ онъ святой и непорочной, и на небесахъ имѣлъ воспріять блаженство; но въ мірѣ нынѣ окружаютъ его печали, а наконецъ и во гробѣ пожрутъ черви. И такъ видимъ, какіе плоды непослушаніе божественной заповѣди принесло намъ въ мірѣ. Ибо крайнѣ тотъ глупъ и безуменъ, кто отваживается творить нѣкоторой грѣхъ, не надѣясь оттуда никакого тѣлу своему угожденія. Вотъ какое, по моему мнѣнію, отъ грѣха, прародительми въ Едемѣ учиненнаго, на насъ потомковъ ихъ въ всѣтѣ семъ простерлось иго рабства! что вхожу въ рѣку, потопляетъ; приближусь къ псу, уязвляетъ; грожу лошади, бьетъ копытомъ; силюсь противъ вѣтру, съ ногъ сшибаетъ; гоняюсь за змѣемъ, ядомъ заражаетъ; раздразню медвѣдя, умерщвляетъ; наконецъ того, коему въ жизни человѣковъ звѣрски пожирать было пріятно, самаго утробу черви во гробѣ снѣдаютъ.

Сего ради, державные Государи и Князи! обременяйте вы себя Атпальскими одеждами, накопляйте великія сокровища, набирайте многочисленныя арміи, вымышляйте различные роды увеселительныхъ игръ, тѣшьтеся наилучшими забавами, отмщайте измѣнникамъ, пользуйтесь вѣрнымъ послушаніемъ рабовъ, отдавайте дѣтей въ супружество величайшимъ Монархамъ, будьте страшны

всѣмъ непріятелямъ и тираннамъ, насыщайте тѣла многими роскошьми, оставляйте наслѣдникамъ пространныя царства, сооружайте въ память огромные чертоги и зданія; истинно, кленусь тѣмъ, коего нелицемѣрному суду предстать имѣю, ни мало не льститъ меня нѣжная ваша жизнь, и я отъ завидованія оной толь отстою далече, что при всемъ томъ о душахъ вашихъ болѣзную сердцемъ. Ибо вмалѣ, и кончатся утѣхи ваши; вмалѣ, и преданы будете гладнымъ червямъ на снѣденіе.

О! когда бы помышляли Государи, что хотя они Государями родятся, и въ пространнѣйшихъ державахъ воспитываются; смерть однакожъ немедленно отъ самаго часа рожденія, и даже отъ матерняго чрева къ нимъ подкрадается, и на жизнь ихъ сѣти простираетъ! Она то съ сей, то съ другой стороны, то здоровыхъ, то больныхъ трогаетъ; и хотя падаютъ, хотя встаютъ, ни на мгновеніе ока не оставляетъ, доколѣ не заключитъ ихъ въ тѣсноту гроба.

Естьлижъ то, чѣмъ владѣютъ въ жизни сей Государи, малое, а уповаемое въ будущемъ вѣкѣ величайшее уготовано сокровище, какъ о томъ неоспоримая свидѣтельствуетъ правда; то во истинну мнѣ не токмо дивно, но и прискорбно, что Государи, коихъ толь тѣсные ожидаютъ гробы, съ толикою пышностію въ славѣ своей распространяются. Ибо человѣкамъ по той причинѣ, что они богаты, что почтенны, что сильны, надуваться и

возноситься гордостію крайнѣ неприлично, когда очевидно ужѐ имъ представляется сколь человѣческое состояніе слабости и тлѣнію причастно.

Мы всеконечно жизнь свою, неинако, какъ наемное пристанище, смерть же, яко вѣчное владѣніе почитать должны. Смерть есть наслѣдіе, которое отъ предковъ потомки получаютъ; жизнь же владѣніе, дозволенное токмо по конецъ дыханія каждаго человѣка, которое на всякой день и минуту исчезаетъ. Ибо смерть въ толь близкіе себѣ родственники насъ присвоила, что часто противъ желанія и чаянія нашего посѣщаетъ; а жизнь такъ чуждается нами, что не рѣдко безъ спросу и увольненія отъ насъ уходитъ. Ежелижъ ето правда, какъ и въ самой вещи есть истинна; то чего ради Великіе Государи и Князи столько дерзновенны, что въ чужомъ жилищѣ, которымъ есть жизнь сія, какъ будто въ собственномъ своемъ домѣ, которымъ есть гробъ нашъ, отважно повелѣваютъ?

Но оставя исчисленныя доселѣ разсужденія, я утверждаю, что рабство черезъ одинъ токмо грѣхъ, какъ будто черезъ стѣну отъ насъ жило, и вошло въ міръ сей. Понеже, естьли бы не имѣлось никакихъ грѣшниковъ; то ни властелиновъ, ни рабовъ не былобъ вѣрно. Но хотя рабство вообще въ цѣлой свѣтъ ворвалось черезъ грѣхъ; власть однакожъ Государей отъ Божественной воли и опредѣленія зависитъ. Ибо въ Соломоновыхъ притчахъ

чахъ главы осьмой, стихъ пятыйнадесять гласитъ: по мнѣ царствуетъ Царь, и по мнѣ Князь судитъ людемъ правду.

И такъ настоящее разсужденіе заключаю тѣмъ; поелику извѣстно, что самъ Богъ къ правленію свѣта устроилъ Государей, то мы обязаны имъ во всемъ неотложно повиноваться. Ибо нѣтъ зловреднѣйшей обществу язвы, какъ должнаго Государю не отдавать послушанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О походѣ Великаго Александра въ Индію, по полученіи уже надъ Даріемъ побѣды въ Азіи; и о послѣдовавшемъ ему у Гарамантовъ приключеніи. Также, что вящщую имѣетъ силу спокойная жизнь, нежели всѣ военныя затѣи.

Лѣта отъ созданія міра четыре тысячнаго, въ пятомъ вселенныя вѣкѣ, за временъ верьховнаго во Іерусалимѣ первосвященника Іадда, и въ Римѣ Декія и Манлія Консуловъ, на третьемъ году Греческія Монархіи, Александръ Великій, Филиппа Македонскаго Царя сынъ, послѣднее съ Даріемъ Персидскимъ Царемъ отправилъ сраженіе, на которомъ Александръ раненъ, Дарій умерщвленъ, и престолъ Персидской Монархіи къ Грекамъ перенесенъ. Ибо несчастливые Государи не токмо жизни, рожденіемъ полученной, но и царствъ, наслѣдіемъ пріобрѣтенныхъ, лишаются. По истребленіи же Дарія, одержаніи Александромъ по-

 бѣды,

бѣды, и возложеніи отъ Грековъ на Персіянъ и Мидянъ ига рабства, хотя многіе Цари и Князи на тѣхъ жесточайшихъ пали сраженіяхъ; однакожъ Александръ Азіатскими царствами не будучи доволенъ, вознамѣрился самъ итти въ Индійской походъ съ войскомъ. Ибо гордыя сердца то, чего съ жадностью желали, получа, немедленно презирать начинаютъ.

И такъ Александръ давши отдыхъ и дополненіе войску, и по всѣмъ Азіатскимъ областямъ даже до предѣловъ Персіи распредѣля Намѣстниковъ, отправился къ завоеванію Индіи. И понеже заклялся призывая во свидѣтельство боговъ, что вся вселенная будетъ имѣть одну Монархію, которою онъ обладать станетъ, и ниже ногой не вступитъ никогда въ чужую область, которой бы не покорилъ подъ свою державу, то сколько ни проходилъ земель, безъ сопротивленія всѣ или разоряемы, или покоряемы были. Ибо мучительскія сердца не пріемлютъ во уваженіе чужихъ бѣдствій, толькобъ лишъ свои неистовыя удовлетворить желанія.

А какъ Александръ продолжалъ путь свой, покоряя царства и опустошая провинціи, то довѣдался случайно, что по ту сторону Рифейскихъ горъ, которою онѣ простираются къ Индіи, обитаетъ варварской народъ Гараманты, кои ни отъ Персіянъ, ни отъ Мидянъ, ни отъ Римлянъ, ни отъ Грековъ никогда завоеваны не были. Понеже оттуда, гдѣ не имѣлось никакихъ военныхъ орудій,

тор-

торжественной побѣды не уповали; ни корысти, яко отъ народа не владѣющаго никакимъ богатствомъ, нечаяли.

Александръ, поелику жадно и смѣло нападалъ на непокоривыя царства, и крайнѣ любопытенъ былъ видѣть новости, то не точію Вельможъ своихъ послать для осмотрѣнія той страны, но и самъ въ посольской свитѣ присутствовать и вѣчную тамъ оставить по себѣ память вознамѣрился, что и самимъ учинилъ дѣломъ, устроивъ жертвенникъ по примѣру Геркулеса, создавшаго въ Кадиксѣ пирамиды. Ибо толь гордое есть человѣческое сердце, что не токмо со многими сравниться, но и всѣхъ превзойти силы напрягаетъ.

И такъ отправлены посланники съ тѣмъ, дабы возвѣщая пришествіе Великаго Царя Александра, дали знать Гарамантамъ, что онъ тягчайшія произвелъ брани, на жесточайшихъ сраженіяхъ одержалъ побѣды, пресильнаго истребилъ Царя Дарія, всю Азію покорилъ подъ свою державу, и наконецъ весь свѣтъ ему предался, такъ что никто противо его и оружія поднять не смѣетъ, но всѣ исполняютъ повелѣнное. Сіе и подобное тому, для приведенія ихъ въ робость, посольство говорило. Ибо часто храбрые мужи больше словами, нежели трусливые мечемъ, устрашаютъ.

1. Боскъ въ 3 книгѣ о древностяхъ Греческихъ, откуда и сіе повѣствованіе взято, пишетъ, что варвары услыша такую вѣдомость отъ Александровыхъ Посланниковъ, не

потревожились оною ни мало, ни ударились въ бѣгство, ни готовились на брань, ни принялись за оружіе, ни думали сопротивляться, ни отлучились изъ города, гдѣ пребываніе имѣли, и не выступилъ никто изъ нихъ и ногой изъ своего дому. Напослѣдокъ ни слово кому либо изъ посольства Александрова молвили, нижѐ отвѣтъ дали. И по истиннѣ разумно сіе учинили варвары: ибо лишній трудъ для тѣхъ разсуждать и совѣтоваться, кои и безъ того ужѐ готовы къ дѣлу.

Удивительное о Гарамантахъ повѣствуютъ Историки, сирѣчь: что у всѣхъ ихъ равные были домы; всѣ мущины въ одинакихъ ходили одеждахъ; никто не былъ другаго богатѣе; въ пищѣ были непрожорливы; въ питьѣ вина наблюдали крайнюю умѣренность; ссоръ и мятежей вовсе не знали; празныхъ въ обществѣ своемъ никого не держали; никакого оружія у нихъ не находилось, поелику и непріятелей никакихъ не имѣли; наконецъ, въ словахъ весьма скромны и справедливы были.

Впрочемъ, увѣдомясь Александръ о Гарамантахъ и житіи ихъ, такожъ что они не противились Вельможамъ, нижѐ удостоивали Посланниковъ его своимъ разговоромъ; вознамѣрился самъ призвавъ ихъ къ себѣ, бесѣдовать съ ними; прилѣжно прося, дабы обрѣтающіеся между ими мудрые и ученые люди пришедъ къ нему, на письмѣ, или на словахъ поговорили. Ибо Александръ толикой былъ

до-

доброжелатель ученымъ, что какія ни случалось ему завоевать царства, возвращалъ оныя немедленно, кромѣ мудрыхъ людей, коихъ бралъ, и у себя удерживалъ. Повѣствуетъ Квинтъ Курцій, что Александръ часто говаривалъ: „не дѣлаетъ утраты Государь, „хотя и всѣ расточитъ сокровища на пріобрѣтеніе такого царства, въ которомъ бы „единаго токмо мудраго и ученаго человѣка „могъ снискать себѣ дружбу„. Достойная по истиннѣ рѣчь Александрова! ибо лучше и полезнѣе Государямъ въ жизни своей окруженнымъ быть мудрыми людьми, нежели, умирая, великія наслѣдникамъ оставлять сокровища. А какъ пришло предъ лице Александрово нѣсколько Гарамантовъ; то одинъ изъ нихъ, который гораздо казался старѣе, и самымъ дѣломъ всѣхъ былъ премудрѣе, при молчаніи прочихъ, именемъ всего общества говорилъ слѣдующую рѣчь.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Рѣчь мудреца Гарамантскаго, говоренная къ Великому Александру, которою доказываетъ, что они смиренномудрствуя и довольствуясь малымъ владѣніемъ, живутъ гораздо благополучнѣе, нежели онъ владѣя многимъ, и гордо о себѣ мысля. Также что крайнее есть безуміе желать пространнаго и долговременнаго царства тому, который имѣетъ краткое теченіе жизни.

„Вѣ-

„Вѣдай, о Александрѣ! Гараманты та-
„кое имѣютѣ обыкновеніе, что рѣдко бесѣ-
„дуютѣ другѣ сѣ другомѣ, и почти никогда
„не говорятѣ сѣ иностранными, а наипаче
„ежели оные суть творцы мятежей и бесчи-
„ній. Понеже беззаконнаго человѣка языкѣ
„ни что иное есть, какѣ токмо свидѣтель
„злобнаго сердца.

„Когда возвѣстили намѣ, что ты идешь
„вѣ сію землю; мы ни встрѣчею тебя по-
„чтить, ни кѣ оборонѣ пріуготовляться, ни
„кѣ зрѣнію тебя поднять глазѣ, ни кѣ со-
„бесѣдованію открыть устѣ, ни раздраженія
„ради подвигнуть рукѣ, ни для поврежденія
„твоего всчать войну не опредѣлили. Ибо
„гораздо вящшее вѣ насѣ чести и богатства,
„которыя ты любишь, презрѣніе; нежели
„вѣ тебѣ славы и сокровищѣ, кои мы пре-
„зираемѣ, любовь обрѣтается.

„Поелику угодно тебѣ, чтобѣ мы тебя
„повидали, хотя видѣть тебя не желаемѣ;
„чтобѣ тебѣ служили, хотя служить тебѣ
„не хощемѣ; и чтобѣ сѣ тобой бесѣдовали,
„хотя бесѣдовать отрекаемся; то недосадно
„будетѣ намѣ сіе дѣлать, сѣ тѣмѣ услові-
„емѣ, дабы ты выслушалѣ насѣ терпѣливно.
„Ибо то, что мы тебѣ скажемѣ, больше вос-
„пользуетѣ тебя, дабы ты жизнь свою
„исправилѣ; нежели насѣ, чтобѣ отѣ разо-
„ренія отечества нашего удержался. Понеже
„самая справедливость требуетѣ, дабы по-
„знали будущихѣ вѣковѣ Государи, что мы за

„ма-

,, маловажное почитаемъ то, что наше есть; ,, а ты изнуряешся и упражняешся въ грабле- ,, нiи того, что чужое есть.

,, Объ одномъ тебя Александръ вопро- ,, шаю, напротиво чего, не вѣдаю, можешь ,, ли ты дать отвѣтъ; поелику гордые чело- ,, вѣки имѣютъ помраченной разумъ. Скажи ,, пожалуй мнѣ, куда шествуешь? откуда ,, идешь? чего желаешь? что думаешь? чего ,, требуешь? что затѣваешь? къ которымъ ,, еще царствамъ и областямъ простираются ,, несытыя сердца твоего вожделѣнiя? Не на- ,, прасно о семъ тебя вопрошаю: что за вещь, ,, которой ты желаешь? что за вещь, кото- ,, рой ты требуешь? и что за вещь, которой ,, ты ищешь? поелику уповаю, что ты не ,, знаешь чего ищешь. Ибо гордой и славолю- ,, бивой духъ и самъ не разумѣетъ, что ему ,, удовлетворить можетъ. Понеже ты славо- ,, любивъ, то слава тебя помрачаетъ; понеже ,, расточителенъ, то страсть имѣнiя тебя ,, плѣняетъ; понеже младолѣтенъ, то невѣ- ,, жество тебя обольщаетъ; чтобъ ты слѣдо- ,, валъ несмысленному народу, и не слѣдовалъ ,, разуму; чтобъ утверждался на собственномъ ,, мнѣнiи, и отметалъ чужой совѣтъ; чтобъ ,, любилъ ласкателей, и удалялъ отъ себя ,, мудрыхъ и добродѣтельныхъ мужей. Ибо ,, Государи и высоковластные мужи лучше же- ,, лаютъ себѣ ложной похвалы, нежели спра- [illegible] увѣщанiя.

„Истинно я, о Государи! причины ва-
„шего заблужденія не разумѣю, что вы въ
„царскихъ домахъ, въ государствахъ и обла-
„стяхъ большее число шутовъ, ласкателей и
„смѣхотворцовъ, нежели мудрыхъ мужей со-
„держите. Ибо въ царскомъ домѣ, ежели
„одинъ имѣется добрыхъ дѣлъ предлагатель;
„то напротивъ того обрѣтается шесть сотъ
„поощрителей къ тиранскому свирѣпству.
„Истинно, нынѣ же предусматриваю, о Але-
„ксандръ! что скоряе боги положатъ тебѣ
„предѣлъ жизни, нежели ты опредѣлишь
„конецъ брани. Ибо посреди мятежей и за-
„мѣшательствъ воспитанному человѣку самое
„беспокойство есть вмѣсто покоя.

„Я вижу, что вкругъ тебя стоятъ
„воины, и сидятъ тиранны; вижу, что ты
„обнажаешь храмы, и безполезно расточаешь
„богатства; вижу, что закалаешь неповин-
„ныхъ, и возмущаешь миролюбивыхъ; вижу,
„что ты всѣмъ будучи врагъ, самъ ласка-
„тельствами притворныхъ друговъ, что есть
„край бѣдствія, обольщаешся. Толь же су-
„ровые, каковы сіи суть труды, невозмож-
„но статься, чтобъ ты здержалъ: но или
„ты безуменъ, или свыше казнь сія на те-
„бя возложена. Ибо часто попущеніемъ бо-
„говъ человѣки, наслаждающіеся безпечальною
„праздностью и покоемъ, въ трудныя и тя-
„гостныя дѣла вступаютъ, не для того,
„чтобъ изъ настоящихъ честь получили, но
„за прешедшія наказаніе воспріяли. Понеже
„толь

„ толь суть правосудны боги, что поздо ли, „ или скоро, никогда злодѣйства безъ наказа„нія не оставляютъ.

„Скажи пожалуй мнѣ, не величайшеель „есть безуміе, что ты многихъ приводишь „въ нищету, дабы самъ обогатился? Не „крайняяль глупость, что ты желая самъ „наподобіе тиранна обладать, всѣхъ господ„ствованія лишаешь? Не величайшеель не„истовство, что ты съ погубленіемъ нашей „жизни, многіе во вселенной знаки въ память „твою поставить желаешь? Не послѣднеель „неразуміе, что ты хощешь, дабы неуто„лимыя вожделѣнія твои боги оправдили, все„го же свѣта волю и мнѣніе осудили? Не „крайнеель бѣшенство, что ты желаешь съ „слезами убогихъ и вдовицъ толь трудныя „и кровавыя получить побѣды? Не знатно„ель сумозбродство, что ты кровію непо„винныхъ обагряешь землю, дабы прі„обрѣсть безплодную между человѣками славу? „Не крайнеель кажется тебѣ дурачество, „что ты желаешь одному себѣ присвоить и „похитить свѣтъ, которой боги между толь „многими раздѣлили?

„Сіи дѣла, о Александръ! не твари ме„жду смертными человѣками; но Фуріи ме„жду адскими Евменидами рожденной и во„спитанной приличны. Ибо человѣковъ не „по добротѣ природы, которую имѣютъ, „но по преизяществу или развратности дѣлъ, „которыя совершаютъ, уважать должно.

„Про-

„ Проклятъ нынѣ, ежели еще не былъ; и
„ проклятъ будешъ, ежели еще нѣтъ; кто
„ жизнь свою во вредъ всѣхъ обращаетъ для
„ сей единственной причины, дабы въ буду-
„ щихъ вѣкахъ возъимѣлъ похвалу и славу хра-
„ браго и мужественнаго Героя. Ибо весьма
„ рѣдко попускаютъ боги пріятно въ мірѣ
„ наслаждаться тѣмъ, что неправедною вой-
„ ною пріобрѣтено.

„ Желалъ бы я знать, что за самовольство,
„ побужденіемъ коего ты отъ Дарія Царя,
„ Государя твоего отложился; и по смерти его
„ цѣлой свѣтъ покорить устремился, не яко
„ наслѣдный Царь, но яко иноземный ти-
„ раннъ. Ибо по достоинству тотъ называет-
„ ся тиранномъ, кто безъ всякой причины и
„ справедливости на чужое добро нападаетъ.
„ Ежели скажешь, что ты или правды, или
„ мира, или богатства, или славы, или по-
„ коя, или пользы друговъ, или отмщенія
„ надъ врагами ищешь; то кленусь милостію
„ боговъ, что ничего изъ тѣхъ вещей симъ,
„ которой предпріялъ, путемъ не обрящешь.
„ Ибо сладкіе соты между горькою желчью не
„ родятся.

„ Какже повѣримъ мы, что ты ищешь
„ правды, когда противо всякой справедливо-
„ сти утѣсняешь всю землю тиранскою вла-
„ стію? Какъ повѣримъ, что мира, когда
„ всѣхъ, кои ни пріемлютъ тебя, дѣлаешъ
„ своими данниками, и съ сопротивляющимися
„ тебѣ непріятельски поступаешь? Какъ по-
вѣримъ,

„вѣримъ, что покоя, когда по всему свѣту „мятежи разсѣваешь? Какъ повѣримъ, что „милосердія, когда ты отправляешь званіе „мучителя человѣческой слабости? Какъ по„вѣримъ, что богатства, когда ты ни соб„ственными, ни отъ побѣжденныхъ взимае„мыми, ни отъ побѣдителей приносимыми „сокровищами не доволенъ? Какъ повѣримъ, „что ближнихъ или друговъ выгодностей „ищешь, когда ты старыхъ друзей сдѣлалъ „себѣ новыми непріятельми? Вѣдай Але„ксандръ, что большій меньшаго учитъ, а „меньшій большему повиноваться долженъ: и „между равными только бываетъ дружба. „Естьли же ты никого равнымъ имѣть не „хочешь; то не для чего тебѣ уповать въ „свѣтѣ друга. Ибо часто Государи чрезъ „неблагодарность вѣрнѣйшихъ теряютъ дру„говъ, и смертельныхъ чрезъ гордость прі„обрѣтаютъ непріятелей.

„Какъ же повѣримъ мы, что идешь „мстить непріятелямъ, когда самъ себя „жесточае терзаешь на свободѣ, нежели бы „терзали тебя непріятели въ плѣнѣ? Естьлижъ бы паче чаянія нашлись тѣ, кои преж„де отцу твоему Филиппу учинили обиду, „или тебѣ сыну его нынѣ явились не послуш„ны; то не благоразумнѣель было бы списки„вать ихъ дружбу, нежели подкрѣплять „вражду? Понеже милосердному и благород„ному духу тягостнѣе всякой казни другимъ „отмщеніе дѣлать.

„Не можемъ мы справедливо утверждать,
„что труды твои къ достиженію основатель-
„ной славы прямо полагаются, когда ты
„обращеніе и жизнь толь развратную и отъ
„добродѣтели чуждую употребляешь. Ибо ис-
„тинная слава не въ языкѣ ласкателей, но
„въ дѣйствіи Государей заключается. Не
„пріобрѣтается слава обращеніемъ беззакон-
„ныхъ: но сообщеніемъ добродѣтельныхъ.
„Ибо излишняя съ беззаконными дружба
„весьма подозрительною дѣлаетъ жизнь добро-
„дѣтельнаго человѣка. Не пріобрѣтается
„слава собирая богатства ко смерти; но оныя
„благоразумно расточая въ жизни. Ибо из-
„вѣстнѣйшее есть правило, что который
„человѣкъ славу свою дорого ставитъ, тому
„богатство дешево цѣнить должно: и кто
„дешево цѣнитъ богатство, знакъ есть, что
„тотъ славу свою дорого ставитъ. Не прі-
„обрѣтается слава, убивая неповинныхъ, но
„истребляя тиранновъ. Ибо все согласіе до-
„браго правленія Государей въ наказаніи без-
„чинныхъ и награжденіи добродѣтельныхъ
„положено. Не снискивается слава похищая
„чужое, но раздавая собственное. Ибо ни что
„царскаго величества не украшаетъ больше,
„какъ то, ежели онъ въ твореніи благодѣя-
„ній и раздаваніи награжденій изъявляетъ
„свои щедроты, и въ воспріиманіи услугъ и
„дароприношеній никакого не оказываетъ въ
„себѣ пристрастія. Чего ради научись и
„познай, кто въ жизни сей пріобрѣтаетъ и

„имѣетъ

„ имѣетъ славу; сирѣчь: не тотъ, который
„ жизнь иждиваетъ въ брани, но коего смерть
„ уноситъ въ мирѣ.

„Я вижу, Александръ! что ты младолѣ-
„ тенъ, и желаешь великой славы. И такъ
„ вѣдай, что ни чѣмъ больше ты себя не
„ обезславляешь, какъ безмѣрнымъ желаніемъ
„ и исканіемъ славы. Понеже славолюбивые
„ человѣки естьли желаемаго не достигаютъ,
„ то снискиваютъ безславіе; а хотя бы и
„ наипаче успѣли въ своемъ предпріятіи, то
„ ни чѣмъ не бываютъ почтеннѣе. Повѣрь
„ мнѣ, Александръ, что къ истинной и осно-
„ вательной славѣ многимъ благодѣтельствуя
„ восходить, а небеззаконными промыслами
„ шествовать должно. Ибо чрезъ насиліе прі-
„ обрѣтенной славы конецъ есть безславіе.

„Я о тебѣ, Александръ, сожалѣю, видя,
„ что ты не имѣешь правды, поелику любишь
„ насиліе; видя, что ты не имѣешь мира, поели-
„ ку упражняешся въ войнѣ; видя, что ты
„ не имѣешь богатства, поелику свѣтъ сдѣ-
„ лалъ нищимъ; видя, что ты не имѣешь покоя,
„ поелику гоняешся за трудомъ и мятежами;
„ видя, что ты не имѣешь славы, поелику
„ шествуешь къ ней путемъ безславія; видя,
„ что ты лишаешся друговъ, поелику учинилъ
„ ихъ себѣ врагами; напослѣдокъ видя, что
„ ты не отмщаешь непріятелямъ, поелику
„ самъ надъ собою, по желанію ихъ, отпра-
„ вляешь должность мучителя. Естьлижъ сіе
„ такъ есть, то для чего пребываешь въ

 „ жизни

„жизни лишаясь тѣхъ даровъ, для которыхъ „жизни желать должно? Ибо того, кто безъ „собственной пользы и съ чужимъ вредомъ „жизнь провождаетъ, на смерть осудя жизни „лишить достойно. Ибо ни что скоряе не „разоряетъ общества, какъ терпѣніе во „ономъ людей безполезныхъ.

„И дабы сказать истинну, отъ чего вы „Монархи и Князи весьма убоги; я не сомнѣ„ваюсь, что ты о обладаніи вселенной ста„раешся для того, дабы никого въ свѣтѣ „не признавать властелиномъ; и купно толь „многихъ жизни лишить желаешь, дабы „смертію ихъ могъ получить безсмертную „славу. Ежели бы бранноносные и свирѣпые „Государи, каковъ ты, умерщвляемыхъ ими „человѣковъ жизнь въ наслѣдство воспріимали, „къ продолженію, сирѣчь, собственной жи„зни, такъ какъ пріобрѣтеніемъ именій обо„гащаютъ свои домы; то хотя война и не„справедлива, однакъ по крайней мѣрѣ бы„ла бы сносна. Но какая польза сего дня „раба лишать жизни, ежели на утрешней день „смерть господину срокъ назначаетъ? Сирѣчь, „излишеству безумія, или недостатку разума, „о Александръ! приписать должно, естьли „кто желаетъ долго царствовать имѣя крат„кой предѣлъ жизни. Гордыхъ и славолюби„выхъ человѣковъ, дѣла свои не по малости „дней, кои жить имѣютъ, но по простран„ству замысловъ, кои о господствованіи вчи„наютъ, размѣряющихъ, и многотрудная

„жизнь

„жизнь и бѣдственная смерть ожидаетъ: ко
„отвращенію чего сіе предлагается средство,
„дабы мудрый и разумный мужъ, естьли
„не достигаетъ того, чего желаетъ, дово-
„ленъ былъ тѣмъ, что можетъ.

„Вѣдай, о Александръ! что не тѣ чело-
„вѣки суть совершенны, кои много видятъ,
„много слышатъ, много познаютъ, много
„имѣютъ, много могутъ, и многими повелѣ-
„ваютъ; но кои волѣ и власти боговъ пови-
„нуются. Я всеконечно признаю совершен-
„нымъ человѣка, который того, что имѣетъ,
„по собственному разсужденію, не заслужи-
„ваетъ; и гораздо больше, нежели что имѣ-
„етъ, по чужому заслуживаетъ мнѣнію. Мы
„почитаемъ того недостойнымъ славы, кто
„оной достойнымъ себя мечтаетъ; и для
„того ты, Александръ, заслуживаешь быть
„всѣхъ невольникомъ, поелику думаешь про
„себя, что ты достоинъ господствовать надъ
„всѣми. Кленусь безсмертными богами, не
„знаю, для чего ты не восхотѣлъ быть дру-
„гомъ и пріятелемъ Даріевымъ; истинно не
„вѣдаю, какой ты оттуда пользы уповаешь,
„что ищешь обладанія вселенной. Ибо самою
„вещію гораздо лучше рабство въ мирѣ, нежели
„господствованіе въ брани; и ежели кто изо-
„браженнымъ отъ меня словамъ воспротиво-
„рѣчитъ, я признаю, что тотъ потерялъ
„вкусъ правды, и здраваго ума не имѣетъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гарамантскій мудрецъ продолжая свое намѣреніе, показываетъ, что невозможно изобиліемъ богатствъ пріобрѣсть вѣчной жизни; такожъ пересказываетъ семь варварскихъ узаконеній; и утверждаетъ, что царства, коими Государи обладаютъ, или пріобрѣтаютъ, суть ограничены; попеченія же, коими себя обременяютъ, суть безпредѣльны.

„Не воспротиворѣчишь Александрѣ, что „ты благополучнѣе жилъ прежде, когда былъ „Царемъ Македонскимъ, нежели нынѣ, когда „всея земли обладателемъ учинился. Ибо „неумѣренные труды человѣковъ въ спокой-„ствіи пребывать не допускаютъ. Не воспро-„тиворѣчишь Александрѣ, что чѣмъ больше „ты получаешь и имѣешь, тѣмъ вящше къ „полученію и имѣнію страсть твоя умножает-„ся. Ибо пламенемъ вожделѣній зажженное „и пылающее сердце, не хворостомъ или „дровами богатствъ закидывать, но землею „гроба засыпать и утушать должно.

„Не воспротиворѣчишь Александрѣ, что „твое, которое по истиннѣ есть многое, „малымъ; а чужое, которое самою вещію есть „малое, великимъ тебѣ кажется. Понеже „боги сіе славолюбивому и жадному сердцу „наказаніе опредѣлили, что оно ни малымъ, „ни великимъ, которое имѣетъ, стяжаніемъ „не бываетъ довольно. Не воспротиворѣчишь

„Але-

„Александрѣ, что хотя многія пріобрѣлѣ ты „богатства, многихѣ однакожѣ утратилѣ „друговѣ. Понеже богатымѣ какѣ будто „необходимой есть жребій, что мы богатства „ихѣ любимѣ, а лица ненавидимѣ.

„Не воспротиворѣчишь Александрѣ, что „ежели бы ты со вниманіемѣ вѣ запечатлѣн-„ную несытаго сердца твоего книгу вник-„нулѣ; то усмотрѣлѣ бы вѣ ней, что скоряе „возѣимѣетѣ конецѣ нѣжная жизнь, нежели „проклятая жадность. Понеже, естьли глу-боко вѣ сердцѣ вкоренились пороки, единою токмо смертію истреблены быть могутѣ. „Не воспротиворѣчишь Александрѣ, что по-„елику ты больше, нежели всѣ, имѣешь; то „меньше, нежели другой кто либо, тѣмѣ на-„слаждаешся. Ибо Государь, имѣющій много, „необходимо долженѣ весь занятѣ быть ста-„раніемѣ о сохраненіи онаго. Но тотѣ, кто „имѣетѣ мало, многимѣ ко употребленію „временемѣ изобилуетѣ. Не воспротиво-„рѣчишь Александрѣ, что изѣ всей пріобрѣ-„таемой тобою корысти, ты хотя и Го-„сударь, ничего кромѣ имени не получаешь; „прочіе же, хотя суть твои рабы и поддан-„ные, весь плодѣ пріемлютѣ. Ибо сердцу „зараженному ядомѣ корыстолюбія, хотя „пріобрѣтать и собирать радостно, но „расточать и употреблять пріобрѣтенное „есть ударѣ смертоносный.

„Напослѣдокѣ не воспротиворѣчишь Але-„ксандрѣ, что ты толь долговременною вой-

„ною пріобрѣлъ мало; собственной же мудро-
„сти и спокойствія потерялъ много. Ибо
„царства, кои ты покорилъ, суть числомъ
„не многія; напротивъ же того попеченія,
„коими сердце свое обременилъ, суть неисче-
„тныя. Безъ сомнѣнія увѣрь себя, что го-
„раздо убоже вы богатые Государи, нежели
„самые бѣднѣйшіе рабы. Ибо не тотъ бо-
„гатѣе, который больше, нежели достоинъ,
„имѣетъ; но который и того, что имѣетъ,
„желаетъ меньше. И такъ вовсе ничего вы
„Государи не имѣете, понеже хотя богат-
„ствомъ изобилуете, добрыхъ однакожъ на-
„мѣреній лишаетесь.

„Возмемъ на разсужденіе, о Александръ!
„и посмотримъ, какой конецъ твоего похода.
„Ты или человѣкъ, или Богъ. Ежели ты
„изъ числа боговъ, то сдѣлай насъ безсмер-
„тными; что ежели учинишь, обладай и на-
„ми и имѣніями нашими. Ибо вѣчной жизни
„ни за какія богатства купить не можно.
„Увѣрь себя, Александръ, что мы для то-
„го противо тебя не вооружаемся, понеже
„видимъ, что и тебѣ и намъ близкой гро-
„зитъ конецъ жизни. Ибо что иное, кромѣ
„безуміе, значитъ, въ чужомъ домѣ пола-
„гать себѣ селеніе и жилище?

„Ежели бы ты, Александръ, по примѣ-
„ру нѣкотораго божества даровалъ намъ жизнь
„вѣчную; то всякъ о защищеніи своего дому
„старалсябъ. Но поелику мы извѣстны, что
„въ скоромъ времени жить престанемъ; то
„мало

„мало въ томъ нужды, тебѣ ли или другому кому останутся бѣдненькіе наши пожитки. Ибо ежели безуміе есть, въ чужомъ „домѣ такъ, какъ въ собственномъ, полагать себѣ пребываніе жизни, то гораздо вящшее есть неистовство, что тотъ, который погубляетъ жизнь, о утратѣ имѣній „печалится и крушится.

„Естьли же ты, о Александръ! самою „вещію человѣкъ, а не Богъ, то именемъ безсмертныхъ боговъ прошу тебя и заклинаю, „живи, какъ человѣкъ; ходи, какъ человѣкъ; „говори, какъ человѣкъ; почитай себя человѣкомъ; будь доволенъ, какъ человѣкъ; и не „больше желай, требуй и ищи, какъ человѣкъ. Ибо пріидетъ напослѣдокъ время, въ „которое ты, какъ человѣкъ умрешь, и будучи погребенъ и сокровенъ въ землѣ, краткую по себѣ память оставишь.

„Сказалъ я выще, что прискорбно мнѣ „было зрѣть тебя храбраго, мужественнаго, „краснаго и младолѣтнаго; нынѣ же соболѣзную видя, что ты толь ослѣпленъ свѣтомъ. Чего ради предвозвѣщаю, что ты напослѣдокъ въ то время недугъ свой узнаешь, „когда оной ужѐ никакого исцѣленія не пріиметъ. Ибо гордой юноша прежде нежели „почувствуетъ ударъ, ужѐ сердцемъ ядъ почерпнулъ.

„Вы Греки насъ, насъ горъ обитателей, „варварами называете. Но мы, повѣрь мнѣ, „языками варвары, а дѣлами Греки быть

 „жела-

„желаемъ, не подобны вамъ, языки Грече-
„скіе, а дѣла варварскія имѣющимъ. Ибо не
„тотъ варваръ, кто хорошо дѣлаетъ, и ху-
„до говоритъ; но который языкомъ витіеватъ,
„а житіемъ беззаконенъ.

„А поелику началъ я говорить, то чтобъ
„чего не пропустилъ, изъясню качество за-
„кона и житія нашего. И ты не сочти за
„важность, слыша, что я тебѣ оное говорю;
„но вмѣни за велико, видя что мы то хра-
„нимъ и исполняемъ. Понеже безчисленные
„добродѣтели похваляютъ, но весьма рѣдкіе
„ихъ исполняютъ. Вѣдай, Александръ, что
„мы имѣемъ краткую жизнь, малолюдной на-
„родъ, тѣсные предѣлы, убогіе пожитки,
„укрощенную похоть, не многіе законы, рѣ-
„дкіе домы, малое число друговъ, и паче все-
„го не имѣемъ враговъ. Ибо разумный мужъ
„долженъ быть другомъ одному, а непрі-
„ятелемъ никому. Притомъ въ братской лю-
„бви, мирѣ, тишинѣ и покоѣ живемъ между
„собою, и паче всего каждый своею участью
„доволенъ. Ибо гораздо лучше спокойствіе
„умершихъ, нежели жизнь сердецъ жребіемъ
„своимъ недовольныхъ.

„Законы наши суть не многіе, и по на-
„шему разсужденію добрые, кои въ шести
„пунктахъ заключаются.

„Сыны наши, кромѣ тѣхъ законовъ, кои
„мы отъ родителей воспріяли, множайшихъ
„да не учреждаютъ. Ибо новые законы иско-
„реняютъ иногда древніе похвальные обычаи.

„Потом-

„Потомки наши множайшихъ боговъ, кро-
„мѣ двухъ, изъ которыхъ бы одинъ попече-
„ніе прилагалъ о жизни, а другой о смерти,
„да не имѣютъ. Ибо лучше одного Бога по-
„читать въ правду, нежели многимъ покла-
„няться въ шутку.

„Всѣ одинакимъ одѣяніемъ да облекают-
„ся, и единообразную имѣютъ обувь; и ни-
„кто болѣе прочихъ, одеждѣ да не носитъ.
„Ибо изъ различія одѣяній глупость раждает-
„ся въ народахъ.

„Никакая жена больше лѣтъ да не жи-
„ветъ въ бракѣ съ мужемъ, кромѣ доколѣ
„родитъ троихъ дѣтей. Ибо множество дѣ-
„тей разжигаетъ въ родителяхъ сребролюбіе.
„Естьли же которая множайшихъ родитъ
„чадъ, оная предъ очами ихъ въ жертву бо-
„гамъ заклана да будетъ.

„Всѣ мущины и женщины паче всего да
„наблюдаютъ правду, и ежели кто во лжѣ
„обличенъ будетъ, хотя бы впрочемъ жилъ
„безъ порока, за то, что сказалъ ложь, не-
„медленно да умретъ. Ибо одинъ лживый
„человѣкъ довольно имѣетъ силъ къ погубле-
„нію цѣлаго народа.

„Женщинѣ болѣе сорока, а мущинѣ болѣе
„пятидесяти лѣтъ жить да не будетъ сво-
„боды. Естьли же они не умрутъ прежде
„сего времени; то въ жертву богамъ да при-
„несутся. Ибо великимъ разжженіемъ поро-
„ковъ бываетъ о продолженіи жизни на мно-
„гія лѣта помышленіе.

ГЛАВА

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Надобно стараться Государямъ, дабы разумѣли конецъ своего званія. Такожъ, кто былъ Ѳалетъ; о предложенныхъ ему двенатцати вопросахъ, и какіе даны имъ на каждой отвѣты.

Изстари ведется ужѐ сія пословица въ народѣ, которую и Аристотель язычникъ часто говаривалъ, что все на нѣкоторой конецъ бываетъ. Ибо нѣтъ ни единаго, добраго ли, или худаго дѣла, чтобъ наконецъ его не взиралъ тотъ, кто оное предпринимаетъ. Ежели спросишь огородника: чего онъ надѣется толь прилѣжно поливая росаду? Скажетъ во отвѣтъ: для того, дабы за огородное зеліе собрать нѣсколько денегъ. Ежели спросишь рѣку: чего ради она толь быстро и скоро стремится? услышишь, что конецъ и намѣреніе ея состоитъ въ томъ, дабы возвратиться въ море, откуда начало свое возъимѣла. Ежели спросишь деревъ: чего ради онѣ весной цвѣты производятъ? дадутъ отвѣтъ, что на тотъ конецъ, дабы принесть плоды въ осени.

Естьли бы мы увидя проѣжжаго человѣка, который пристани въ снѣгъ и стужу, рѣки съ опосностью, и лѣса со страхомъ проходитъ, лѣтнимъ временемъ ввечеру дневнаго ради зноя продолжаетъ путь свой, солнечные жары и зимнія ненастья въ пути претерпѣваетъ, о намѣреніи путешествія его спросили: по что толь нестерпимыя несетъ

сетъ трудности и досады? а онъ бы напротивъ того отвѣтствовалъ, что конецъ тому не больше, какъ и мы сами, разумѣетъ, и для чего терпитъ толикой трудъ, не вѣдаетъ; то что бы тогда разумной человѣкъ о семъ глупомъ сказалъ путешественникѣ? не изъ одного ли бы такова отвѣта осудилъ онъ его безумнымъ? Ибо при краты безсчастенъ тотъ человѣкъ, который за трудъ свой никакого награжденія не уповаетъ.

Но да приступимъ къ самой вещи; ежели бы Государь, который также, какъ и другіе человѣки, въ утробѣ зачатъ, рожденъ и воспитанъ, и равнымъ образомъ, какъ и прочіе, живетъ и умираетъ; не смотря однакожъ на то, всѣми обладаетъ человѣками; такой, говорю, будучи вопрошенъ: для чего воспріялъ онъ ту власть отъ Бога? естьли бы отвѣчая, извинялся невѣдѣніемъ тому иной причины, кромѣ что пріобрѣлъ оную по праву своего рожденія; то не отъ всѣхъ ли бы такой Царь почтенъ былъ недостойнымъ царства? Ибо никоимъ образомъ правосудія наблюдать тотъ не можетъ, который, что есть правда, не вѣдаетъ.

Слышите слово сіе, Великіе Государи и Князи, и запечатлѣйте въ сердцахъ вашихъ, сирѣчь: когда предвѣчный Творецъ восхотѣлъ устроить Царей и Князей вѣка сего; то не на тотъ конецъ поставилъ Государей, дабы они больше, нежели всѣ прочіе, ѣли, пили и покоились сномъ; ниже для того, чтобъ бо-

лѣе

лѣе всѣхъ могли говорить, веселиться и роскошьми наслаждаться; но вручая имъ пространнѣйшую паче всѣхъ власть, законоположилъ тѣмъ самимъ, дабы они всѣхъ лучшими быть старалися. Ибо крайняго огорченія и многихъ соблазновъ въ государствѣ бываетъ причиною, естьли видитъ народъ съ коликимъ преимуществомъ сильный властелинъ мудрыми и добродѣтельными людьми повелѣваетъ, и съ коликимъ напротивъ того безобразіемъ раболѣпствуетъ всѣмъ порокамъ. Я не вижу, по какому бы резону покровитель отваживался штрафовать или наказывать своего питомца за одинъ точію проступокъ, вѣдая, что самъ за каждое порознь дѣло жестокаго истязанія достоинъ. Ибо странному чудовищу подобно, ежели бы кто будучи вовсе слѣпъ, того, который однимъ только не видитъ глазомъ, врачевать, или по дорогѣ водить принимался.

Катонъ Ценсоринъ на вопросъ: „Какимъ „должно быть Царю, чтобъ онъ столько былъ „добродѣтеленъ, дабы, безъ всякаго презрѣнія, „его и любили и боялись? Доброму Государю, „отвѣчалъ, надлежитъ быть подобнымъ про„давцу цѣлительной теріаки, который, „естьли отъ яду самъ не повредится, удо„бно и купцовъ на нее обрѣтаетъ„; изображая тѣмъ, что оное наказаніе и истязаніе всѣ пріемлютъ за благо, которое непричастный порокамъ мужъ опредѣляетъ. Теріачному продавцу никогда не повѣрятъ, ежели

онъ

онъ явно предъ всемъ народомъ на самомъ себѣ прежде въ теріакѣ опыта не покажетъ; чѣмъ дается знать, что въ Государѣ похвальная жизнь не иное быть разсуждается, какъ преизрядный теріакъ къ врачеванію своего государства. Чтожъ иное есть, велерѣчить языкомъ добродѣтели, и всѣ силы истощать на пороки, кромѣ точію въ одной рукѣ держать смертоносной ядъ, лишающій жизни, а въ другой теріакъ, который избавляетъ отъ смерти? Но дабы Государю совершенное во всемъ отдаваемо было послушаніе; то все, что ни повелѣваетъ и законополагаетъ другимъ, самъ исполнять долженъ. Ибо отъ творенія добродѣтелей ни одинъ Государь не можетъ, ниже долженствуетъ быть свободнымъ. Сей отвѣтъ, Катономъ Ценсориномъ данной, приличнѣе кажется былъ Христіянину, нежели Римскому идолопоклоннику.

Воспріявшій человѣческую плоть Христосъ истинный Богъ, когда угодно было волѣ его сніити и жить на земли съ нами, тридесятъ лѣтъ въ одномъ токмо дѣланіи упражнялся, а два точію года и полъ употребилъ на дѣланіе и ученіе вмѣстѣ. Ибо сердце человѣческое гораздо больше видимымъ дѣломъ, нежели слышимымъ словомъ преклоняется. Пускай же научатся Цари отъ того, который есть истинный Царь и Владыка! пускай же научатся Государи, дабы знали, для чего они суть Государями! ибо не можетъ тотъ быть искуснымъ кормчимъ, который никогда не плавалъ по бурному морю. Подлинно, ежели бы

бы отъ меня полюбопытствовалъ Государь:
„ на какой конецъ онъ здѣсь Государемъ?
„ Для того, сказалъ бы я ему, дабы наилуч-
„ шимъ образомъ управлялъ государство, и
„ всѣмъ равномѣрное оказывалъ правосудіе,
„ не грознымъ языкомъ, и злопримѣрными
„ дѣлами, но ласковыми словами, сердца при-
„ влекающими; и честными поступками, дру-
„ гихъ къ подражанію возбуждающими. Поне-
„ же благородное сердце приказаніямъ снисхо-
„ дительно повелѣвающаго никакъ воспроти-
„ виться не можетъ „.

Дикихъ и свирѣпыхъ звѣрей укрощая, хотя стократно имъ грозятъ, но едва и одиножды ударяютъ; и хотя они ужè привязаны, различными однакожъ способами ихъ усмиряютъ, дабы звѣрское неистовство человѣческою утишилось и истребилось кротостію. Естьлижъ научаетъ насъ опытъ, что дикіе звѣри ласкою кротки бываютъ; то кольми паче оную употреблять должно для человѣковъ смысломъ одаренныхъ, то есть: благосклонностью и снисхожденіемъ къ послушанію ихъ привлекая. Ибо никто не имѣетъ толь упорнаго сердца, чтобъ ласковое обхожденіе его не укротило.

Однимъ словомъ скажу вамъ Великіе Государи и Князи, что надлежитъ добродѣтельному Царю и правительству въ своемъ обществѣ дѣлать. Каждый Государь, имѣющій наполненные истинны уста, отверстыя къ благодѣянію руки, заключенныя сказующимъ

ложь

лож҃ уши, и откровенное къ милосердію сердце, не токмо самъ блаженъ; но и царство такимъ Государемъ снабденное, преблагополучнѣйшимъ назваться можетъ. Ибо гдѣ въ Государѣ истинна, щедроты и милосердіе обрѣтаются, тамъ уже нѣтъ никакого въ государствѣ неправосудію и мучительству мѣста. Напротивъ же того всякій Государь, въ сердцѣ коего глубочайше вкоренилося тиранство, котораго языкъ утопаетъ въ лести, безчеловѣчіемъ окровавлены руки, и открытыя къ похлѣбствамъ уши, не токмо самъ, но и наивящше подданной его народъ безчастенъ. Ибо ни малѣйшаго мѣста не можетъ имѣть въ государствѣ тишина и правда, естьли управляющій онымъ Государь ласкательствами и лжею утѣшается.

За четыреста сорокъ лѣтъ передъ воплощеніемъ Христовымъ, то есть въ двѣсти сорокъ четвертомъ году отъ созданія города, во время царствованія четвертаго Персидскаго Царя Дарія, и за консульства Брута и Т. Тарквинія, процвѣталъ въ Греціи знаменитый Философъ Ѳалетъ, первый изъ семи Греческихъ мудрецовъ, слава коихъ всѣ Греческія царства премного осіяла. Ибо вящше хвалилась Греція, имѣя семь мудрецовъ; нежели Римъ, содержа въ себѣ храбрыхъ Полководцовъ. Великой былъ тогда между Римлянами и Греками споръ. Греки приписывали себѣ первенство, по причинѣ вящшаго у нихъ изобилія мудрецовъ; а Римляне присвояли

оное себѣ для того, что многочисленнѣйшее имѣли воинство. Потомъ Греки представляли, что ни гдѣ, кромѣ въ Греціи, не могутъ составить законовъ; напротивъ чего отвѣтствовали Римляне, что хотя законы установляютъ въ Греціи, но исполняютъ оные только въ Римѣ. Тѣ хвастали, что въ Греціи находятся знаменитѣйшія школы и Академіи къ обученію мудрыхъ людей; другіе напротивъ того утверждали, что въ Римѣ имѣются великолѣпнѣйшіе къ богослуженію храмы: ибо одно оказанное безсмертнымъ богамъ угожденіе, гораздо важнѣйшимъ почитать должно, нежели всѣ до человѣковъ простирающіяся выгоды.

Нѣкоторый благородный Ѳивянинъ будучи вопрошенъ: „какого онъ мнѣнія о Греціи „и Римѣ? Кажется мнѣ, отвѣтствовалъ, „ни Римляне Грековъ, ни Греки Римлянъ не „превосходятъ. Ибо Греки славу въ языкахъ, „а Римляне въ мечахъ полагаютъ; мы же „оную заключаемъ во всѣхъ добродѣтеляхъ. „Ибо одинъ честной поступокъ всѣхъ Римскихъ копьевъ, и всѣхъ Греческихъ витійствъ гораздо лучше.„

Но да возвратимся къ предлежащему намѣренію. Повѣствуютъ, что Ѳалетъ первый изобрѣлъ созвѣздіе, именуемое меньшая медвѣдица, которое мореплаватели наблюдаютъ; первый нашелъ раздѣленіе годовъ, такожъ величину солнца и луны; первый утвердилъ, что души суть безсмертны, и признавалъ

міръ

міръ сей одушевленнымъ; а сверьхъ всего не восхотѣлъ жениться. Ибо печали о прокормленіи жены и воспитаніи дѣтей, непосредственно остроту разума въ мудрыхъ людяхъ притупляютъ. Былъ кромѣ того Ѳалетъ весьма убогой; и когда нѣкоторые надъ нищетой его издѣвались, то для показанія имъ, что онъ всѣхъ ихъ богатѣе, на слѣдующій годъ откупилъ всѣ масличныя рощи, предъусмотря изъ небесныхъ бѣговъ имѣвшій быть на третій годъ въ томъ мѣстѣ великой недостатокъ елея; и поелику всѣмъ непремѣнно надобно было приходить къ нему для покупки масла, то поступалъ онъ тогда съ ними по своей волѣ. И такъ доказалъ своимъ соперникамъ, что онъ богатства презирая, любитъ нищету отъ собственнаго произволенія. Ибо того, который добровольно пріемлетъ нищету въ свѣтѣ, убогимъ ни по чему называть не должно.

Сей Философъ былъ какъ зерцало между всѣми Греческими мудрецами, и находился въ почтеніи у всѣхъ Азіатскихъ Царей; да и въ Римѣ имя его было весьма славно. Ибо онъ толико превосходилъ ученіемъ, что на всѣ вопросы отвѣтствовалъ не думая. Что же онъ имѣлъ острѣйшій разумъ, по истиннѣ удивленія достойно, понеже многіе изъ смертныхъ не токмо вопрошать и отвѣчать не умѣютъ, но сверьхъ того не хотятъ и учиться.

А поелику многіе и различные Өалету, какъ повѣствуетъ Діогенъ Лаерцій, предложены были запросы; то отвѣтствуя на оные, доказалъ изобильнѣйшую премудрость, крѣпчайшую память, и проницательнѣйшую остроту своего разума.

Во первыхъ будучи спрошенъ: „что есть „Богъ? Богъ, отвѣчалъ онъ, есть бытіе „всего того, что находится, древнѣйшее. Ибо ни прешедшіе Божіяго начала не видали, ни будущіе конца его не узрятъ.

На второй вопросъ: „какая вещь прекра„снѣе? Свѣтъ, сказалъ онъ. Ибо всякая живопись, сколь бы хитра ни была, ни малѣйшей части того, что устроила природа, совершенно изобразить не можетъ.

На третій вопросъ: „какая вещь есть „наибольшая? Мѣсто, отвѣчалъ онъ. Ибо мѣсто, которое все вмѣщаетъ, необходимо должно быть всего большимъ.

На четвертой вопросъ: „какая вещь пре„мудрѣе? Нѣтъ, сказалъ, ничего премудрѣе „времени. Ибо одно только время изобрѣтаетъ новое и возобновляетъ прешедшее.

Паки вопрошающимъ: „какая вещь есть „быстрѣйшая? Мысль, отвѣчалъ онъ. Ибо мысль ни утомляется протекая вселенную, ни подвергается опасности проходя море.

Потомъ любопытствующему: „какая вещь „есть сильнѣйшая? Человѣкъ, отвѣчалъ онъ, „коего утѣсняетъ нужда. Ибо нужда поощря-

ощряетъ разумъ невѣжи, и въ опасности малодушнаго дѣлаетъ храбрымъ.

На седмой вопросъ: „что всего труднѣе? „Познать самаго себя, отвѣчалъ онъ. Понеже не было бы никакихъ замѣшательствъ и ссоръ въ свѣтѣ, ежели бы каждый человѣкъ знать самаго себя старался.

Послѣ того на запросъ: „какая вещь есть „самая пріятнѣйшая? Отвѣтствовалъ: тѣмъ, „чего желалъ, наслаждаться. Ибо въ счастіи воспоминаніе прешедшихъ бѣдствій и печалей великая есть утѣха сердцу.

Когда спросили: „какимъ образомъ кто „нибудь весьма легко можетъ сносить против- „наго счастія удары? Ежели непріятелей сво- „ихъ, отвѣчалъ онъ, или мертвыхъ, или „страждущихъ увидитъ. Ибо въ самой вещи благоденствіе врага оскорбленному сердцу есть мечь прободающій.

Послѣ на предложенную задачу: „какимъ „бы образомъ наилучше и весьма справедливо „жили человѣки? Ежели бы, говорилъ онъ, „того, что въ другихъ признаютъ за порокъ, „не дѣлали сами. Ибо всѣ смертные въ такомъ заблужденіи погрузились, что для подаванія другимъ совѣтами изобилуютъ, но къ собственному употребленію ни одного здраваго не имѣютъ.

Сверьхъ того любопытствующимъ: „въ „чемъ состоитъ благополучіе нескупаго чело- „вѣка? Такой, отвѣчалъ онъ, и отъ мученія „скупости свободенъ, и друговъ себѣ нахо-

дитъ. Ибо скупаго мысли тревожатъ, что не соблюдаетъ; а люди ненавидятъ, что не употребляетъ.

Напослѣдокъ, когда спросили: „каковъ „долженъ быть Государь, правитель про„чихъ? Таковъ, отвѣчалъ онъ, чтобъ во пер„выхъ управлялъ самимъ собою, а потомъ „ужѐ другими. Ибо статься не возможно, чтобъ прямо тѣнь лежала, естьли кидающій оную прутъ косъ бываетъ.

Для сего послѣдняго отвѣта всѣ вопросы предложить заблаго разсудилось, дабы усмотрѣли Великіе Государи и Князи, что каждой изъ нихъ есть аки столпъ правосудія; а общество ни что иное, какъ тѣнь простирающаяся отъ того столпа, коему весьма прямымъ быть надлежитъ. Ибо по тѣни общества тотчасъ видно, ежели правосудіе и жизнь правительствующихъ не вредны пребываютъ.

Въ заключеніе же всего, доселѣ сказаннаго мною, ежели бы кто изъ Государей спросилъ меня: для чего онъ поставленъ Государемъ? однимъ словомъ такъ ему отвѣтствую: тотъ, который есть истинный Владыка, устроилъ тебя Княземъ сего свѣта на такой конецъ, дабы ты былъ искоренитель еретиковъ, отецъ сиротъ, другъ мудрыхъ, презритель беззаконныхъ, воздаятель добродѣтельныхъ, наказатель тиранновъ, бичъ злодѣевъ, заступникъ и покровитель церкви, хранитель цѣлости общества, и паче всего ревностной наблюдатель правосудія, отъ собственнаго твоего дому

му и лица начиная. Понеже во всѣхъ случаяхъ сносно, чтобъ вящшую отмѣну и первенство имѣло состоянiе Царево, кромѣ точiю въ единомъ правосудiи, которому вовсе равному между Государемъ и обществомъ быть должно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кто былъ Плутархъ величайшiй Философъ? какую говорилъ рѣчь къ Императору Траяну? и что добродѣтельный Государь есть глава общества, которая естьли не повреждена, то и государство пребываетъ нерушимо. Также пять законовъ Родiйскихъ, предписывающихъ наказанiе злодѣямъ; и что гораздо лучше жить подъ властiю правосуднаго Царя, нежели подъ строгостiю справедливыхъ законовъ.

При дворѣ Императора Траяна процвѣталъ Философъ Плутархъ, мужъ добродѣтельнѣйшаго житiя, весьма ученой, и въ великомъ у Римлянъ почтенiи. Ибо Траянъ вмѣнялъ себѣ за честь и славу многихъ въ свитѣ своей мудрыхъ и ученыхъ имѣть людей, и великолѣпныя, гдѣ ни проѣжжалъ, устроевать зданiя. Сей сочинилъ книгу называемую Плутархова Параллела, то есть житiя знатныхъ Грековъ и Римлянъ.

Кромѣ же другихъ написалъ книгу какимъ образомъ Цари поступать должны; и наименовавъ оную, *Наука Государей*, поднесъ Императору Траяну; въ пространствѣ которой

 пока-

показываетЪ прямое благородство духа, искреннюю кЪ отечеству любовь, струи краснорѣчія, и блистательной свѣтЪ своея премудрости. Ибо онЪ какЪ вЪ сочиненіи величайшимЪ искуствомЪ, такЪ и вЪ языкѣ крайнимЪ одаренЪ былЪ сладкорѣчіемЪ. Между прочимЪ же примѣчанія и вниманія достойнѣйшимЪ сочиненіемЪ, начерталЪ онЪ вЪ той книгѣ нѣкоторыя разсужденія, кои по истиннѣ должно изобразить золотыми письменами, гдѣ такЪ говоритЪ.

„Извольте быть извѣстны, Всемилостивѣйшій Государь ТраянЪ ИмператорЪ, что „ты и государство твое, не иное быть разумѣется, какЪ таинственное тѣло, по „образу существеннаго и живаго тѣла устроенное. Понеже сЪ обѣихЪ сторонЪ требуется „такого согласія, чтобЪ ИмператорЪ радовался о добрыхЪ подданныхЪ а Имперія взаимно веселилась о добромЪ Государѣ. А дабы „таинственное тѣло, вЪ которомЪ представляется государство, изобразить намЪ по „подобію живаго человѣка; то положимЪ, что „ГОЛОВА всѣхЪ есть Государь, который „верьховную имѣетЪ власть вЪ Имперіи. „ГЛАЗА, чувство зрѣнія нашего, суть добродѣтельные вЪ обществѣ мужи, коихЪ „предводительству мы слѣдуемЪ. УШИ, которыя то, что говоримЪ, слышатЪ, суть „подданные, исполняющіе повелѣнія. ЯЗЫКЪ, „чрезЪ которой говоримЪ, суть ученые люди, „преподающіе намЪ законы и науки. ВОЛОСЫ,

„ви-

„ висящіе на головѣ, суть утѣсненные насиліемъ и обидами, которые помощи у Царя просятъ. РУКИ И ПЛЕЧИ, суть Кавалеры и дворянство, кои ополчаются противо непріятеля. НОГИ, всѣхъ членовъ содержащіе тягость, суть земледѣльцы, кои всѣмъ чинамъ пріуготовляютъ пищу. ТВЕРДЫЯ КОСТИ, слабой плоти служащія подпорою, суть мудрые мужи, кои государственное поддерживаютъ бремя. СЕРДЦА, коихъ наружи не видимъ, суть искренніе доброжелатели, въ тайномъ засѣданіи Сената совѣтъ подающіе. И наконецъ ШЕЯ, соединяющая голову съ тѣломъ, есть взаимная любовь Царя и царства, изъ коихъ составляется общество „.

Сіе великій Плутархъ изрекъ Траяну. И по истиннѣ (такъ сказать) основа, станъ и нить ясно открываютъ остроту его разума. Ибо голова имѣетъ три свойства, которыя государственному правителю совсѣмъ приличны. ПЕРВОЕ, какъ въ тѣлѣ у всякаго голова прочихъ членовъ выше; такъ пространнѣйшая и большая есть, нежели всѣхъ другихъ чиновъ, власть Царева. Ибо одинъ токмо Государь власть повелѣвать имѣетъ, прочіе же повиноваться обязаны. И хотя многіе въ государствѣ знатностію рода, богатствомъ и силою одинъ другаго превосходятъ; всегда однакожъ признаютъ его вышшимъ Государемъ. Ибо великодушные Государи хотя и повседневно многихъ увольняютъ отъ службъ; но никого

 кого

кого и никогда не дѣлаютъ отъ рабской вѣрности свободнымъ. Чего ради имѣющіе въ государствѣ власть и почтеніе пускай довольны будутъ считаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ на крѣпости зубцы; кои предмѣстія выше, а подзорныхъ башней ниже. Ибо какую ни имѣютъ они надъ простымъ народомъ власть и силу, должны относить Государю, который надъ всѣми оную имѣетъ. Слѣдовательно разумному и чиномъ почтенному мужу неприлично засматриваться на Государя, простирающагося въ высоту по подобію башни; но надлежитъ углублять взоръ свой на предмѣстіе и ограду, въ видѣ коихъ представляется чернь народа. Скажу я одну вещь, не уважая, въ какую бы кто ни толковалъ ее сторону; что естьли Вельможи Царемъ и царствомъ повелѣвать затѣваютъ, не иное значитъ, какъ ежели бы выше головы поднимались рамена и руки.

Поелику много я слышалъ, читалъ и извѣдалъ опытомъ въ моей жизни: то всѣмъ предбудущихъ вѣковъ народамъ совѣтую: буде желаютъ они наслаждаться своимъ богатствомъ; естьли хотятъ провождать жизнь свою въ безопасности; и ежели вожделѣнно имъ свободными быть отъ мучительскаго насилія, и безмятежно жить въ государствѣ; пусть не допускаютъ, въ коемъ либо царствѣ или княжествѣ болѣе, какъ точію одному обладать Государю. Понеже главное есть правило, что ежели многіе повелѣваютъ въ госу-

дар-

дарствѣ, какъ оное, такъ и самые владѣтели его неминуемой наконецъ подвергаются пагубѣ. Искуство насъ увѣряетъ, что мы отъ природы изъ многихъ жилъ, костей, плотей, перстовъ и зубовъ сложены; и всѣ тѣ члены одно составляютъ тѣло, въ которомъ одна токмо голова находится; равнымъ образомъ и государство хотя изъ многихъ чиновъ состоитъ, но отъ единаго токмо Государя управляемо быть должно. Естьли бы въ человѣческой было власти учреждать Государей, то и отрѣшать ихъ имѣлибъ силу: но какъ справедливѣе самой истинны, что они поставляются Богомъ; то никто, кромѣ Бога, и отрѣшать ихъ не можетъ и не долженъ. Ибо тому, что жезлъ Божественной судьбы отмѣряетъ, человѣческой воли локтемъ вновь перемѣряему быть не достойно.

Я не вѣдаю, какое посредственныхъ людей славолюбіе, меньшихъ зависть, и большихъ гордость побуждаетъ, что желаютъ повелѣвать, и не хотятъ повиноваться; когда по видимому въ таинственномъ тѣлѣ государства самый пресильный Вельможа столькожъ, какъ оторванной отъ руки перстъ, сухой отъ ноги отсѣченной ноготь, или вырванной изъ головы волосъ могущества имѣетъ. Чего ради пусть всякъ въ отечествѣ своемъ живетъ спокойно, и должное послушаніе отдаетъ Государю; естьли же того не станетъ дѣлать, или воспротивится, то пускай вѣдаетъ, что какъ отъ самаго его проистекло погрѣшеніе, такъ

такъ и казнь за то на самаго егожъ прольется. Ибо древній законъ гласитъ: *кто мечь обнажитъ на Государя, такопаго злодѣя голову предъ стопами его да положатъ.*

Кромѣ того Царь головѣ уподобляется справедливо, понеже голова есть начало и источникъ человѣческой жизни; а прочее все, отъ естества питаемое, силу свою въ верьхъ простираетъ. Ибо видимъ мы, что земля испущаетъ въ верьхъ изъ себя пары, травы растутъ къ верьху, моря въ верьхъ поднимаютъ волны, дерева въ верьхъ прозябаютъ, и духъ огня въ высоту стремится; но одинъ токмо бѣдной человѣкъ растетъ къ низу. Ибо человѣческая плоть ни что иное есть, какъ земля изъ земли взятая, и на земли обитающая, естественно къ землѣ, яко основанію своему, клонится. Справедливо сказалъ Аристотель, что человѣкъ есть дерево, превратнымъ образомъ насажденное, котораго корень голова, стволъ тѣло, вѣтви рамена, кора плоть, сучье кости, мозгъ сердце, червоточина злоба, клей любовь, цвѣты слова, и плоды дѣла похвальныя. Но порядокъ требовалъ быть тамъ головѣ, гдѣ ноги; и гдѣ голова нынѣ, тамо ногамъ должно было имѣть мѣсто. Ибо голова есть корень, а ноги суть вѣтви. Однакожъ кленусь Богомъ, что мы исправно началу нашему соотвѣтствуемъ. Ибо естьли тѣло насаждено развратнымъ образомъ; то гораздо и того еще развратнѣе жизнь свою мы провождаемъ.

Но

Но дабы не удалиться отъ предмета, утверждаю, что не меньше царство Царю, какъ и Царь царству основаніемъ своимъ должны. Сіе изъ того явственно, что законы и уставы Царь предписываетъ, а не отъ царства самъ пріемлетъ; что награжденія и щедроты Царь на царство, а не царство на Царя изливаетъ. Такожъ опредѣлять войну, дѣлать миръ, заключать союзъ, награждать добродѣтельныхъ, и укрощать мучителей, касается до царской власти, а не царства. Ибо одному токмо царскому величеству учреждать и повелѣвать прилично; а государству прилѣплятьця къ его власти и повелѣнное исполнять должно. Какъ огромному и великолѣпному зданію вящшей наноситъ вредъ одинъ изъ основанія рушившійся камень, нежели шесть сотъ крышекъ упадшихъ съ кровли; такъ гораздо вящшее заслуживаетъ порицаніе и казнь одинъ проступокъ, царское величество оскорбляющій, нежели сто погрѣшеній противо гражданства учиненныхъ. Ибо видали мы, что изъ самомалѣйшаго упорства и непослушанія премногія и зловреднѣйшія слѣдствія въ государствѣ происходили. Ахъ, коль нужно Царю, быть премного отъ царства своего любиму! и сколь необходимо государству, чтобъ всѣ Царя боялися! Понеже ни Царь ненавидимый царствомъ, жить въ покоѣ; ни государство, коему Царь не страшенъ, порядочно управляемо быть не можетъ.

ВЪ Тринакріи, называемой нынѣ Сицилія, Государи всегда нѣчто отмѣнное имѣли. Ибо въ древнія времена то добродѣтельные и храбрые Короли, то свирѣпые и беззаконные тиранны ею управляли? Между коими, за Севера Императора, намѣстникомъ былъ въ Сициліи добродѣтельнѣшій и во всей Римской Имперіи славный и почтеннѣйшій мужъ Лелій Пій. Но къ намѣренію нашему способствуютъ законы, которые во время правленія его въ томъ царствѣ изданы.

„Ежели взаимныя произойдутъ между „равными лицами обиды; то отъ части на„казывать, а отъ части умалчивать должно. Ибо гдѣ вражды вкоренилися, тамъ лучше примирять сердца, нежели наказывать людей.

„Естьли большій отъ меньшаго обиженъ „будетъ, то за оное озлобленіе, не производя „строгихъ слѣдствій, жестоко наказывать должно Ибо ко уврачеванію упрямства и безстыдства рабскаго, ни что такъ не способствуетъ, какъ пластырь жестокаго истязанія.

„Ежели кто повелѣнію Государеву явнымъ „образомъ дерзнетъ воспротивиться; то не„медленно смертію казненъ да будетъ. Ибо отъ неправеднаго повелѣнія съ учтивостью просить свободы, а не продерзско оное уничтожать должно.

„Всчинающаго заговоръ противъ Государя „всякому умертвить свободно да будетъ безъ „наказанія. Ибо весьма справедливо тотъ

соб-

собственной головы лишается, который в государстве многия чужия головы погубить желает.

Сказанное доселе находится у Геріана в 4. книге о Сицилийских Королях, где многіе и изрядные описывает он законы и обычаи древних людей с не малым посрамленіем нынешняго века. Ибо самою вещію оные не точію похвальными делами, но и важными разсужденіями нас превосходили.

Но да возвратимся к намеренію; все человеки с крайним попеченіем охраняют голову, так что каждой скорее даст отрубить себе руку, дабы только голова поражена не была. Из чего разуметь надлежит, что учиненной обществу вред подобится ране, которая уязвляет; но ослушаніе противо Государя есть смертельной удар в голову.

Естьли бы спросил меня кто нибудь: ,, каким между собою Государи и государства ,, сопрягаются союзом? Очень коротко я ему ,, ответствовал бы, что все благополучіе ,, царства и Царя от того зависит, дабы ,, Царь имел обращеніе свое с добродетель,, ными, не вступая вовсе в обхожденіе с ,, людьми беззаконными,,. Ибо никоим образом статься не возможно, чтоб Царь любил свое государство, естьли окружающіе его други суть злонравны. Кроме того Царь искренно царство свое любить, а царство Царю нелицемерно служить долженствует. Ибо ежели государство почувствует к себе любовь

бовь своего Государя; не сыщется ничего толѣ невозможнаго, чтобы оно съ крайнѣйшею ревностію для него не учинило.

Царь съ подданными своими поступать какъ съ дѣтьми, а подданные Царю, какъ отцу повиноваться должны. Понеже ни доброй отецъ терпѣливно зрѣть чадъ своихъ въ злоключеніи, ни добрые дѣти отъ должнаго послушанія отцу отречься никоимъ образомъ не могутъ; притомъ Царю надлежитъ быть справедливу въ своихъ повелѣніяхъ, а подданнымъ наблюдать въ послушаніи вѣрность. Ибо естьли хорошо жить подъ строгостію справедливыхъ законовъ; то гораздо еще лучше пребывать подъ властію Царя правосуднаго. Сверьхъ того Царь подданныхъ своихъ оборонять отъ непріятелей долженъ, а подданные Царю исправно уплачивать дань повинны. Ибо Царь очищающій государство свое отъ тиранновъ, не безъ справедливости всѣхъ богатствъ обладателемъ бываетъ.

Кромѣ того Царь всячески стараться долженъ о соблюденіи въ государствѣ своемъ тишины и мира, а царство съ глубочайшимъ раболѣпствіемъ почитать Царя должно. Ибо повелѣній презрѣннаго Государя надлежащимъ образомъ слушать никогда не станутъ. Напослѣдокъ, добраго Царя званіе бодрствовать, дабы царство имъ утѣшалось; а вѣрному царству надобно быть неусыпнымъ, что бы не допускать Царя ни до малѣйшаго оскорбленія и печали. Сіе ежели дѣлаться будетъ, то никогда

когда Царь безчастнымъ назваться не можетъ; но какъ самъ онъ, такъ равно и царство его по всякой справедливости имя благоденствующихъ себѣ припишутъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ въ головѣ обрѣтаются два чувства, слуха и обонянія; такъ равнымъ образомъ и Государь, яко глава общества, долженъ обидимыхъ слушать, наказанія ради беззаконныхъ; и каждаго познавать состояніе для возблагодаренія за службы. Кромѣ того, мудрымъ Государямъ надлежитъ, всякаго жалобы слушая со вниманіемъ и охотою, въ приговорѣ наблюдать важность.

Поелику Государя назвали мы главою общества; то благопристойно теперь разсуждать, что какъ глава есть жилищемъ всѣхъ чувствъ, такъ равно и Государь всѣхъ чиновъ основаніемъ быть долженъ. Ибо разсѣяннымъ во многихъ добродѣтелямъ, въ Государѣ соединеннымъ быть надлежитъ. А какъ не есть званіе ногъ смотрѣть, но ходить; не рукъ должность слышать, но работать; не плечей дѣло обонять, но поддерживать; такъ всѣ тѣ должности не члены, коими суть подданные, но самъ Царь исполнять повиненъ. Ни одинъ удъ не можетъ несть того званія, что самая голова. Ибо никакой другой членъ тѣла не снабдѣнъ глазами; чего ради, кромѣ Государя, яко обладателя всѣхъ, никому больше не прилично и познавать состояніе кажда-

го; такъ какъ Іулій Цесарь всѣхъ въ войскѣ своемъ зналъ и каждаго называлъ по имени. И для того прилѣжно увѣщаваю слышащихъ или читающихъ сіе Государей, дабы посѣщать и посѣщаемы быть не гнушались, и не возбранной подавая входъ желающимъ ихъ видѣть, ласково бесѣдовали со всякимъ. Ибо чего не видимъ глазами, того и любить сердечно не можемъ.

Кромѣ того достойно примѣчанія, что одна токмо голова имѣетъ уши. Симъ дается знать, что Царю, а не другому кому либо прилично всякаго слушать, и имѣющимъ къ нему дѣло оставлять отверстыя двери. Ибо непосредственное есть благополучіе государства, ежели невозбранной входъ бываетъ къ Государю. Елій Спарціанъ весьма похваляетъ Императора Траяна, что онъ сѣдши уже на лошадь, въ походъ итти намѣревая, слѣзъ опять съ оной для единственнаго выслушанія жалобы отъ убогонькой женщины, чѣмъ у Римлянъ великую заслужилъ славу, да и по достоинству. Понеже естьли бы человѣки легкомысліемъ не помрачилися; то за единое правосудно рѣшенное дѣло вящшую, нежели за многія полученныя на сраженіяхъ побѣды приписывалибъ похвалу Государямъ. Не точію же неправедно, но и самому Государю трудно, а народу огорчительно и ненавистно; ежели онъ непрестанно въ заперти кроется. Ибо гдѣ Государи затворяютъ двери подданнымъ, тамъ

тамъ и подданные Государямъ сердецъ своихъ не открываютъ.

Ахъ, коль многихъ и коликихъ въ Государствѣ бѣдъ причиною бываетъ то, что Государи не говорятъ къ подданнымъ ни единаго слова, и не хотятъ прозьбъ ихъ слушать! Іулій Цесарь хотя былъ храбрый и добродѣтельный Императоръ; но потомъ будучи возведенъ на верьхъ сего достоинства, сдѣлался уже неприступенъ къ приходящимъ. Чтожъ отъ сего послѣдовало? По той единственно причинѣ, что поданной на дорогѣ ему нѣкоторымъ человѣкомъ доносъ, въ коемъ злоумышленіе на жизнь его изображалось, оставилъ не прочетши, двадцатью тремя смертельными ранами избоденъ въ Сенатѣ. Напротивъ же того Маркъ Аврелій Императоръ толикое ко всѣмъ являлъ снисхожденіе, что хотя былъ Монархъ, и всѣ государственныя дѣла, нынѣ уже на многихъ возложенныя, отъ одного его зависѣли, не употреблялъ однакожъ никогда въ домѣ своемъ ни придверника, ни докладчика, и никому, кто бы какое ни имѣлъ до него дѣло, развѣ за нѣкоторымъ препятствіемъ, ни въ одинъ день не возбранялъ къ себѣ входа. По истиннѣ, тотъ Государь весьма нечувствителенъ, и едваль не сказать, любви недостоинъ, который къ благодѣтельствовавшимъ его многими и усерднѣйшими заслугами, скупится и ласковыхъ словъ промолвить. Ибо разумнымъ и великодушнымъ Государямъ къ слушанію всѣхъ скорымъ и го-

товымъ, а въ рѣшенiи и учрежденiи дѣлъ разборчивымъ и осторожнымъ быть надлежитъ. Многiе приходящiе для свиданiя и бесѣды съ Государями, хотя знаютъ, что ни совѣтовъ ихъ не послушаютъ, ниже прозьбамъ дадутъ мѣсто, желаютъ однакожъ и неотступно требуютъ, дабы выслушали ихъ представленiя. И по истиннѣ, въ томъ отказывать имъ Государи не должны. Ибо сердце обремененное печальми и погруженное въ скорби не малую отъ выслушанiя получаетъ отраду.

Теперь вопрошаю: для чего въ одной токмо головѣ, а не въ рукахъ, ногахъ, или другой тѣла части, пребываетъ чувство обонянiя? Для того, что Государь, яко глава, всѣхъ познавать, и о житiи каждаго освѣдомляться долженъ. Въ великихъ и густыхъ лѣсахъ охотники съ гончими и ищейными псами больше посредствомъ обонѣнiя, нежели зрѣнiя ихъ, кроющихся звѣрей находятъ. Изъ сего разумѣется, что хотя невозможно, дабы Государь, будучи одинъ, всѣхъ распозналъ, и всѣхъ слушалъ; однако по возможности необходимо надобно ему стараться о житiи каждаго быть извѣстнымъ. Ибо не можетъ тотъ Государь порядочно управлять государствомъ, который совершеннаго о всѣхъ обстоятельствахъ его знанiя не имѣетъ.

Государю нужно познать добродѣтельныхъ, что бы могъ снабдѣвать ихъ честiю: ибо великой тому государству бываетъ стыдъ и поношенiе, гдѣ ни распознаютъ злонравныхъ,

ни почитают добродѣтельных. Беззаконных же надобно узнать Государю, дабы мог их исправить: ибо великой государству бывает вред злочиніе непотребных людей без всякаго стыда оставлять в ненаказанности. Нужно также Государю вѣдать мудрых и ученых людей, дабы мог пользоваться их совѣтами: ибо древніе Римляне не называли и не почитали Сенатом, естьли оной из Философов и старѣйших мужей составлен не был. Надобно Государю узнать тѣх, кои щетливы и к обученію других искусны: ибо при дворах Римских Государей всегда находилися Трибуны обучающіе ружью, и ученые люди, преподающіе науки и художества.

Царю потребно узнать в государствѣ своем людей убогих, дабы мог дѣлать им вспоможеніе; понеже Цари аки бы растворять государство свое должны, таким образом, чтоб ни богатые излишества к роскошам и порокам, ни убогіе на повседневныя нужды недостатка не имѣли. Надлежит познать Царю гордых и завистливых, дабы мог смирить их: ибо от зависти убогих и гордости богатых, в кратком времени знаменитое разоряется государство. Нужно Государю познаніе миролюбивых, дабы сохранить их в тишинѣ и покоѣ: понеже добраго Государя званіе у мятежников ощипать (так скажу) перья спеси, и спокойным надѣвать крылья благопріятства. Нужно Го-

сударю вѣдать оказавшихъ ему вѣрныя службы, чтобъ по достоинству могъ награждать ихъ; понеже благородному сердцу и самомалѣйшая награда къ произведенію храбрыхъ дѣлъ великимъ поощреніемъ бываетъ. Нужно Государю вѣдать знатныхъ государства своего дворянъ, дабы при случаѣ могъ употребить ихъ въ Министры; понеже справедливость требуетъ, храбростью и знатностью рода сіяющему мужу, противо всѣхъ прочихъ съ отмѣною въ государствѣ быть предпочтенну. Напослѣдокъ утверждаю за нужное Государю узнать наушниковъ и клеветниковъ, чтобъ никогда имъ не вѣрить; такожъ любителей правды, чтобъ всегда могъ ихъ жаловать. Понеже добродѣтельному Государю никто толь любезнымъ быть недостоинъ, какъ мужъ правдивой; и никто толь ненавистнымъ, какъ человѣкъ обманчивой и лживой.

Ахъ, коль нужно Государю совершенное всего царства и обстоятельствъ его познаніе, дабы обманутъ не былъ, какъ то въ противномъ случаѣ обыкновенно дѣлается! Многіе однакожъ Государи вовсе отдаются въ обманъ не по другой причинѣ, какъ токмо что не хотятъ отъ мудрыхъ людей слушать подаваемыхъ увѣщаній и совѣтовъ. Ибо многіе съ Государями бесѣдуя, говорятъ то, что Государю кажется угодно и полезно; но въ самой вещи съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы обманувши Государей, употребить оное дѣло къ собственной своей пользѣ и корысти.

Елій

Елій Спарціанъ повѣствуетъ, что Александръ Северъ двадесять пятый Императоръ Римскій былъ мужъ весьма храброй; и между прочимъ похваляетъ его за то, что для совершеннаго свѣдѣнія о всѣхъ военнослужащихъ имѣлъ въ спальнѣ у себя краткой списокъ, въ которомъ число, время службы, и произвожденіе записывалъ; почему увѣдомляли его о томъ только, естьли находилось гдѣ порожнее мѣсто. Ибо сей преславный Императоръ награждалъ чинами не по ходатайствамъ, какія, безъ сомнѣнія, происходили; но тѣхъ, коихъ изъ списка узнавалъ достойными къ производству.

Безъ сомнѣнія Государи подтвердятъ клятвой, что естьли ошибаются они въ награжденіи за службы, то дѣлаютъ сіе ненарочно. Однакожъ не могутъ извиниться въ жестокомъ своемъ погрѣшеніи, что или не хотятъ освѣдомляться, или и освѣдомясь никогдабъ того не дѣлали. Ибо тотъ Государю никогда не подастъ здраваго совѣта, кто при совѣтованіи на собственную свою взираетъ пользу.

Все щастіе Государей въ томъ заключается, чтобъ умѣли они выбирать изъ добраго наилучшее, изъ противнаго безопаснѣйшее, и добродѣтельныхъ награждать не забывали; въ которомъ случаѣ Государи паче на достоинство заслугъ, нежели на частыя ходатаевъ прозьбы взирать должны. А инако, за благодѣяніе болѣе къ исходатайствовавшему оное Ми-

нистру, нежели къ самому Государю, отъ коего получено, благодарность простираться будетъ.

Все говоренное доселѣ касается къ показанію той справедливости, которая необходимо требуетъ, дабы Государь, яко обладающій всѣми, о состояніи каждаго былъ извѣстенъ; въ противномъ же случаѣ, отъ тмы обрѣтающихся въ государствѣ злоковарныхъ людей всегда будетъ обманутъ. Въ заключеніе же вторично подтверждаю: естьли Государь о житіи каждаго освѣдомляться не будетъ, то кора въ существо, кость въ мозгъ, отруби въ муку, пригарь въ золото, плевы въ зерно, цвѣты въ вино или медъ превратятся; сирѣчь: когда въ раздаваніи награжденій и изливаніи щедротъ будетъ думать Государь, что онъ въ надлежащую цѣль умѣтилъ; то на цѣлое пространство неба отъ оной отшибется.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О торжественномъ днѣ, которой Римляне праздновали Яну богу въ первомъ числѣ Генваря мѣсяца, и объ оказанныхъ тогда Маркомъ Авреліемъ Императоромъ особливыхъ щедротахъ.

Между знаменитѣйшими торжествами, изобрѣтенными отъ древнихъ Римлянъ, былъ праздникъ Яновъ, которой отправляли въ первой день каждаго новаго года, то есть перь-

перьваго числа въ Генварѣ мѣсяцѣ. Понеже Евреяне годъ съ начала Марта, а Римляне съ перьваго числа Генваря начинали. Сего Яна Римляне имѣли двуглавной истуканъ, такъ что отъ одной головы годъ начинался, а на другой окончивался. Емужъ посвященъ былъ въ городѣ великолѣпнѣйшій храмъ, который назывался храмъ мира, гдѣ съ крайнимъ благоговѣніемъ его почитали, и многіе всѣ граждане приносили жертвы ему, умоляя, дабы заступалъ ихъ отъ непріятелей. Ибо никогда и ни одинъ народъ толь счастливыхъ въ войнѣ не имѣлъ успѣховъ, которомубъ не былъ полезнѣе миръ и спокойство.

Римскіе Императоры идучи на войну, или возвратясь изъ походу, прежде всего хаживали во храмъ Юпитеровъ, потомъ Вестальскихъ дѣвъ, а напослѣдокъ Яновъ; дѣлая сіе по закону Римскому, который повелѣвалъ Императору въ послѣднемъ отлученіи изъ города приходить во храмъ Юпитеровъ; по возвращеніи же прежде всего посѣщать Яновъ. Здѣсь я ко свѣдѣнію предлагаю любопытнымъ и желающимъ познать древности, что Императоры отправляясь въ походъ, во храмѣ Вестальскихъ дѣвъ облекалися въ царскую мантію, и во храмѣ Юпитеровомъ Сенаторы въ ногу, во храмѣ же Яновомъ Консулы въ простертую назадъ руку ихъ цѣловали. Ибо съ того времени, какъ безчеловѣчнѣйшій Силла умертвилъ три тысячи гражданъ, лобызающихъ его десницу, Римляне не при-

 кла-

кладывались къ рукѣ ни одного потомъ Императора.

Естьли же Языческіе Императоры въ какой нибудь походъ шествуя, не выступали прежде изъ города, пока богомерзскихъ не посѣтили капищъ, ниже возвратясь входили въ городъ, доколѣ благословенія (такъ сказать) отъ тѣхъ проклятыхъ боговъ не воспріяли; то кольми паче надобно дѣлать сіе Христіянскимъ Государямъ, извѣстнѣйше вѣдая, что храмы ихъ посвящены Богу истинному, и на божественное опредѣлены служеніе? А инако Государь, который забывъ Бога въ начинаніяхъ своихъ полагается на человѣковъ, увидитъ, коль удачливой въ рукахъ человѣческихъ намѣренія его успѣхъ получатъ.

Но да приступлю къ намѣренію. Въ тотъ день, когда отправлялся праздникъ Яновъ, жители Римскіе отъ улицы до улицы торжествовали. Ибо въ праздничные дни Марса, Юпитера, Яна, Венеры и Верекиніи, бывало публичное во всемъ городѣ торжествованіе. Но другихъ боговъ, коихъ весьма много имѣлось, праздники торжествованы были по частямъ города. Облекались же Римляне того дня въ драгоцѣннѣйшія одежды; ибо по тогдашнему обыкновенію, который гражданинъ къ почести торжественнаго праздника не имѣлъ хорошаго платья, или отлучался въ тотъ день изъ города, или сидѣлъ запершись дома.

Сверьхъ

Сверьхъ того, для изъявленія всеобщей и каждаго особо радости, ставили во оной день многіе на храминахъ фонари, зажигали частыя передъ воротами плошки, и представляли ко увеселенію народа многія комедіи и игры. Ибо праздники суетныхъ человѣковъ больше къ прохладѣ тѣла, нежели къ исправленію ума и совѣсти служатъ. Такожъ во храмахъ узаконено было всенощное бдѣніе. Всѣхъ въ тотъ день освобождали сидящихъ за долги по темницамъ, уплативъ оные изъ казны государственной, въ согласіе того обыкновенія, по которому въ Римѣ обнищавшихъ дворянъ и знатныхъ лицъ снабдѣвали прокормленіемъ изъ публичныхъ доходовъ. Кромѣ сего, выставляли въ томъ день у воротъ для гостей столы съ превеликимъ изобиліемъ кушаній, такъ что гораздо больше оставалось, нежели поѣдали. Ибо легкомысленные человѣки во время толикихъ праздниковъ за вящшую похвалу вмѣняютъ себѣ то, что разольютъ и разбросаютъ, нежели что сопьютъ и употребятъ въ пищу.

А дабы не остался никто безъ удовольствія, то сыскивали всѣхъ нищихъ и убогихъ, чтобъ и оные праздновали тотъ день во всякомъ изобиліи. Понеже древніе имѣли такой законъ, что никому невольно было всенароднаго отправлять торжествованія до тѣхъ поръ, пока всѣхъ въ улицѣ своей не удовлетворилъ бѣдныхъ. Ибо Римляне думали, что естьли тотъ день будутъ праздновать щедролюбно; то

што Янъ, божество временныхъ благъ, избавитъ ихъ отъ всякаго недостатка; признавая Яна бога весьма благоларнымъ, которой за малое его ради иждивеніе наврадитъ преизобильно. И такъ въ день праздника Янова многолюдно собирались на моленіе, однакожъ не всѣ вмѣстѣ; но Сенаторы, Жрецы, Цензоры, простолюдины, жены и Весталъскія дѣвы, порознь; а иностранные Послы всѣ съ плѣнниками шествовали во храмы. Въ тотъ день Императоръ по обыкновенію Римскому облекался въ порфиру, яко клейнодъ Имперіи; и всѣ невольники, которые токмо могли къ оной прикоснуться рукою, получали вольность; такожъ прощали преступниковъ, и ссылочныхъ свобождали изъ заточеній. Ибо Римскіе Государи ни единаго не торжествовали праздника, въ которой бы не оказали особливыхъ знаковъ своего милосердія и щедроты.

Былъ тогда въ Римѣ Императоромъ М. Аврелій, прекраснѣйшей Фавстины супругъ. Онъ нѣкогда въ праздникъ Яновъ, оставя великолѣпной Сенаторской соборъ, и не употребя никакихъ тѣлохранителей, вмѣщался въ толпу невольниковъ, которые удобно и къ порфирѣ его прикоснулись, и всевожделѣннѣйшую свободу получили; всевожделѣннѣйшую говорю потому, что плѣнникъ весьма мало имѣетъ отрады своему сердцу. Но понеже доброй человѣкъ никакого почти не учинитъ преславнаго дѣла, коегобъ тотчасъ кто нибудь злонравной не похулилъ; то сей поступокъ

покѣ не меньше злые люди охуждали, какѣ добродѣтельные хвалили. Ибо нѣтѣ ни одного толь славнаго и похвальнаго дѣла, чтобѣ оное не бодаемо было (такѣ сказать) колючимѣ чьего нибудь злопротивнаго устремленія терномѣ.

Вѣ бѣдственной сей жизни довольно испыталѣ я всякую вещь, сирѣчь: какѣ между добродѣтельными лучшій кто нибудь передѣ другими преимуществуетѣ, такѣ и посреди беззаконныхѣ злонравнѣйшій кто либо превосходитѣ; и всего хуже, что не толикую изѣ добродѣтели честной человѣкѣ славу, коликую изѣ злочинія и непотребства беззаконной продерзость почерпаетѣ. Понеже отѣ добродѣтели скромность, а отѣ беззаконія необузданность естественно зараждаются.

Говорю я сіе для того, что находился между Римскими Сенаторами нѣкто, именемѣ Фульвій, сѣдиною бѣлѣе снѣга, но злонравіемѣ чернѣе и самой смолы, коего за старость многіе вѣ Римѣ почитали, напротивѣ же того за непотребство всѣ вѣ государствѣ ненавидѣли. Онѣ старался нѣкогда быть преемникомѣ Императорскаго по Адріанѣ престола, случай однакожѣ желанію его не соотвѣтствовалѣ: чего ради непрестанно питалѣ вѣ сердцѣ своемѣ тайную на Марка Аврелія злобу, и оному по всюду, какѣ непріятелю, противорѣчилѣ. Ибо изѣ злаго сердца не можетѣ ни одно произойти пріятное слово. И Фульвій такѣ досадовалѣ на Марка Аврелія, ко-

который будучи младолѣтный юноша перенялъ у него старика Императорскую корону, что ни одного и никакого Маркъ не учинилъ знаменитаго дѣла явно, коегобъ онъ не ругалъ и не хулилъ тайно. Понеже природа такъ учинила, что злобное сердце и въ самомалѣйшемъ случаѣ злость свою наружу открываетъ.

И такъ часто я самъ въ себѣ разсуждаю, съ вящшею ли твердостію добродѣтельные противятся злонравному, или съ большимъ дерзновеніемъ беззаконные противоборствуютъ добродѣтельному? Ибо нѣтъ ни одного въ свѣтѣ толь отважнаго звѣря, какъ злой человѣкъ, ни малѣйшаго стыда неимѣющій. О когда бы добродѣтельные въ добрыхъ дѣлахъ толикое имѣли согласіе и постоянство, коликое злонравные въ злодѣйствахъ имѣютъ единомысліе и безстыдство! Понеже славою добродѣтели сіяющій мужъ къ творенію и одного добраго дѣла не находитъ кто бы учинилъ ему вспоможеніе; но какъ только оное совершилъ, то ужѐ шесть сотъ человѣкъ его охуждаютъ. Дай Богъ! чтобъ читатели книги сея настоящее разсужденіе крѣпко въ памяти затвердили! сирѣчь: край злодѣйствъ въ людяхъ беззаконныхъ, что они забывъ свое человѣчество, и поправъ смыслъ, безразсудно противо правды и любящихъ добродѣтель стремятся, вовсе ослабляя узду беззаконіямъ и порокамъ. Ибо ежели худо быть самому собою злонравнымъ, то гораздо еще

жуже не допускать чтобъ другой былъ добродѣтельнымъ.

Чего ради пусть увѣрятъ себя Великіе Государи и Князи, что никогда не избѣгнутъ они недоброхотовъ, кои преславныя дѣла ихъ будутъ въ противную толковать сторону; и поколику нужна имъ крѣпость къ творенію добродѣтели, потолику потребно и терпѣніе къ сношенію клеветы беззаконныхъ. Ибо тягостнѣе благородному и великодушному сердцу чужая зависть, нежели собственный трудъ и льющійся потъ изъ слабыя плоти. Почему не должны унывать Великіе Государи и Князи слыша, что преславныя ихъ дѣла охуждаютъ. Ибо они, яко сущіе человѣки, между человѣками живутъ, и бѣдствій съ человѣчествомъ сопряженныхъ избѣгнуть не могутъ. Понеже не было еще ни одного толь добродѣтельнаго въ свѣтѣ Государя, коегобъ не уязвили языки людей беззаконныхъ.

Государи, добрые ли или худые, по истиннѣ сожалѣнія достойны. Ибо ежели они злонравные, то привлекаютъ на себя ненависть всѣхъ добродѣтельныхъ; буде же добродѣтельные, то немедленно попадаютъ въ зависть и злорѣчіе всѣхъ беззаконныхъ. Октавій Императоръ былъ предобродѣтельнѣйшій Государь, но въ чрезвычайной ненависти находился у своихъ соперниковъ. Онъ будучи отъ друговъ вопрошенъ: „для чего „дѣлая всѣмъ добро, отъ многихъ терпитъ „поношеніе? Я, други мои, отвѣчалъ, свобо-

„да

„ дя городЪ отЪ непріятелей, свободилЪ купно и языки людей недоброхотныхЪ, дабы „ говорили они то, что имЪ угодно. Понеже „ было бы неправедно, естьли бы камни хва- „ лилися вольностью, а языки жаловались на- „ противЪ того, что они плѣнены и связаны. Сими словами по истиннѣ благоправнѣйшій оный ИмператорЪ довольно изъяснилЪ свое великодушіе и мудрость, давая тѣмЪ знать, что онЪ поношенія зложелателей пренебрегаетЪ; которыя и вЪ самой вещи добродѣтельному человѣку ни во что вмѣнять должно. Ибо главное есть правило, что пороки всегда покровителей пріобрѣтаютЪ, а добродѣтели во всякое время соперниковЪ себѣ питаютЪ.

Правду сказалЪ ПлатонЪ вЪ книгѣ о законахЪ, что злые всегда бываютЪ сугубо злые, сирѣчь: носятЪ оружіе какЪ для защищенія собственнаго зла, такЪ и подтвержденія ради чужаго добра. И для того хотя добродѣтелью сіяющимЪ людямЪ надлежитЪ со многимЪ бодрствованіемЪ сыскивать себѣ подобныхЪ; однакожЪ сЪ вящшею неусыпностію должно имЪ остерегаться злыхЪ. Понеже доброй человѣкЪ и однимЪ перстикомЪ, куда ни захочетЪ, можетЪ склонить всѣхЪ людей добродѣтелью одаренныхЪ; а чтобЪ уберечься и оборонить себя отЪ одного токмо злаго человѣка, не точію рукЪ и ногЪ, но и помощи пріятелей ему надобно.

Не напрасно ѲемистоклЪ Аѳинейскій утверждалЪ, что нѣтЪ ничего изЪ всѣхЪ вещей ему

ему досаднѣе, какъ зависимость чести его отъ чужой воли. Ибо весьма жалостно и прискорбно, что добраго человѣка жизнь и честь нѣкоторый злодѣй языкомъ, какъ будто перомъ описываетъ. Какъ невозможно статься, чтобъ въ печи изъ горящихъ углей не выскакивали искры, или навозъ на гноищи не испускалъ смраднаго духа; такъ изъ добраго и непорочнаго сердца любезныя проистекаютъ слова, а изъ злобнаго и негоднаго досадительныя шумятъ рѣчи. Ибо ежели тлѣютъ дрова гнилые, дымъ свѣтлой быть не можетъ. Въ непозволенныхъ амурахъ не долго можетъ обуздывать жаръ своея любви плѣненный, но еще гораздо меньше можно волнующагося сердца утаить страсти. Ибо воздыханія суть свидѣтели уязвленнаго сердца; а слова изобличаютъ внутреннюю злость духа.

Іулій Капитолинъ въ первой книгѣ о Цесаряхъ повѣствуетъ, что М. Аврелій Императоръ былъ въ дѣланіи тщаливой, въ познаваніи остроумной, въ даваніи суда справедливой, въ наказаніи умѣренной, и паче всего въ терпѣніи весьма искусной. Сія послѣдняя добродѣтель особливое снискала ему передъ другими преимущество. Ибо терпѣніе есть всегда надежнѣйшій путь къ счастливому успѣху. Мы видимъ, что посредствомъ терпѣнія и остроумія изъ превратныхъ начинаній благопристойныя, изъ благопристойныхъ лучшія, а изъ лучшихъ и самыя преславныя

дѣла бываютъ; но противное сему находимъ въ тѣхъ, кои безмѣрно горячи и скоропостижны. Ибо кто не имѣетъ терпѣнія, не возможно надѣяться, чтобъ тотъ и въ справедливѣйшихъ дѣлахъ поступалъ надлежащимъ порядкомъ. Почему обыкновенно говаривалъ М. Аврелій „что Іулій Цесарь досталъ Имъ„ перію мечемъ; Августъ по праву наслѣдства; „Калигула за одержанную отцомъ его надъ „Германіею побѣду; Неронъ похитилъ оную „насиліемъ; Титъ Императоромъ сдѣлался „за покореніе Іудейскаго царства; Траянъ „достигъ Императорской короны за милосер„діе и добродѣтель; а я пріобрѣлъ скипетръ „Имперіи черезъ одно токмо терпѣніе„. Ибо гораздо кажется превосходнѣе, стерпѣть отъ злыхъ людей обиды, нежели въ школахъ съ учеными имѣть словопрѣніе. Сверьхъ того и сіе говорилъ преславный Императоръ, что въ правленіи государства гораздо больше ему терпѣніе, нежели знаніе помогало. Ибо отъ знанія одному только лицу раждается увеселеніе; но въ терпѣніи и личная и общественная заключается польза.

Тотъ же Іулій Капитолинъ повѣствуетъ, что Антонинъ набожный Императоръ столько былъ Государь терпѣливой, что хотя ежечасно видѣлъ въ Сенатѣ и доброхотовъ, и тѣхъ, кои были зажигатели противо его бунтовъ и смятеній; однакожъ такъ поступалъ скромно, что ни пріятелямъ, не оказывая себя неблагодар-

дарнымъ, къ печали, ни недоброхотамъ, не являя гнѣва, къ жалобамъ не подалъ причины.

А дабы главы сея конецъ согласить съ началомъ; когда М. Аврелій, какъ сказано мною выше, присовокупился къ плѣнникамъ, и оной поступокъ его справедливо всѣ Римляне похвалили; то Фульвій Сенаторъ не умѣя снесть того разумно, аки бы въ шутку, слѣдующія къ Императору слова выговорилъ. ,, Я удивляюсь, Государь Императоръ, для ,, чего вы такъ предаете себя всякому, вѣдая, ,, что Императорская честь инако сохранена ,, быть не можетъ, кромѣ точію убѣгая из- ,, лишняго обхожденія.,, Но Маркъ услыша то, что въ присутствіи всѣхъ Сенаторовъ и гражданъ сказалъ ему Фульвій, коего свойства зналъ онъ уже совершенно, съ превеликою снесъ терпѣливостью, и веселымъ лицемъ улыбаясь: ,, Дѣла, отвѣчалъ, возложеннаго ,, нынѣ на меня Фульвіемъ, рѣшеніе на утриш- ,, ней день отложимъ. Ибо тогда и мой отвѣтъ ,, обстоятельнѣе, и его ярость скромнѣе бу- ,, детъ.,, Когда же на слѣдующій день собрался въ Капитоліи Сенатъ, и множествомъ народа окруженъ былъ Императоръ, какъ о томъ въ житіи его Полліонъ повѣствуетъ; то въ собраніи всѣхъ добродѣтельнѣйшій Маркъ говорилъ слѣдующую рѣчь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Отвѣтъ, М. Аврелїемъ Императоромъ въ присудствїи цѣлаго Сената данный Фульвїю, который его упрекнулъ, якобы онъ излишнимъ со всѣми разговоромъ и обхожденїемъ уничтожаетъ честь важныхъ Императоровъ; гдѣ показывается, что премного вредитъ Государямъ суровая дикость, и напротивъ того весьма пользуетъ ласковое обхожденїе. Также, что надобно стараться имъ снискивать себѣ доброхотовъ, дабы и при жизни молили о нихъ боговъ, и по смерти прославляли ихъ память.

„Не хотѣлъ я, высокопочтенные господа „Сенаторы, вчерашняго дня отвѣтствовать „сочлену вашему Фульвїю, какъ по причинѣ удержавшихъ насъ даже до ночнаго времени жертвоприношенїй, такъ и что казалось весьма благовременно на слова его отвѣтствовать нынѣ. Ибо „знакъ есть малоразумїя и великой глупости, „ежели кто на каждой вопросъ скорые даетъ „отвѣты. Да и неприлично разумнымъ людямъ на всѣ нерезонно предлагаемые запросы отвѣтствовать. Мудрые люди въ „отвѣтахъ не имѣютъ такой вольности и „легкомыслїя, съ каковымъ вопрошаютъ ихъ „невѣжи. Ибо спрашиванїя началомъ бываетъ „незнанїе: но отвѣтствованїя источникомъ „должна быть самая премудрость.

„Ху-

„Худое, во истинну, было бы мудрымЪ „людямЪ житье, естьли бы они принуждены „были во всемЪ удовольствіе чинить и отвѣт„ствовать несмысленнымЪ, которые часто „больше для оскорбленія и искушенія, нежели для наученія и познанія вопрошаютЪ; „каковы вопросы разумные мужи молчаніемЪ „преходить должны. Ибо мудрымЪ людямЪ „уши кЪ слушанію открытыя, а языки кЪ „произношенію словЪ заключенные и обузданные имѣть надлежитЪ. Вѣдайте, господа „Сенаторы и все священнѣйшее собраніе Се„ната, что я мало вЪ Родусѣ, Неаполѣ, „Капуѣ, Тарентѣ и другихЪ мѣстахЪ пріобрѣлЪ учености; отЪ всѣхЪ однакожЪ учите„лей слышалЪ, что вЪ ученіи надлежитЪ „упражняться человѣку на тотЪ конецЪ, „дабы зналЪ, какимЪ образомЪ между зло„нравными и несмысленными людьми посту„пать ему должно. Понеже плодЪ ученія не „вЪ иномЪ состоитЪ, какЪ токмо, дабы не„порочную жизнь и обузданной языкЪ имѣть „человѣку.

„Что же намѣренЪ я говорить нынѣ вЪ „священнѣйшемЪ Сенатѣ, истинно, ни злоба, „ниже недоброхотство кЪ тому меня побуж„даетЪ; но единственное защищеніе моей че„сти. Ибо честь сперьва словами защищать, „а послѣ и оружіемЪ оборонять должно.

„Но да приступлю кЪ самому дѣлу, и кЪ „тебѣ, украшенный консульскимЪ достоин„ствомЪ мужЪ Фульвій, обращу рѣчь мою;

„на вопросъ твой: для чего я предаю себя
„всѣмъ? Отвѣтствую: для того предаюсь
„всѣмъ, дабы и мнѣ всѣ предались взаимно.
„Ты очень обстоятельно знаешь, Фульвій,
„что я такимъ же, какъ ты, былъ Консуломъ,
„и что самъ ты Императоромъ, какимъ я
„нынѣ нахожусь, не былъ: и такъ повѣрь
„опытамъ моимъ, что Государева дикость и
„свирѣпство подвластному народу подаютъ
„причину его ненавидѣть. Не благоволятъ
„боги, не дозволяютъ законы, и не безъ
„справедливости не допускаетъ общество,
„чтобъ Государи многими обладая, приступъ
„къ себѣ токмо малому числу людей давали.
„И понеже мимошедшіе Государи въ жизни
„своей были ласковы и обходительны; то
„древніе народы, тронувся толикою добродѣ-
„телью, въ число боговъ записали ихъ по
„смерти.

„Рѣчной рыболовъ, для поимки въ рѣкѣ
„различныхъ рыбъ, не одинакой, какъ и ты
„извѣстенъ, употребляетъ прикормъ. Мор-
„ской рыболовъ въ зыбкое море на рыбную
„отправляясь ловлю, для полученія многой
„добычи, не одною запасается мрежею. Чтожъ
„изъ сего слѣдуетъ? Явственно доказываю,
„что и воли человѣческія, кроющіяся подъ
„различными притворствъ масками, отъ ча-
„сти награжденіемъ, отъ части ласковыми
„словами, а отъ части обнадеживаніемъ вели-
„кихъ воздаяній, уловлять намъ должно. По-
„неже добродѣтельнымъ и мудрымъ Госуда-

„рямъ

„рямъ большее о привлеченіи себѣ поддан-
„ныхъ сердецъ, нежели о покореніи чужихъ
„царствъ попеченіе прилагать надлежитъ.
„Подлинно, имѣющимъ сребролюбивой и не-
„насытной духъ въ томъ, что передъ ними
„сердца заключаютъ, нѣтъ ни мало нужды;
„лишь бы только сундуки открывали: но для
„благородныхъ мужей, и наипаче державныхъ
„Государей ничего не стоитъ, когда запира-
„ютъ отъ нихъ наполненные золотомъ чамо-
„даны, ежели только откровенныя сердца у
„пріятелей своихъ найдутъ. Понеже любви
„ни чѣмъ, кромѣ взаимною любовію, награ-
„дить не можно.

„Монархамъ и Князьямъ, поелику мно-
„гими обладаютъ, многіе надобны и служи-
„тели; когда же пользуются службою мно-
„гихъ, то и награждать многихъ необходи-
„мо должны, и отъ сей тягости ни вообще,
„ни порознь передъ служительми не могутъ
„быть свободны. Ибо Государь служителю
„за вѣрную услугу награжденіе не меньше,
„какъ и хозяинъ работнику дневную плату,
„отдавать обязанъ. Естьлижъ сіе такъ есть,
„то что будутъ дѣлать несчастные Госуда-
„ри, кои многими владѣютъ царствами, и въ
„разсужденіи множества царствъ многочислен-
„ныхъ служителей имѣютъ; но ко удовольство-
„ванію ихъ казной скудны бываютъ? Подлин-
„но, естьли о томъ прилѣжно подумаютъ, то
„печалиться не малую имѣютъ причину.

„ВЪ такомЪ случаѣ пусть про меня дѣ-
„лаетЪ всякой то, что ему угодно; и по сво-
„ему разсужденію слѣдуетЪ совѣту, какой
„ему за благо покажется; я напротивЪ того
„предложу другимЪ совѣтЪ, которой собствен-
„нымЪ опытомЪ извѣдалЪ; сирѣчь, что Го-
„сударь сЪ подданными толь благосклонно
„обращаться, и толь ласково и снисходитель-
„но со всякимЪ разговаривать долженЪ; дабы
„каждой черезЪ одну токмо обхожденія его
„пріятность изобильно почиталЪ себя удо-
„вольствованнымЪ. Ибо Государи жалованьемЪ
„и щедротами токмо однѣ службы Мини-
„стровЪ и солдатЪ своихЪ награждаютЪ; но
„ласковыми и благосклонными словами не то-
„кмо службы достойною наградой снабдѣва-
„ютЪ, но купно и сердца ихЪ нечувстви-
„тельно кЪ себѣ привлекаютЪ. МногихЪ дѣ-
„лающихЪ покупку научаетЪ опытЪ, что они
„охотнѣе за большую цѣну покупаютЪ то-
„вары вЪ той лавкѣ, гдѣ учтивой и ласковой
„продаетЪ сидѣлецЪ; нежели вЪ другой де-
„шевлѣ, гдѣ грубой и непривѣтливой тор-
„гуетЪ хозяинЪ. СимЪ даю знать, что мно-
„го обрѣтается подданныхЪ, которые иному
„Государю усерднѣе даромЪ и токмо для сни-
„сканія любви, нежели другому и за награ-
„жденіе служить желаютЪ. Ибо никакое благо-
„дѣяніе сЪ лучшею не оказывается пользою,
„какЪ то, которое возносится на честнаго,
„добраго и благодарнаго человѣка; и напро-
„тивЪ того, никакая услуга не утрачается

„на-

„напраснѣе, какъ та, которая грубому и не-
„благодарному дѣлается человѣку.

„Никогда не выводятся при дворахъ цар-
„скихъ лукавые и пронырливые люди, кои
„Государямъ представляютъ способы ко умно-
„женію доходовъ, наложенію податей, и отя-
„гощенію подданныхъ поборами; но который
„бы посовѣтовалъ ему о привлеченіи сердецъ
„и снисканіи любви подвластныхъ, нѣтъ ни
„одного человѣка; хотя и вѣдаютъ, что по-
„лезнѣе имъ быть любимыми, нежели до-
„статочными. Измѣнникъ Государю, кто мно-
„гія накопляя ему сокровища, подданныхъ
„между тѣмъ сердца отъ него отчуждаетъ.
„Чего ради Монархи всемѣрно стараться дол-
„жны къ подданнымъ своимъ оказывать себя
„толь привѣтливыми и обходительными, чтобъ
„оные наипаче изъ доброй воли, нежели по
„надеждѣ мздовоздаянія имъ служили. Ибо,
„ежели не станетъ денегъ, вскорѣ прекращает-
„ся служеніе, и тысяча роптаній отъ него-
„дующихъ происходитъ: чего въ доброволь-
„ныхъ служителяхъ не бываетъ. Ибо кто
„сердечно любитъ, тотъ въ благополучіи не
„кичится, въ несчастіи не оставляетъ, въ
„убожествѣ не жалуется, за ненагражденіе
„услугъ не ропщетъ, нижѐ во время гоненія
„не ослабѣваетъ; словомъ: любовь и жизнь
„прежде послѣдняго издыханія не кончаются.

„Опытъ свидѣтель, что бѣдныхъ въ Си-
„циліи крестьянъ прибытокъ деньгамъ Рим-
„скихъ щитоносцевъ предпочитать должно.

„ Ибо земледѣлецъ выѣхавъ въ поле, никогда „ не возвращается, чтобъ не привезъ съ собою „ хлѣба; но щипоносецъ никогда не выходитъ „ на рынокъ, чтобъ не пришелъ домой безъ „ денегъ. Симъ уравленіемъ показываю, что „ такой Государямъ приличествуетъ промыслъ, „ дабы они позволяя себя видѣть, и каждому „ свободной давая приступъ, кротки, тихи, „ благопріятны, великодушны, и паче всего „ любезны были; разумѣя, что сими худо„ жествами, а не чрезъ деньги, сердца под„ данныхъ пріобрящутъ: естьли же кто инымъ „ способомъ достигнуть сего уповаетъ, по „ истиннѣ тотъ здраваго разсудка не имѣетъ. „ Ибо Государю не токмо прискорбно, но и „ бѣдственно, у рабовъ своихъ покупать серд„ ца на деньги.

„ Государямъ надлежитъ стараться быть „ любимыми, естьли желаютъ, чтобъ пріяте„ ли по крайней мѣрѣ бѣдствія ихъ дружески „ раздѣляли; чего ненавидимымъ Государямъ, „ несчастію коихъ всѣ рады, не случается. Ибо „ прискорбному и печальному сердцу непосред„ ственною бываетъ отрадою, естьли ви„ дитъ, что о злоключеніи его другіе собо„ лѣзнуютъ.

„ Государи всячески стараться должны „ быть любимыми, чтобъ по смерти Вельмо„ жи и други ихъ оплакивали. Ибо Госуда„ рямъ такъ поступать надлежитъ, чтобъ „ и за обрѣтающихся въ жизни усердныя къ „ Богу мольбы приносили, и по кончинѣ па-

„ мять

„ мять ихъ благодарнымъ сердцемъ прослав„ляли. О безчастной Царь! о бѣдное цар„ство, въ которомъ подданные Государю изъ „однихъ токмо денегъ служатъ; и взаимно „Государь за одни точію выгодности и услуги „подданныхъ любитъ и заступаетъ! ибо на„емная между человѣками любовь никогда не „бываетъ постоянна.

„Изъ многихъ кирпичей и одного токмо „всѣхъ вышшаго клина дѣлается въ строеніи „сводъ; равнымъ образомъ изъ многихъ под„данныхъ, и одного всѣхъ большаго Царя „составляется государство. Ибо ни Князь, „у коего нѣтъ во владѣніи царства, Госуда„ремъ; ни общество Царя, яко главы своей „неимѣющее, государствомъ назваться не „могутъ. Былъбы я крайній невѣжа въ Ар„хитектурѣ, ежелибы не зналъ, что из„вѣсть, которою связываются между собою „камни, и съ пескомъ мѣшать можно; а „клинъ, коимъ засклепляется верхній сводъ, „голою и нетушоною извѣстью укрѣплять „необходимо нужно. Ибо естьли камни ра„зойдутся взаимно одинъ отъ другаго, то „раскалываются только стѣны; но когда ру„шится клинъ, то и вся огромность полатъ „упадаетъ.

„Хотя согласно съ правдою, что му„дрый человѣкъ и безъ дальнихъ изъясненій „разумѣетъ къ чему клонится мое намѣре„ніе; однакъ по способности онаго приведу „здѣсь нѣкоторое уподобленіе. Любви, какъ

„будто

„ будто водою растворенной быть промежЪ
„ гражданства сносно; но взаимная Государя и
„ подданныхЪ любовь требуется безЪ всякаго
„ примѣсу; сирѣчь: между пріятельми любовь
„ хотя будетЪ не много и студенѣе, нѣ-
„ сколько продолжаться можетЪ; но между
„ ЦаремЪ и подданными, ежели искренняя и
„ совершенная любовь не будетЪ, очевиднѣй-
„ шему подвержена паденію. Ибо гдѣ совер-
„ шенная любовь находится, тамЪ ни одного
„ притворнаго слова и лицемѣрнаго послуша-
„ нія не бываетЪ.

„ Я видалЪ, что многія вЪ Римѣ между
„ народомЪ смятенія однимЪ днемЪ оконча-
„ лись; но единое токмо между ГосударемЪ и
„ подданными произшедшее успокоилось не
„ прежде смерти. Ибо одного со многими, и
„ многихЪ сЪ однимЪ примирить, величайша-
„ го труда стоитЪ. И какЪ вЪ семЪ случаѣ
„ одни горды, а другіе непокоривы бываютЪ,
„ то ни Государей извинить, ни подданныхЪ
„ безЪ осужденія оставить мнѣ невольно. Ибо
„ по произшествіи такихЪ мятежей и раздо-
„ ровЪ, кто бы ни имѣлЪ изЪ нихЪ справе-
„ дливѣйшую кЪ тому причину, по достоин-
„ ству однакожЪ заслуживаетЪ нареканіе.

„ ОтЪ чего вамЪ мнится, до толикаго
„ доходятЪ безразсудства Государи, что не-
„ законно повелѣваютЪ; а подданные, что и
„ законнымЪ не повинуются повелѣніямЪ? я
„ изЪясню, буде выслушаете охотно. Госу-
„ дарь больше на могуществѣ, нежели на

„ спра-

„ справедливости утверждаясь, и маленькою „ своего разуменія мѣрою каждаго мысли „ измѣрять желая, по правилу собственнаго „ разсудка всѣхъ умы и хотѣнія располага- „ етъ. Ибо Великіе Государи думаютъ о се- „ бѣ, что они какъ властію, такъ и разу- „ момъ всѣхъ превосходятъ. Противнымъ се- „ му образомъ поступаютъ подданные. Они, „ я не знаю, какимъ будучи восхищены бѣ- „ шенствомъ, уничижаютъ здравой Государя „ своего разсудокъ, и хотятъ, дабы Государь „ не то дѣлалъ, что онъ намѣреваетъ къ „ общему всѣхъ благу, но что каждому изъ „ нихъ нравится. Ибо многіе нынѣ толь легко- „ мысленны и глупы, что думаютъ, яко „ бы Государю однихъ токмо ихъ передъ гла- „ зами своими имѣть должно. По истиннѣ „ предосадное, но весьма обыкновенное безпут- „ ство, что одинъ нѣкто хочетъ, дабы „ всѣхъ одежды были ему въ пору и къ стати; „ и не меньше странно сказать, что всѣ же- „ лаютъ одного принаровить себѣ збрую.

„ Да чтожъ намъ дѣлать, высокопочтен- „ ные господа Сенаторы и священнѣйшее со- „ браніе Сената? Съ симъ безуміемъ остави- „ ли намъ свѣтъ отцы наши; съ симъ не- „ истовствомъ мы сыны ихъ обладаемъ; съ „ симъ упрямствомъ напослѣдокъ и сами „ оставимъ оной нашимъ потомкамъ.

„ Исторіи и слухъ свидѣтельствуютъ, „ сколько пало и погибло изъ прежде бывшихъ „ Государей по той только причинѣ, что под-

„ дан-

„ даннымъ своимъ не приступны и жестоки
„ были; но чтобъ хотя одного ласковое и прі-
„ ятное обхожденіе погубило, ни гдѣ я не
„ читалъ, и ни отъ кого не слышалъ; чего
„ ради предложу вамъ нѣкоторые читанные
„ мною примѣры, согласующіе съ моимъ на-
„ мѣреніемъ, дабы усмотрѣли Монархи, коль
„ полезно имъ ласковое обращеніе, и напро-
„ тивъ того, коль вредна тиранская къ под-
„ даннымъ суровость.

„ У Сикіонянъ, коихъ царство было силь-
„ няе оружіемъ Халдейскаго, и не столь дре-
„ вно, какъ Ассирійское, находилась фамилія,
„ называемая *царское колѣно*, которая меж-
„ ду ими восемь сотъ шесдесятъ два года
„ продолжалась, по той причинѣ, что всѣ тѣ
„ Цари были похвальнаго обращенія; другое же
„ колѣно не болѣе токмо тритцати трехъ лѣтъ
„ продлилось, поелику Государи онаго вовсе же-
„ стокими и непривѣтливыми учинилися.
„ Древнѣйшіе народы, поелику жили въ тиши-
„ нѣ и покоѣ, чего мы нынѣ лишаемся, и
„ не вѣдали браней, какія насъ теперь пора-
„ жаютъ; всегда тщательнѣе пеклись прі-
„ искивать такихъ Царей, чтобъ оные паче
„ пріятнымъ и ласковымъ обхожденіемъ об-
„ ществу служили, нежели во ополченіи храб-
„ ры и жестоки были.

„ Омиръ въ Иліадѣ пишетъ, что древ-
„ нѣйшіе Египтяне Царей своихъ называли
„ Епифанами, и такое имѣли обыкновеніе,
„ что бы оные Епифаны всегда босыми ногами

„ во

„ во храмы боговъ ходили, естьли же кото-
„ рый Епифанъ, будучи по спѣсивѣе, вошелъ
„ въ храмъ обувшись, тотчасъ лишивъ цар-
„ ства, другаго на мѣсто его возводили. Изъ-
„ ясняетъ притомъ Омиръ, что ежели обрѣ-
„ тался Царь гордой и злонравной; Египтяне къ отнятію у него царства прини-
„ мали за причину, яко бы онъ въ Божеской
„ храмъ не вошелъ босыми ногами. Ибо еже-
„ ли Государи не благопріятны и не любезны
„ народу, то и изъ маловажнѣйшаго случая воста-
„ ютъ противо ихъ подданные. Говоритъ
„ тотъ же Омиръ, что непобѣдимые Парояне
„ Арсацидами Царей своихъ называли, и ше-
„ стаго Арсациду не токмо лишили царства,
„ но и сослали въ заточеніе, не для иной причи-
„ ны, токмо, что онъ будучи весьма гордъ, на
„ бракъ нѣкотораго Кавалера самоизвольно прі-
„ ѣхалъ; а на убогую свадьбу бѣдненькаго про-
„ столюдина, хотя и звали, пріити возгнушался.

„ Цицеронъ въ книгѣ о Тускуланскихъ
„ дѣлахъ повѣствуетъ, что въ древнія време-
„ на совѣтовали подданные своимъ Государямъ,
„ дабы они минуя богатыхъ, съ убогими
„ обращеніе имѣли. Ибо Государи посреди
„ убогихъ людей научаются быть милосерд-
„ ными; но съ богатыми только жить роскош-
„ но привыкаютъ.

„ Извѣстно вамъ, высокопочтенные господа
„ Сенаторы, что сія земля наша съ начала
„ именовалась великою Грецією, потомъ слы-
„ ла Лаціею, а напослѣдокъ прозвана Италією;

„ и

„ и въ то время, когда процвѣтало Латин-
„ ское государство, называли они Царей сво-
„ ихъ Мурранами; которые хотя подлинно
„ тѣсными предѣлами обладали, но сердца
„ пространныя и благородныя имѣли. Повѣ-
„ ствуютъ вѣка того лѣтописцы, что послѣ
„ Сильвія третьяго вступилъ на престолъ нѣ-
„ который Мурранъ, толь гордой, славолюби-
„ вой и злонравной, что опасаясь гражданъ,
„ всегда спалъ запершись въ чертогахъ; чего
„ ради лишенъ царства и изверженъ изъ об-
„ щества. Ибо древніе говаривали, что ни на
„ одинъ часъ, ни ночью, ни днемъ Царь
„ передъ подданными своими запирать две-
„ рей, или въ слушаніи жалобъ и представле-
„ ній отказывать имъ не долженъ.

„ Тарквиній послѣдній изъ семи первыхъ
„ Королей Римскихъ, былъ неблагодарнѣйшій
„ своему тестю, кровосмѣситель, предатель
„ отечества, самоубійца, и растлитель Лу-
„ креціи; не назвали однакожъ его кровосмѣ-
„ шенцомъ, неблагодарнымъ, самоубійцею,
„ измѣнникомъ и прелюбодѣемъ; но Тарквині-
„ емъ гордымъ, сирѣчь за одну суровость и
„ жестоконравіе. По истиннѣ, высокопочтен-
„ ные господа Сенаторы, безчастной Тарквиній
„ ній за растлѣніе Лукреціи никогда не ли-
„ шилсябъ царства, ежели бы онъ благопрія-
„ тенъ Риму, и любезенъ былъ гражданству.
„ Понеже естьли бы достойное наказаніе полу-
„ чало юношество за каждой грѣхъ и про-
„ ступокъ; въ скоромъ времени ни одного не

„ оста-

„ осталосяб҄ государства. Другія злод҄йства „ и погр҄шности, как҄ прежде, так҄ и посл҄ „ Тарквинія, учинены Императорами состар҄- „ вшимися в҄ Имперіи Римской, толь важныя, „ что сравнив҄ с҄ оными д҄ла легкомыслен- „ н҄йшаго того юноши, в҄ маленьких҄ про- „ ступков҄ вид҄ представляются. Ибо ежели „ с҄ одной стороны недостаток҄ л҄т҄, а с҄ „ другой долговременное искуство уважим҄, „ то превеликой гр҄х҄ юноши едва и с҄ само- „ мал҄йшим҄ стараго челов҄ка преступлені- „ ем҄ сравнить должно.

„ Іулій Цесарь, посл҄дній Диктатор҄ и „ первый Император҄, в҄ то время, когда „ похвальное обыкновеніе им҄лось, что бы „ Сенаторы падши на кол҄ни, поздравляли „ Императора, и сам҄ Император҄, смотря „ по достоинству каждаго, привставал҄ перед҄ „ ними; поелику за гордостью и спесью своею „ не восхот҄л҄ хранить того обряда, дватца- „ тью тремя ранами изboден҄ лишился жиз- „ ни. Тиверія Императора порочат҄ пьян- „ ством҄; Калигулу обличают҄ в҄ кровосм҄ше- „ ніи с҄ родными сестрами; Нерон҄, убив҄ „ родную мать и Сенеку учителя, пріобр҄л҄ „ в҄чное в҄ Рим҄ лютаго мучителя названіе; „ Авл҄ Вителлій так҄ погружался в҄ роскош- „ ном҄ пированіи, что на один҄ угостительной „ ужин҄ дв҄ тысячи наилучших҄ рыб҄ и „ семь тысячь птиц҄ было поставлено; Доми- „ тіан҄ вс҄ми пороками и беззаконіями был҄ „ оскверненной: ибо в҄ каждаго порознь чело-

„вѣка разсыпанныя злодѣйства, всѣ въ одномъ „Домитіанѣ совокупилися вмѣстѣ. Всѣхъ сихъ „бесчастныхъ Государей хотя напослѣдокъ „тянули на острыя колеса, потопили въ рѣкѣ, „повѣсили на крестахъ, и умертвили отсѣче„ніемъ головъ; однакожъ повѣрьте мнѣ, вы„сокопочтенные господа Сенаторы, не по „причинѣ тѣхъ бесчинствъ, но за гордость „и суровое обхожденіе они погибли. Ибо Го„сударь однимъ порокомъ не много поддан„нымъ повредить можетъ, но своенравіемъ, „жестокостію и чрезвычайною спесью искоре„нитъ государство.

„Пусть безъ сомнѣнія вѣдаютъ Государи, „кои частыя къ ненависти народу подаютъ „причины, что и одна маловажнѣйшая по„томъ довольна возбудить подданныхъ къ „исполненію самимъ дѣломъ съ собственною „пагубою своей злобы. Ибо естьли Государь „не оказываетъ наружу своей злости, то „нѣтъ у него къ тому желанія; но буде рабъ „не исполняетъ оной, то бываетъ сіе отъ „неимѣнія силы.

„Повѣрьте мнѣ, высокопочтенные госпо„да Сенаторы и священнѣйшее собраніе Се„ната, что какъ врачи не многимъ ревенемъ „многія изъ тѣла выводятъ мокроты; такъ „и Государи оказываніемъ малѣйшей благо„склонности истребляютъ изъ сердецъ у под„данныхъ своихъ премногія раны. Дабы связь „членовъ съ головою своею въ цѣлости пре„бывала; то, кажется мнѣ, званіе народа въ

„томъ

„ томъ зависитъ, что бы повелѣніямъ своего „ Государя послушаніе, и собственному лицу „ его должное отдавалъ почтеніе; а доброй „ Государь обязанъ наблюдать равновѣсное ко „ всѣмъ правосудіе, и ласковое каждому являть „ обхожденіе. О блаженное царство, гдѣ Го- „ сударь въ подданныхъ послушаніе, и взаим- „ но подданные въ Государѣ любовь находятъ! „ Понеже отъ Государевой любви въ поддан- „ номъ раждается послушаніе, а изъ послу- „ шанія раба взаимная любовь въ покровителѣ „ его возрастаетъ.

„ Въ Римѣ Императоръ, какъ паукъ среди „ паутины; гдѣ ежели хотя весьма полегоньку „ къ которой нибудь одной ниточкѣ концомъ „ токмо булавочнымъ прикоснутся, тотчасъ „ паукъ слышитъ; подобнымъ образомъ и „ Императоръ въ Римѣ ничего сдѣлать не „ можетъ, чтобъ свое немедленно по всему „ свѣту не разгласилось. Ибо Государямъ, по- „ неже въ околичности всѣхъ обращаются, „ весьма трудно утаить свои пороки.

„ Вижу, что я попалъ нынѣ, высоко- „ почтенные господа Сенаторы, въ оцѣнку че- „ ловѣческой злобѣ по той причинѣ, понеже „ присовокупясь къ собранію плѣнниковъ, доз- „ волилъ имъ къ себѣ прикасаться, дабы они „ воспользовався симъ благодѣяніемъ, неволь- „ никами уже болѣе не были. Въ семъ случаѣ „ приношу благодареніе безсмертнымъ богамъ, „ что сдѣлали меня милосердымъ Императо- „ ромъ къ разрѣшенію окованныхъ, а не лю-

„тымъ тиранномъ къ связанію свободныхъ „людей учинили. Что говорятъ пословицой: „въ одномъ лѣсу поймалъ двухъ вепровъ; то „вчерашняго дня исполнилось самимъ дѣломъ. „Понеже плодъ благодѣянія простерся къ „бѣднымъ плѣнникамъ, а щедрота ко всѣмъ „иностраннымъ царствамъ. Или не вѣдаете, „что благонравной и добродѣтельной Государь, „когда снимаетъ съ невольничьихъ ногъ оковы, „въ то самое время на сердца подданныхъ и „рабовъ своихъ налагаетъ цѣпи?

„Напослѣдокъ, къ безопасности Государя „и цѣлости государства, я за лучшее утверж„даю, любовію въ домѣ своемъ сердецъ свобод„ныхъ, нежели со страхомъ рабовъ въ желѣзы „окованныхъ пользоваться прислугами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Письмо М. Аврелія Императора къ другу Полліону, содержащее выговоръ и порицаніе для тѣхъ, кои желая, дабы Римскіе Императоры наблюдали въ писаніи краткость и умѣренность, не разсуждаютъ о томъ, что они въ хищеніи и грабительствѣ бываютъ пространны; также, что царская жизнь есть не иная вещь, какъ часы государственнаго правленія. Сверьхъ того заключаетъ въ себѣ Періандрово житіе, надъ гробную надпись и законы: напослѣдокъ различные предѣлы, въ коихъ древніе полагали блаженство.

Маркъ

Маркъ Римскій Императоръ, народный Трибунъ, верьховный Верховященникъ, вторично избранный Консулъ, Отецъ Отечества, и величайшій Монархъ, Полліону старому другу благополучнаго здравія и счастливыхъ противо злой судьбины успѣховъ желаетъ.

„Отправленное тобою изъ Капуи ко мнѣ „письмо получилъ я въ Виѳиніи, и не меньше „веселыми прочелъ глазами, какъ и самъ ты „писалъ оное радостнымъ сердцемъ; чѣмъ „тебѣ особливо утѣшаться должно. Ибо древняя пословица Омирова тебѣ небезъизвѣстна: на что веселыми взираютъ глазами, „то и благопріятнымъ любятъ сердцемъ. „Кленусь безсмертными богами, что я къ „тебѣ не такъ, какъ Императоръ Римскій, „сирѣчь: не яко Государь къ рабу пишу; въ „противномъ же случаѣ мнѣ и кратко, и „касающееся токмо до самаго дѣла къ тебѣ „писать слѣдовалобъ. Чего съ искреннимъ „пріятелемъ не должно дѣлать. Ибо важныхъ лицъ писаніямъ, никогда и начатымъ, но дружескимъ письмамъ безконечнымъ быть надлежалобъ.

„Я пишу къ тебѣ, любезный Полліонъ, „какъ искреннему другу, какъ старому товарищу, и какъ вѣрному хранителю моихъ „таинъ; коего сожитіе и обращеніе никогда „меня не оскорбило, въ коего устахъ я никогда не нашелъ ни единаго ложнаго слова, „и въ коего обѣщаніяхъ никогда не примѣ-

„ тилъ ни единаго обмана. Естьлижъ сіе такъ „ есть, то конечно нарушилъ бы я законъ „ дружбы, скрывъ какую либо отъ тебя мою „ тайность. Ибо все вѣрному другу сообщать „ должно. Можетъ быть ты, Полліонъ, за „ малой трудъ считаешь, Римскому Императору въ письмахъ, разговорахъ, дѣлахъ, „ обхожденіи, и наконецъ въ цѣломъ житіи, „ всѣ званія касающіяся до него исполнить; „ чему я и не удивляюсь. Ибо житіе добродѣтельнаго Императора есть не иное что „ либо, какъ часы, которые съ подданными „ согласны или несходственны бываютъ.

„ Мнѣ то удивительно, что Римляне „ суть толь глупые и толь негодные граждане, что всѣ единогласно утверждаютъ, яко „ бы Государю для сохраненія своего величества, и умноженія въ народѣ славы, надобно тихими выступать шагами, мало говорить и кратко писать, сирѣчь: въ писаніи „ краткости требуя, а въ покореніи чужихъ „ царствъ пространное упорство похваляя.

„ Но однакожъ разумнымъ людямъ отъ „ Государей взыскивать должно ласковаго нрава, дабы къ тиранскому не уклонилися свирѣпству; благаго намѣренія, дабы всѣмъ равновѣсное оказывали правосудіе; добрыхъ замысловъ, дабы на чужія не льстились царства; непорочнаго сердца, дабы въ страстяхъ и ярости не упражнялися; кротости „ духа, дабы прощали обиды; любви къ подданнымъ, что бы могли пользоваться ихъ

„ послу-

„ послушаніемъ; свѣдѣнія о добродѣтельныхъ,
„ дабы награждали ихъ честію; и наконецъ
„ познанія беззаконныхъ, дабы ихъ унимали и
„ воздерживали. Что же касается до прочаго, ма-
„ ло намъ въ томъ нужды, буде Царь скоряе
„ ходитъ, жаднѣе ѣстъ, или короче пишетъ.
„ Ибо не личные пороки, но нерадѣніе въ
„ правленіи государства бываютъ вредны.

„ Письмо твое, любезный Полліонъ, пре-
„ много меня утѣшило, но еще больше об-
„ радовалобъ присутствіе. Ибо старыхъ прі-
„ ятелей письма обновляютъ память прешед-
„ шаго времени. Коль пріятно мореплавателю
„ о злоключеніяхъ и опасностяхъ расказывать
„ въ пристани! звѣролову о понесенной стужѣ
„ говорить у пѣчки! прохожему воспоминать
„ о пути въ то время, когда наслаждается
„ покоемъ! побѣдителю въ торжественной день
„ бесѣдовать о непріятельскомъ сраженіи! Но
„ всякую превышаетъ веселость, когда въ сча-
„ стіи два пріятеля, долговременною сопря-
„ женные дружбою, о жесточайшихъ и горе-
„ стнѣйшихъ въ юности претерпѣнныхъ со-
„ бесѣдуютъ бѣдствахъ.

„ Въ одномъ повѣрь мнѣ безъ сомнѣнія,
„ что благихъ, свыше данныхъ, ни прослa-
„ вить, ни владѣть, ни познать, ни употре-
„ блять, ни хоронить, и защищать никто
„ не можетъ, кромѣ тотъ, который оныя
„ многими пріобрѣлъ трудами. Ибо мы то
„ всѣмъ сердцемъ любимъ, въ достиженіи чего
„ изобильной потъ проливаемъ.

 „ Объ

„Объ одномъ тебя вопрошаю: кто вящше
„богамъ долженъ, или между человѣками
„мнится быть лучшій? Траянъ милостивый,
„который во всѣхъ военныхъ Датскихъ, Гер-
„манскихъ и Испанскихъ походахъ вскор-
„мленъ; или свирѣпой Неронъ, въ превели-
„кихъ городскихъ роскошахъ и нѣгѣ воспитан-
„ный? Не роза ли одинъ изъ нихъ въ тер-
„ніи, и не кропива ли другой между цвѣтами
„были? Не на подобіе розы добродѣтель-
„нѣйшаго Траяна житіе во всѣхъ вѣкахъ
„пріятнѣйшее будетъ испускать благоуха-
„ніе; и не по подобію (такъ сказать) кропи-
„вы неистоваго Нерона безславіе будетъ на-
„жигать прыщи потомству? Я говорю, что
„не всѣ (понеже великое число находится добро-
„дѣтельныхъ), многіе однакожъ нѣжно во-
„спитанные Государи подали причину зло-
„словить себя за небреженіе царства. Ибо
„они, поелику собственныхъ трудовъ никогда
„не отвѣдали, сами не хотятъ трудиться,
„и чужой потъ легко ставятъ.

„Не думай, любезный Полліонъ, что я
„тебя забылъ, когда боги вручили мнѣ пра-
„вленіе свѣта. Ибо какъ оба мы путеше-
„ствовали по крутымъ стремнинамъ юности,
„такъ желаю чтобъ и успокоились оба купно
„на гладкомъ пространствѣ старости. Гораз-
„до мнѣ памятно, что оба мы въ Родусѣ какъ
„будто вспахали науки наши, потомъ въ
„Капуѣ посредствомъ военной службы аки бы
„посѣяли оныя; но боги благоволили, что бы
„сча-

„ счастія моего плоды созрѣли въ Римѣ; а „ тебѣ и другимъ, самаго меня лучшимъ, „ фортуна ни единаго класа дать не восхо„ тѣла.

„ Я не могу допустить, чтобъ ты подо„ зрѣвалъ меня напрасно, естьли сердце мое „ приписуетъ тебѣ похвалу вѣрнаго и искрен„ няго друга. Ибо когда непостоянное сча„ стіе вручило мнѣ надзираніе своего верто„ града, повѣрь, не будешь лишенъ изобиль„ наго въ домѣ моемъ собиранія виноградныхъ „ гроздій. Никогда не попустятъ праведные „ боги, никогда злой судьбины рокъ не дове„ детъ меня до толикаго безумства, что бы „ когда я чрезъ дватцать лѣтъ во всякое „ время обрѣталъ у тебя отверстыя двери, „ ты въ противность того хотя на одну „ минуту нашелъ во мнѣ заключенное сердце „.

„ Когда судьба возвела меня на Импера„ торской престолъ, то двѣ вещи непрестан„ но въ моихъ глазахъ обращались, сирѣчь: „ ни врагамъ не мстить, ни къ другамъ не „ быть неблагодарнымъ. Ибо я молю боговъ, „ дабы прежде жизнь моя погребена была „ забвеніемъ, нежели имя опорочилось пят„ номъ неблагодарности. Пускай, сколько хо„ четъ кто, приноситъ богамъ жертвъ; пусть „ дѣлаетъ людямъ, сколько можетъ, услугъ „ и благодѣяній! однакожъ, естьли будетъ „ неблагодаренъ къ другу, отъ всѣхъ вообще „ нарѣканія достоинъ.

„А дабы ты усмотрѣлъ, любезный Пол-
„ліонъ, колико почитать должно старыхъ
„друговъ; то предложу тебѣ примѣръ одного
„Философа, которой прошу выслушать тер-
„пѣливно. Древнѣйшія Греческія Исторіи од-
„ного изъ семи бывшихъ мудрецовъ въ Гре-
„ціи именуютъ Періандромъ, который долго-
„временно управлялъ Государствомъ, и то-
„ликимъ съ одной стороны одаренъ былъ
„проницаніемъ разума, а съ другой помраченъ
„жадностью къ благимъ сего міра, что пи-
„сатели сомнѣваются, вящшее ли въ немъ
„имѣлось знаніе Философіи, которую онъ
„преподавалъ въ училищахъ; или тиранское
„свирѣпство, коимъ ограблялъ государство?
„Ибо неоснованное на правдѣ знаніе много
„вредитъ человѣку.

„На второмъ году моего царствованія
„будучи я въ Коринѳѣ, видѣлъ гробъ, въ ко-
„емъ, говорятъ, погребены Періандровы кости;
„и въ околичности онаго изображена древними
„Греческими письменами слѣдующая надпись:
Въ семъ тѣсномъ гробѣ заключенъ
Періандръ, коего сребролюбія не могла на-
сытить великая и богатая Еллада. Онъ въ
жизни своей бѣдныхъ сиротъ пожиралъ имѣ-
нія, а нынѣ ужè самаго тѣло по смерти
снѣдаютъ черви. Онъ нѣкогда жилъ со вре-
домъ многихъ, а теперь лежитъ безъ ды-
ханія къ общему всѣхъ благоденствію. Онъ
за живота своего безчисленной народъ лишилъ
жизни, а нынѣ смертію его многіе отъ смер-
ти

ти избавляются. Жизнь его была проливать кровь неповинную; и величайшая слава, поглощать труды убогихъ. Онъ наблюдалъ справедливость въ составленіи, но неукротимымъ былъ тиранномъ въ нарушеніи законовъ. Гробъ прекратилъ шестнатцатилѣтнее его свирѣпство; но вѣчно пребывающій Коринѳъ будетъ явнымъ свидѣтелемъ его беззаконій.

„Находились кромѣ того и другія изо„браженныя слова на гробѣ; но понеже оной „стоялъ въ полѣ безъ кровли, то стремлені„емъ воды и дождя многія письмена выѣде„ны, такъ что зраку читателей непостиж„ными были. Былъ же гробъ тотъ предре„внѣйшій, и безъ сомнѣнія великимъ иждиве„ніемъ устроенъ въ ономъ вѣкѣ; но за не„бреженіемъ обветшалъ и разрушился. Ибо „долгота времени толикую имѣетъ силу, „что и знаменитыхъ мужей погребаетъ въ „забвеніи, и великолѣпныя разсыпаетъ зна„нія.

„Естьли желаешь знать, любезный Пол„ліонъ, въ которое время сей Философъ былъ „тиранномъ; то вѣдай, что тогда, какъ „преславной въ Сициліи городъ Катина при „подошвѣ горы Етны созданъ, когда Пердиккъ „четвертый въ Македоніи, Ціаксаръ четвер„тый въ Мидіи, Кондавлъ пятый въ Лидіи, „Ассараддонъ девятый въ Ассиріи, Мерадахъ „вторыйнадесять въ Халдеи, и Нума Пом„пилій вторый въ Римѣ, Короли царствова„ли:

„ли: вЪ сихЪ, говорю, добродѣтельныхЪ Го-
„сударей вѣкѣ ПеріандрЪ царствовалЪ вЪ
„Коринѳѣ.

„Вѣдай же и сіе, что ПеріандрЪ хотя
„не точію самимЪ дѣломЪ былЪ тираннЪ,
„но и слылЪ тиранномЪ, и у всѣхЪ ГрековЪ
„вЪ поношеніи находился: однакожЪ сколько
„былЪ развратенЪ вЪ житіи, столько на-
„противЪ того искусенЪ вЪ краснорѣчіи, и
„весьма рачителенЪ вЪ благоустроеніи государ-
„ства. Ибо нѣтЪ вЪ свѣтѣ толь доброде-
„тельнаго мужа, вЪ коемЪ бы не нашлось ни
„единаго порока; и нѣтЪ толь злонравнаго
„человѣка, что бы не оказалось вЪ немЪ ни-
„чего похвальнаго.

„Подлинно, хотя я ужѐ не весьма мо-
„лодЪ, и не очень еще старЪ, приходитЪ
„однакожЪ мнѣ на память, что видѣлЪ я
„нѣкогда Государя моего Императора Траяна
„кушающаго вЪ Агриппинѣ; тамЪ когда по
„случаю зашла рѣчь о добродѣтельныхЪ и зло-
„нравныхЪ, какЪ ГреческихЪ, такЪ и РимскихЪ
„прешедшаго вѣка ГосударяхЪ; и всѣ, кои ни
„были при томЪ столѣ, крайнѣ хвалили
„Октавія, и вопреки ругали свирѣпаго Неро-
„на; (ибо издревле ведется сіе обыкновеніе,
„что настоящимЪ ГосударямЪ ласкательству-
„ютЪ, а прешедшихЪ уничижаютЪ) то добро-
„дѣтельнѣйшій ИмператорЪ ТраянЪ, ко-
„торый, естьли бывало кушая за столомЪ,
„или во храмѣ стоя на молитвѣ, выговоритЪ
„единое слово, за чудо почитали, усмотря

„вЪ

„ въ тотъ день, что одни напрягали всѣ си-
„ лы своего разума похваляя Октавія, а дру-
„ гіе вышли изъ предѣловъ поношая Нерона.

Я радуюсь, сказалъ, слыша похвалу приписуемую вами Октавію; но досадую что вы въ присутствіи моемъ Нерона или другаго кого либо злословите. Ибо срамно обрѣтающемуся въ жизни Государю допускать, чтобъ предъ нимъ ругали умершихъ Государей. Подлинно Октавій былъ добродѣтельнѣйшій Императоръ, но того не оспорите, что могъ онъ быть еще лучшимъ. Былъ и Неронъ самой негодной, однакожъ могъ быть еще и того хуже. Я говорю сіе для того, что въ первыя пять лѣтъ царствованія своего Неронъ всѣхъ былъ добродѣтельнѣе, но на девятомъ ужè году всѣхъ учинился злонравнѣе. И такъ естьли имѣемъ за что ругать, то находимъ за что и хвалить его должно.

Разумнымъ Вельможамъ, когда передъ живущими Государями говорятъ о умершихъ Государяхъ, надобно выражать токмо одни добродѣтели ихъ, какими одарены были, не дерзая охуждать пороковъ, какіе въ нихъ обрѣтались. Понеже доброй заслуживаетъ воздаяніе тѣмъ, что по возможности упражнялся въ добродѣтели; а худому прощать должно для того, что онъ погрѣшилъ отъ неразлучной съ человѣчествомъ слабости.

„ Сіи слова при мнѣ выговорилъ Траянъ,
„ и толь важнымъ произнесъ видомъ, что
„ всѣ бывшіе тамо отъ стыда замолчали. Ибо

„по сущей истиннѣ, не толикую дѣлаютъ „болѣзнь отчаянной злости человѣку нещад„ные удары, коликой почтенному мужу при„чиняетъ стыдъ одно жестокое слово. Опи„салъ я сіе, любезный Полліонъ для того, „что ежели Траянъ вступясь за Нерона, на„шелъ въ немъ похвалы достойное качество; „то равнымъ образомъ и я разсуждаю о „Періандрѣ, коего буде за учиненныя зло„дѣйства обвиняемъ, за добрыя напротивъ „того произнесенныя имъ слова и предписан„ные справедливѣйшіе законы защищать дол„жно. Ибо нѣтъ ничего удобнѣе беззаконному, „какъ хорошо другимъ совѣтовать; но вопре„ки, нѣтъ ничего ему трудняе, какъ по„ступать добродѣтельно, и другихъ къ до„бродѣтели собственнымъ возбуждать при„мѣромъ. Впрочемъ поелику Періандръ „различные Коринѳянамъ предписалъ зако„ны, то изъ многихъ токмо самомалѣйшую „часть здѣсь предложить имѣю, а именно „слѣдующіе.

Ежели кто по случаю въ ссорѣ или дракѣ убьетъ кого до смерти, только бы произошло сіе не съ умыслу, таковаго смертію казнить не должно, но брату или ближайшему родственнику убитаго да будетъ рабъ вѣчно. Ибо легчайшее есть наказаніе короткая жизнь, нежели долговременное рабство.

Естьли поимаютъ кого на разбоѣ, не казнить смертію, но заклеймить на челѣ; дабы качество его чрезъ то было свѣдомо. По-

Понеже ошельмованному лицемъ человѣку вящшая есть мука долговременное безславіе, нежели краткость жизни.

Буде кто ни есть мужеска или женска пола во вредъ другаго скажетъ ложь; то чрезъ цѣлой мѣсяцъ долженъ во устахъ носить камень. Ибо недостоинъ тотъ пользоваться свободою языка, кто лгать неуимчивъ.

Ежели кто мужеска или женска пола въ городѣ станетъ вчинать мятежи и бунты; такого обезчестивъ выгнать прочь изъ города. Ибо невозможно статься, чтобъ тотъ пріятствовалъ богамъ, который съ живущими по сосѣдству человѣками затѣваетъ вражды.

Естьли кто изъ гражданъ отъ другаго гражданина получа благодѣяніе въ неблагодарности за оное потомъ изобличенъ явится, за такое преступленіе смертію казненъ да будетъ. Ибо за оказанное добро неблагодарный человѣкъ жизнію наслаждаться недостоинъ.

„ Разсуди теперь, любезный Полліонъ, „ предложенную отъ меня исторію древности, „ сирѣчь: коликую Коринѳяне являли кротость „ человѣкоубійцамъ, и сколь милосерды были „ къ пойманнымъ на разбоѣ; напротивъ же „ того неблагодарныхъ безъ всякой другой „ вины немедленно живота лишали. И по „ истиннѣ, кажется, справедливо въ семъ „ поступали Коринѳяне: ибо мудраго человѣка „ ничто такъ не поражаетъ, какъ усмотренная въ комъ либо за благодѣянія неблагодарность.

„ Сія

„Сія Періандрова исторія выражена отЪ „меня для единственнаго твоего усмотрѣнія „и познанія; что когда я толико проклинаю „за учиненное добро неблагодарность, буду „прилагать стараніе, дабы не привлечь на „себя порока неблагодарности. Ибо не тотЪ „человѣкЪ добродѣтеленЪ, который сЪ люто-„стію противо пороковЪ стремится; но ко-„торый онымЪ во все непричастенЪ бываетЪ. „Сіи слова сказаны тебѣ вЪ примѣрЪ, и ты „безЪ всякаго сомнѣнія будь увѣренЪ, что я „никакого не дѣлаю притворства, сирѣчь: „хотя я нынѣ ИмператорЪ Римскій, всегда „однакожЪ буду вѣрнымЪ твоимЪ другомЪ, „и постараюсь, дабы ты самимЪ дѣломЪ „искусилЪ мою кЪ тебѣ благодарность. Ибо „не меньше кажется мнѣ похвально, разу-„момЪ сохранить друга; какЪ и чрезЪ Фило-„софію достигнуть Императорской короны.

„ВЪ письмѣ своемЪ вопрошаешь ты меня „обЪ одной вещи, на которую отвѣтствовать „чувствую я вЪ себѣ великой недостатокЪ. „Я лучше бы желалЪ для снабдѣнія твоего „убожества отперетъ сундуки мои, нежели „ко отвѣтствованію на твой вопросЪ разги-„бать книги. ВпрочемЪ, требованіе твое, „хотя причиняетЪ мнѣ ущербЪ, справедли-„вымЪ однакожЪ признаваю, и всячески оное „хвалю и почитаю. Ибо гораздо похвальнѣе, „ежели кто старается познать одну мимо-„шедшей древности тайну; нежели когда „скопляетЪ пѣнязи на будущія нужды. Фило-

„софЪ,

„ софЪ, яко ФилософЪ, сокровище премудрости со-
„ бираетЪ; дабы могЪ провождать жизнь сЪ поко-
„ емЪ, и ожидая смерти, оную воспріять со сла-
„ вой. Скупой, яко сребролюбецЪ, собираетЪ бо-
„ гатство; дабы жить вЪ мятежѢ и беспокой-
„ ствѢ, и напослѢдокЪ умереть сЪ безславі-
„ емЪ. Но клянусь БогомЪ, стократно полез-
„ нѢе одинЪ день проведенный вЪ Философ-
„ скихЪ наукахЪ, нежели десять тысячь дней
„ иждиваемыхЪ на собираніе богатства Ибо
„ миролюбивыхЪ людей жизнь не иное что либо
„ есть, какЪ пріятное и малотрудное путеше-
„ ствіе; напротивЪ того житіе беспокойныхЪ
„ и завистливыхЪ ни что другое, какЪ долго-
„ временная смерть бываетЪ.

„ Просишь, ПолліонЪ, чтобЪ я описалЪ
„ тебѢ, вЪ чемЪ прешедшихЪ вѢковЪ смер-
„ тные полагали свое блаженство? Понеже толь
„ разныя были ограниченія, что иные жизнь
„ презирали, а другіе любили; тѢ теченіе
„ жизни продолжали, другіе сокращали и пре-
„ рывали; сіи вмѢсто наслажденія роскошьми
„ трудовЪ искали, а другіе вмѢсто отягоще-
„ нія трудовЪ за роскошьми гонялись; коего
„ различія не иная была причина, какЪ токмо
„ мо что люди разныя имѢли мнѢнія. Ибо
„ различіе вкуса заставляетЪ человѢковЪ раз-
„ ныя и необыкновенныя вымышлять пищи.

„ Истинно! я удивляюсь твоему вопросу,
„ усматривая вЪ себѢ недостатокЪ Философ-
„ ской мудрости ко отвѢту. Ибо ежели ты
„ искушенія ради вопрошаешь, то какЪ буд

„то моей спеси насмѣхаешься: ежели въ „шутку спрашиваешь, то какъ будто надъ „легкомысленнымъ издѣваешься; ежели въ прав„ду, то какъ будто надъ невѣжею играешь; „ежели для моего поученія вопрошаешь, то „вѣдай мою къ ученію готовость; ежели для „собственнаго наставленія любопытствуешь, „то научить тебя признаю мое несостояніе; „ежели вывѣдываешь по той причинѣ, что „запросъ сей отъ другихъ тебѣ предложенъ, „то знай, что отвѣтъ мой никого не удоволь„ствуетъ; будеже паче чаянія вопрошаешь „для того, что оное тебѣ во снѣ пригрѣзи„лось, то впредь пробужаясь, снамъ не вѣрь; „и не думай, что все представляющееся мы„сленнымъ глазамъ въ ночное время, тотчасъ „на утрешній день языкъ долженъ разгла„шать въ народѣ.

„Хотя же я справедливую, любезный „Полліонъ, жаловаться на тебя имѣю при„чину, поелику ты ни важности моего лица „въ разсужденіе не пріемлешь, ни на до„стоинство твоей въ Философіи учености не „взираешь; и для того весьма опасаюсь, „чтобъ тебя въ спрашиваніи не почли любо„пытнымъ, а меня во отвѣтствованіи не „назвали невѣжой; отвѣчать однакожъ не„премѣнно вознамѣрился, не такъ, какъ дол„жно, но елико возможно; и не по обширности „твоего вопроса, но по скудости моего зна„нія; отъ части, дабы удовольствовать твое „требованіе; а отъ части, дабы исполнить

„и

,, и собственное желаніе; въ настоящемъ уже
,, времени предвозвѣщая, что всѣ читатели
,, сего письма будутъ жестоко порицать мое
,, неискуство.

О ЕПИКУРѢ.

,, Во сто третью Олимпіаду, когда
,, Ксерксъ царствовалъ въ Персіи, и тираннъ
,, Лизандръ Пелопонисскими повелѣвалъ войска-
,, ми, достопамятное между Аѳинянами и
,, Лизандромъ при Егѣ рѣкѣ сраженіе произ-
,, ведено, на которомъ Лизандръ одержалъ по-
,, бѣду; и ежели Историкамъ повѣрить, много
,, опечалило Аѳинянъ сіе пораженіе, для того,
,, что они больше чрезъ нерадѣніе своихъ
,, Полководцовъ, нежели превосходство непрія-
,, тельскихъ силъ побѣждены были. Ибо многія
,, побѣды большею частію чрезъ небреженіе
,, однихъ, нежели храбрость и тщаніе дру-
,, гихъ, случаются.

,, Въ тѣ времена процвѣталъ Философъ
,, Епикуръ, человѣкъ росту средняго, разума
,, проницательнаго, и памяти твердой, ко-
,, торый хотя въ Философіи посредственное
,, имѣлъ знаніе, но краснорѣчіемъ былъ сла-
,, венъ: чего ради Аѳиняне послали его въ
,, Армію отъ части для ободренія, а отъ части
,, для вспоможенія совѣтами своими Полковод-
,, цовъ. Ибо древніе народы предъ начатіе-
,, емъ войны прежде старались выбирать му-
,, дрыхъ въ совѣтованіи людей, нежели храб-
,, рыхъ въ сраженіи Полководцовъ.

„Впрочемъ, между другими взяли въ „полонъ и Епикура, котораго Лизандръ крайнѣ любя, въ великомъ передъ другими содер„жалъ почтеніи, и съ самаго времени плѣненія „имѣлъ неотлучно передъ своими глазами, по„тому что онъ преподавалъ ему Философію, по„вѣствовалъ Исторію временъ прешедшихъ, „и расказывалъ храбрыя и мужественныя „дѣла Греческія и Троянскія; изъ чего Ли„зандръ великое почерпалъ увеселеніе. Ибо „тиранны съ удивительною радостію слуша„ютъ похожденія и добродѣтели древнихъ, но „однакожъ слѣдуютъ беззаконіямъ и порокамъ „временъ настоящихъ. Лизандръ хотя по сни„скании побѣды имѣлъ на морѣ флотъ и при „Егоспотамонѣ лагерь; но однакожъ не взирая „на то, какъ самъ, такъ и прочіе его чинов„ники забывъ военныя опасности, аки бы „для подкрѣпленія силъ углубилися въ сла„столюбіе и роскошь; такъ что съ великимъ „вредомъ государства вовсе развратную жизнь „провождали. Ибо предметъ мучительныхъ „Государей, собственнаго труда убѣгать, „чужой потъ поглощая.

„Подлинно, Епикуръ воспитанъ въ пре„изрядной Аѳинской школѣ, гдѣ въ толикой „нищетѣ жили Философы, что будучи наги „спали на голой землѣ, и ниже холодной воды „до сытости не напивалися; не имѣлъ изъ „нихъ ни одинъ собственнаго дому; отъ „богатствъ, какъ отъ моровагo повѣтрія, „убѣгали и отвращалися; съ усердіемъ пек-

„лисъ

„лись примирять враждующихъ между собою, „и отечество свое преискренно любили; ни„когда не говорили праздныхъ словъ, и за „святотатство почиталося у нихъ сказать „что нибудь ложное: напослѣдокъ лѣниваго „Философа выгонять, а развратнаго жизни „лишать, ненарушимой законъ имѣли.

„Однакожъ бесчастный Епикуръ забывъ „ученіе наставниковъ своихъ, такожъ подвигъ „и труды, къ каковымъ Философы обязаны, „вмѣняя ни во что, и всецѣло порабощая себя „порокамъ, наилучшею судилъ быть звѣрскую „и сластолюбную жизнь, въ которой какъ „словомъ, такъ и дѣломъ основалъ величай„шее блаженство. Ибо человѣки, коихъ къ „добродѣтелямъ не руководствуетъ природа, „и отъ самомалѣйшей причины уклоняются „къ порокамъ. И такъ скотской тотъ Фило„софъ, для опредѣленія высочайшаго блажен„ства, принялъ за предметъ себѣ такой „конецъ; ежели люди безъ труда находясь, „спятъ на мягкихъ постеляхъ; ежели жи„вутъ въ нѣгѣ, не терпя досады ни отъ „солнечнаго зноя, ни отъ зимней стужи; „ежели къ удовольствію тѣлесному имѣютъ „прекрасныхъ женъ; ежели къ увеселенію „обогащены знатными напитками, и ежели „къ пированію пріятными изобилуютъ ку„шаньями.

„Я не столько удивляюсь Епикуру, сколь„ко множеству учениковъ, коихъ онъ имѣлъ „и будетъ имѣть въ свѣтѣ. Ибо нынѣ весь-

„ма рѣдкихъ сыщешь въ Римѣ, чтобъ удер„живали неистовыя прихотѣнія; но безчислен„ныхъ напротивъ того увидишь, кои за „свѣтскими гоняются утѣхами. И дабы „сказать тебѣ, любезный Поллiонъ, самую „истинну, меня не приводитъ въ удивленiе „и восторгъ, что одни пекутся о добродѣ„тели, а другiе упражняются въ порокахъ. „Ибо пекущiйся о добродѣтели человѣкъ, не „дивно что добродѣтеленъ бываетъ, поели„ку за добрыя дѣла въ будущемъ вѣкѣ весе„литься и покоиться съ богами уповаетъ; „и неудивительно, что развращенной погру„жается въ роскошахъ сея жизни, понеже ни„какой радости и спокойствiя съ богами въ „слѣдующей не чаетъ. Ибо поелику смер„тные не вѣрятъ крѣпко, что другая послѣ „настоящей жизнь остается, гдѣ беззакон„ныхъ казни, а добродѣтельныхъ награжде„нiя ожидаютъ; то по сей причинѣ злонрав„ные съ толикимъ неистовствомъ на всякое „беззаконiе стремятся.

О СТИХОТВОРЦѢ ЕСХИЛѢ.

„Въ царствованiе Артабана, шестаго „Персидскаго Царя, когда Квинтiя Цинцин„ната изъ деревни въ городъ на Диктатор„ское достоинство пригласили, былъ въ про„винцiи Ѳарсисѣ Философъ, именемъ Есхилъ, „лицемъ безобразенъ, тѣломъ нескладенъ, „глазами косъ, и разумомъ весьма тупъ; хотя

„ къ пріобрѣтенію славы счастіе ему и слу-
„ жило. Ибо Ѳарсяне его не меньше, какъ
„ Греки Омира почитали. Хотя же, по повѣ-
„ ствованію Историковъ, сей Философъ не
„ имѣлъ остроты разума, но отъ природы
„ душевною сіялъ добротою, и въ важныхъ
„ дѣлахъ былъ трудолюбенъ, въ сношеніи
„ обидъ терпѣливъ, въ горестныхъ и печаль-
„ ныхъ приключеніяхъ великодушенъ, въ
„ счастіи и благополучіи скроменъ, паче же
„ всего въ обхожденіи крайнѣ любезенъ и въ
„ разговорахъ весьма краснорѣчивъ и пріятенъ.
„ Ибо тотъ токмо счастливымъ назваться
„ долженъ, котораго и житіе всѣ хвалятъ, и
„ языка никто не охуждаетъ.

„ Впрочемъ, Есхилъ, какъ повѣствую-
„ ютъ древніе Греческіе Историки, первой
„ изобрѣлъ Трагедіи, и представленіемъ оныхъ
„ получалъ свое прокормленіе. А поелику сія
„ выдумка была новая и пріятная; то вели-
„ кое множество народа не точію слѣдовали
„ за нимъ, гдѣ онъ ни обращался, но и бо-
„ гатствъ своихъ не малую часть ему удѣля-
„ ли. Чему не долженъ ты, любезный Пол-
„ ліонъ, удивляться; ибо народъ толь легко-
„ мысленъ, что на смѣхотворныя позорища
„ всѣ ревностно прилетаютъ; а къ слушанію
„ преизящества добродѣтелей ни одинъ чело-
„ вѣкъ и ногой не ступитъ.

„ Когда же Есхилъ многія написалъ кни-
„ ги, и наипаче о представляемомъ имъ тра-
„ гическомъ искуствѣ, а при томъ многія и

„различныя прошелъ государства; то напо-
„слѣдокъ остался съ покоемъ, и прочее жиз-
„ни своей время провелъ въ окопичности
„острововъ близъ Меотійскаго озера находя-
„щихся. Ибо, какъ Платонъ говоритъ, древ-
„ніе Философы въ юношествѣ училися, въ
„мужескихъ лѣтахъ странствовали, а въ старо-
„сти жили съ покоемъ; что кажется дѣлали
„они весьма разумно, да не меньшебъ разум-
„но поступили и нынѣшнихъ вѣковъ люди,
„слѣдуя ихъ примѣру. Ибо наука и испыта-
„ніе раждаютъ премудрость; а истинная
„премудрость и искуство въ томъ заклю-
„чаются, чтобы смертный человѣкъ отъ
„суетъ жизни сея со временемъ удалялся.
„Скажи пожалуй, любезный Полліонъ, какая
„польза, что много кто учился, слышалъ,
„позналъ, видалъ, примѣтилъ, претерпѣлъ
„и извѣдалъ, ежели превозмогши всѣ сіи
„трудности, не укроется на нѣсколько вре-
„мени въ пристанище тишины и покоя! по
„истиннѣ не мудрымъ, но безумнымъ на-
„звать того должно, который самовольно
„трудами себя изнуряя, не печется о прі-
„обрѣтеніи наконецъ спокойства. Ибо мятеж-
„ная жизнь, по моему мнѣнію, не иное что
„либо, какъ долговременная смерть бываетъ.

„Когда же онъ, будучи въ глубокой старо-
„сти, спалъ по случаю у Меотійскаго озера,
„гдѣ охотникъ съ зайцомъ въ каменной клѣт-
„кѣ шелъ между тѣмъ другихъ ловить зай-
„цовъ; то орелъ опустясь въ низъ зайца

„того

,, того съ клѣткою унесъ на воздухъ: но какъ ,, съѣсть онаго было ему не можно, то уро- ,, нилъ съ высоты на лице спящаго Философа, ,, и тѣмъ ушибъ его до смерти.

,, Сей Есхилъ, когда спросили его: въ ,, чемъ состоитъ жизни сея блаженство? от- ,, вѣчалъ: По моему разсужденію заключает- ,, ся оное во снѣ; на которой отвѣтъ при- ,, водилъ въ доказательство, что спящихъ насъ ,, не оскорбляютъ непріятели, не беспокоятъ ,, други, не тревожатъ тѣлесныя страсти, ,, не удручаетъ жестокая стужа, не убѣжда- ,, етъ жаркой зной, не мучатъ завистью ви- ,, димыя вещи, не терзаетъ печалію тщет- ,, ность предпріятій, не огорчаютъ, ниже ,, смущаютъ противности; напослѣдокъ, во ,, время сна ни тѣлесныхъ болѣзней, ни ду- ,, шевныхъ бескокойствъ не чувствуемъ. А ,, дабы конца сего достигли, сирѣчь: погружен- ,, ные въ печали, или изнуренные трудомъ ,, удобнѣе могли спать; то научалъ жителей ,, своего отечества составлять нѣкоторой родъ ,, питья, коего какъ только кто испилъ, тот- ,, часъ засыпалъ глубоко; словомъ, коликое ,, послѣдователи Епикуровы усердіе въ вымы- ,, шленіи и насыщеніи трапезъ, толикое сіи ,, во снѣ и приуготовленіи мягкихъ постелей ,, тщаніе прилагали.

О СТИХОТВОРЦѢ ПИНДАРѢ.

,, Въ лѣто отъ созданія города двѣсти ,, шесдесятъ второе, во время царствованія

„ у Персіянъ Дарія втораго, который былъ
„ сынъ Истасповъ и четвертый Царь Персид-
„ скій, за консульства Іунія Брута и А. Кол-
„ латина первыхъ Консуловъ Римскихъ, обрѣ-
„ тался въ славнѣйшемъ Египетскомъ городѣ
„ Ѳивахъ Пиндаръ первенствующій всего онаго
„ царства Стихотворецъ. Повѣствуютъ, что
„ сей Пиндаръ въ Философіи современныхъ
„ всѣхъ, а въ вокальной и инструментальной
„ музыкѣ, сколько прежде его ни было, пре-
„ восходилъ каждаго. Ибо Ѳивяне утвержда-
„ ютъ, что никто не имѣлъ никогда толь
„ проворнаго въ рѣчахъ языка, коликою онъ
„ одаренъ былъ скоростію рукъ въ играніи на
„ инструментахъ.

„Сей же Пиндаръ превосходное имѣлъ зна-
„ ніе въ Этикѣ или нравоучительной Филосо-
„ фіи, хотя въ Физикѣ и не весьма знающимъ
„ его почитали. Сверьхъ того былъ молчали-
„ вой, уединенной, и крайнѣ добродѣтельной;
„ такъ что вящшее въ дѣлѣ, нежели въ сло-
„ вахъ имѣлъ искуство. Противное сему ви-
„ димъ въ нынѣшнихъ Философахъ, кои го-
„ ворятъ много, а разумѣютъ мало, и всего
„ хуже, слова произносятъ составленныя искус-
„ но, но какое ни дѣлаютъ добро, все дѣла-
„ ютъ съ лицемѣріемъ и притворствомъ. Объ
„ ономъ же Платонъ упоминяетъ въ книгѣ
„ законовъ, и Іуній Рустикъ нѣчто особливое
„ повѣствуетъ въ Исторіи Ѳивской, сирѣчь:
„ когда Лидійской Посолъ во время бытности
„ своей въ Ѳивахъ, видя премногочестнѣйшее
„ житіе

„житіе Пиндарово, усмотрѣлъ напротивъ „того, что онъ краснорѣчіемъ одаренъ не „былъ; то сказалъ ему слѣдующее: Ежелибъ „твоя, Пиндаръ, грубая рѣчь столько была „чиста и пріятна предъ человѣками, сколько „дѣла непорочны предъ богами; клянусь, что „не меньше почтенъ былъ бы ты въ жизни, „какъ Прометей; и толикуюбъ по смерти „пріобрѣлъ славу, коликую въ цѣлой Греціи „оставилъ по себѣ Омиръ великій.

Когда же спросили Пиндара: въ чемъ состоитъ блаженство? отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ: Поелику извѣстно, что внутренній духъ по большей части во многихъ дѣлахъ внѣшнему повинуется тѣлу; то по моему мнѣнію того счастливымъ почитать должно, который никакихъ болѣзней не имѣетъ въ тѣлѣ. Ибо въ сердцѣ страждущаго тѣломъ радость и веселіе царствовать не можетъ.„ Сему Пиндарову совѣту слѣдуя „Ѳивяне, паче всѣхъ народовъ старалися от„вращать тѣлесныя болѣзни. Анній Северъ „повѣствуетъ, что они ежемѣсячно пускали „кровь, для испражненія излишества оной; „на каждой недѣлѣ принимали рвотное, для „скопленія мокротъ; часто мылися въ баняхъ, „для избѣжанія запоровъ; и различные съ „собой нашивали духи, чтобы отъ смрад„ныхъ мѣстъ исходящее зловоніе имъ не „досаждало; словомъ, ни о чемъ болѣе не „старалися Ѳивяне, кромѣ точію соблюдать „тѣло во всякихъ роскошахъ и нѣгѣ.

О ФИЛОСОФѢ ЗЕНОНѢ.

„Во сто притцать третью Олимпіаду, „К. Сервилій и Л. Цецилій, какъ только въ „Генварѣ мѣсяцѣ избраны были на Консуль- „ское достоинство; немедленно въ походъ „противо Аѳинянъ на двадесять девятомъ году „царствованія Птоломея Филаделфа отправле- „ны. Сей Птоломей иждивеніемъ Александрій- „скихъ жителей создалъ башню, и нарекъ „оную Фаронъ, именемъ своей любовницы, „которая называлася Фаросъ Деловина. Оная „башня выстроена была на четырехъ мра- „морныхъ шарахъ, сама собою широкая и „высокая, четвероугольная, и вся составлена „изъ камней на подобіе стекла прозрачныхъ; „такъ что хотя башня широту въ двацать „шаговъ имѣла, но ежели горѣла внутри свѣ- „ча, смотрящіе съ наружи свѣтъ ея видѣли. „Вѣдай же, любезный Полліонъ, зданіе оное „Историки древніе толь дорого цѣнили, что „положили въ числѣ семи чудесъ свѣта.

„Во время сихъ происхожденій былъ въ „Египтѣ Философъ, именемъ Зенонъ, коего „художества и попеченія употребилъ Птоло- „мей въ созданіи толь славной башни, а при „томъ пользовался и совѣтами его въ правле- „ніи государства. Ибо въ древнія времена „Государей, кои въ жизни своей совѣтовъ муд- „рыхъ людей не слушали, по смерти въ числѣ „безумныхъ полагали. Впрочемъ, поелику „башня оная была весьма крѣпкая и крайнѣ „уве-

„увеселительная; то наибольшую часть времени Птоломей хранилъ тамъ дражайшую „любовницу, какъ для лучшаго ея збереженія, такъ и для того, чтобъ она веселіемъ „наслаждалась. Ибо хотя Птоломей имѣлъ „женъ своихъ въ Александріи, однакожъ больше времени проживалъ съ Фароссою Деловиною. Понеже въ древнія времена Персіяне, „Сикіоняне, и Халдейцы понимали женъ „только для рожденія законныхъ дѣтей къ „наслѣдству имѣнія, а страсть свою съ наложницами забавляли.

„Египтяне, сирѣчь, истиннымъ разумомъ непросвѣщенные, хвалилися, что они „изрядные борцы, и много о томъ съ иностранными спорили. А какъ они непрестанно въ борбѣ упражнялися, то имѣли искусныхъ у себя мастеровъ. Ибо кто въ чемъ „упражняется часто, необходимо долженъ „сдѣлаться напослѣдокъ учителемъ.

„Хотя же въ Египетской странѣ многіе „борцы находилися, но одинъ нѣкто превосходилъ прочихъ, котораго никто не могъ „повалить на землю. А какъ побороться съ „нимъ захотѣлось въ нѣкоторой день Зенону; „то схватясь опрокинулъ на землю великаго „того борца, коего одолѣть никому до „тѣхъ поръ не удавалось. Сія побѣда толь „пріятна Зенону показалась, что и сказалъ „и написалъ, яко бы не въ иной вещи заключалося блаженство, токмо ежели кто „одаренъ толикою силою и проворствомъ,

„что

„ что другаго можетъ одолѣть и попрать
„ ногами. Утверждался же Философъ на та-
„ комъ доказательствѣ, что опрокинуть на
„ землю искуснаго поединщика большій есть
„ родъ побѣды, нежели многихъ одолѣть на
„ сраженіи. Понеже на брани несправедливо
„ одинъ присвояетъ себѣ побѣду, въ пріобрѣ-
„ теніи оной многихъ соучастниковъ имѣя.
„ Но въ борбѣ какъ одинъ сражается, такъ
„ и побѣда одному только принадлежитъ; и
„ для того оная блаженство въ себѣ заключа-
„ етъ, тѣмъ наипаче, что больше въ ней,
„ нежели въ другой вещи духъ удовольствія
„ находитъ. Ибо въ свѣтѣ семъ то только
„ совершеннымъ счастіемъ назвать должно,
„ которое и духу приноситъ увеселеніе, и
„ тѣлу не приключаетъ никакой досады.

О ФИЛОСОФѢ АНАХАРСИСѢ.

„ Въ то время, когда Артидъ седмый
„ Мидскій, и Тарквиній Прискъ пятый Король
„ Римскій царствовали, былъ въ предѣлахъ
„ Скиѳскихъ Философъ, именемъ Анахарсисъ,
„ родомъ изъ города Епимениды. Нашъ Цице-
„ ронъ въ 5 книгѣ о дѣлахъ Тускуланскихъ,
„ ученость сего Философа чрезвычайно похва-
„ ляя, не знаю, говоритъ, вящшеель было
„ изобиліе дарованнаго ему отъ боговъ про-
„ свѣщенія въ наукахъ, или свирѣпство злобы,
„ съ каковымъ гонительствовали на него со-
„ перники. Ибо въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію
„ Пиѳагора, чѣмъ кто усерднѣе и пріятнѣе

„ бо-

„ богамъ, тѣмъ больше обидамъ и ненависти „ человѣческой подверженъ бываетъ.

„ А поелику Анахарсисъ, какъ выше упо- „ мянуто, былъ природою Скиѳъ, которой „ языкъ Греки наипаче варварскимъ почитали; „ то одинъ злонравный Аттикъ, желая раз- „ дражить Философа словами, затѣялъ то и „ самымъ дѣломъ, сирѣчь, злобою паче, не- „ жели незнаніемъ будучи побуждаемъ. Ибо „ злорѣчіе есть свидѣтель злобнаго сердца. И „ такъ Аттикъ тотъ, приступивъ къ Фило- „ софу, сказалъ: Не можно статься, Анахарсисъ, чтобъ ты былъ родомъ Скиѳъ. Ибо толь варварская земля не въ состояніи такого краснорѣчиваго произвесть на свѣтъ мужа. Анахарсисъ на то отвѣтствовалъ: Ты говоришь правду, да и я въ семъ обстоятельствѣ на слова твои согласенъ, хотя мнѣнія справедливымъ и не признаваю. Ибо ты меня за худое отечество укорять, но за добродѣтельное житіе хвалить можешь справедливо; а я напротивъ того тебя за срамное и беззаконное житіе порицать, но за доброе отечество возвеличить гораздо еще могу справедливѣе. Въ семъ полагаюсь я на собственное твое разсужденіе, сирѣчь: кто изъ насъ большую получитъ въ будущихъ вѣкахъ славу? ты ли, что родившись въ Греціи, живешь какъ варваръ; или я, что будучи рожденъ варваромъ, живу какъ Грекъ природной? Ибо я лучше желаю въ жизни сей, какъ будто въ вертоградѣ, зеленою и плодоносною быть яб-

лонью, нежели сухимЪ и валяющимся на землѣ высокимЪ кедромЪ.

„Когда же многіе годы АнахарсисЪ вЪ „РимѢ и Греціи обращался, и будучи ужѐ „довольныхЪ лѣтЪ, по врожденной кЪ оте„честву любви, принялЪ намѣреніе возвра„титься вЪ Скиѳію, гдѣ братЪ его именемЪ „КалвидЪ, подлинно званіемЪ Царь, но самою „вещію тиранЪ обладалЪ вЪ то время; то „по пріѣздѣ своемЪ туда, увидя, что онЪ „ужѐ вЪ мучителя превратился, и царство „вЪ крайнемЪ безпорядкѣ [illegible]дилось, отвѣ„далЪ было исправить б[illegible]ма здравыми со„вѣтами, а народЪ полезнѣйшими наставить „законами. Но варвары усмотря, что онЪ „вводилЪ новые вЪ житіи обряды, по обще„му согласію его умертвили. Ибо загружен„наго пороками государства извѣстнѣйшимЪ „знакомЪ и доказательствомЪ ничего, любез„ный ПолліонЪ, признавать не должно, какЪ „честныхЪ и добродѣтельныхЪ мужей или „убивства или заточенія„.

Когда же похотили казнить Философа, то обЪявилЪ онЪ имЪ, сказывая, что смерть та крайнѣ ему огорчительна; и что онЪ не безЪ великаго мученія духа лишается жизни. О чемЪ нѣкто сжалясь, говорилЪ: поелику ты АнахарсисЪ добродѣтелію, мудростію, а сверьхЪ того и лѣтами другихЪ превосходишь; то по моему мнѣнію кажется, не должнобЪ тебѣ о томЪ грустить, что удаляешся отЪ бѣдственной сей жизни. Понеже сіяющему добро-

добродѣтелію мужу соединенія съ добродѣтельными, какихъ сей свѣтъ не имѣетъ; и мудрому съ другими мудрыми людьми, коихъ нѣтъ въ здѣшнемъ мірѣ, сообщенія желать надлежитъ: а притомъ состарѣвшемуся человѣку утрату жизни ни во что вмѣнять должно, познавъ опытомъ, коликихъ жизнь сія наполнена бѣдствій: ибо глупости родъ быть кажется, ежели бы кто окончивъ долгое и многотрудное путешествіе, плакалъ и крушился о томъ, что конецъ его видитъ.

Напротивъ чего сказалъ ему въ отвѣтъ Анахарсисъ: ты не худо говоришь другъ мой, да даруютъ боги, чтобъ жизнь твоя увѣщаніямъ была сообразна! но мнѣ то жалко, что сей злой рокъ и разума къ понятію оныхъ, и чувства для наслажденія ими, и времени для возблагодаренія тебѣ за оные меня лишаетъ. Ибо никакое витійство умирающаго человѣка мыслей выразить не можетъ. Я умираю, и какъ самъ ты видишь, умерщвляютъ меня за единственное о добродѣтели попеченіе; но нѣтъ ничего мнѣ горестнѣе, какъ то, что не могу отмстить брату моему Калвиду. Ибо въ томъ, мнится мнѣ, все состоитъ блаженство, ежели человѣкъ за напрасно учиненную обиду прежде смерти отмстить можетъ. Правда, похвально Философу прощать обиды, какъ то обыкновенно дѣлаютъ совершенные и добродѣтельные Философы; однакожъ за обиды, кои оскорбленные человѣки прощаютъ, праведные боги необходимо мстить должны.

Понеже весьма былоб несправедливо, ежели бы над самим мучителем други добродетельнаго человека, у коего тот тиранн жизнь похищает, наказанія потом никогда не увидели. „Сей Философ, кажется мне, „любезный Полліон, верховное сего света „счастіе положил в отмщеніи обиды.

О САРМАТАХ.

„Гора Кавказ по описанію Космографов, „начинаясь от Индіи и оканчиваясь в Скиѳіи, разделяет большую Азію на две части, и по различію обитателей разныя „имеет наименованія; а наипаче с противоположенной стороны к Индіи живут в „ней разные языки. Ибо чем гористее бывают земли, тем больше варварских „содержат народов. Между прочими же „народами обитают на той горе Сарматы. „В земле Сармаціи разливается и течет „река Дон, и во всей окружности сея провинціи за жестокою стужею очень мало „родится винограду, хотя в целом востоке „нет ни одного жаднее к вину народа. Ибо „неименіе какой нибудь вещи, величайшее „распаляет к ней желаніе. Сей Сарматской „народ очень храброй, хотя оружіем и не „весьма снабден; он не употребляет нежных кушаньев, а еще гораздо меньше „ходит в драгоценных одеждах. Ибо „все счастіе жизни сея полагает в том, „чтоб питьем вина насыщаться.

„В

„ВЪ лѣто отЪ созданія города триста „осмоенадесять предки наши противо Сар„матЪ и другихЪ варварскихЪ народовЪ от„правили Консула Л. Пія. ТамЪ когда загорѣ„лась война, и различныя сЪ обѣихЪ сторонЪ „происходили перемѣны счастія, дошло на„послѣдокЪ до перемирія, и всѣ Сарматскіе „Князья сами сЪ своими областьми отдались „вЪ подданство Имперіи Римской, по той „единственно причинѣ, что КонсулЪ Л. Пій „пригласивЪ ихЪ кЪ себѣ на пирЪ, виномЪ „употчивалЪ до пьяна. По окончаніи же войны „и покореніи всея Сармаціи РимлянамЪ, Кон„сулЪ Л. Пій возвратясь вЪ РимЪ, требовалЪ „обыкновеннаго за труды свои награжденія, „сирѣчь, торжественнаго пріема сЪ честію. „Однако не точію срамной получилЪ вЪ томЪ „отказЪ, но еще будучи обвиненЪ, смертную „отсѣченіемЪ головы воспріялЪ казнь публич„но; и на гробѣ его по повелѣнію и приго„вору Сенатскому учинена была слѣдующая „надпись.

ЗдѣсЬ лежитЪ Пій покоритель Сармаціи, который отЪ созданія города на триста осьмомЪ надесять году одержалЪ побѣду не АвзонскимЪ мужествомЪ, но промысломЪ ПелазговЪ; не копьемЪ, но коварствомЪ; не мечемЪ, но пированіемЪ; не потЪ проливая вЪ подвигахЪ военныхЪ, ниже Марсовы крѣпкою мышцей метая стрѣлы; но веселясь посреди сладкихЪ снѣдей и бахусовыхЪ чашЪ: чего ради вмѣсто торжественнаго вѣнца голова его смер-

 тель-

шельной ударЪ получила. Римскіе ощцы повелѣли устроить гробЪ сей вЪ примѣрЪ и зерцало будущимЪ ПолководцамЪ. Ибо непріяшелей справедливою прозьбою укрощать, или оружіемЪ побѣждать, а не лукавствомЪ и роскошьми обольщать надлежитЪ тѣмЪ, кои искренно пекутся о славѣ Римскаго народа.

„ А поелику весьма раздражилЪ РимлянЪ „ безрассудной КонсуловЪ поступокЪ, то ка„ знію сего несчастнаго человѣка и положен„ ною на гробѣ безчестною оною надписью „ не довольны были; но еще учиня по всему „ городу публикацію СенатЪ обЪявилЪ тще„ тнымЪ и недѣйствительнымЪ все, что І. „ Пій предЪ тѣмЪ ни сдѣлалЪ. Понеже пре„ древній обрѣтался законЪ, по которому ка„ зненнаго всенародною смертію уничтожалось „ вмѣстѣ и преимущество, какое онЪ имѣлЪ „ вЪ Римѣ. СверьхЪ того СенатЪ пославЪ кЪ „ СарматамЪ грамоты, разрѣшилЪ ихЪ отЪ „ присяги вЪ вѣрности, которою они вЪ под„ данство РимлянамЪ обязались, и возвратилЪ „ имЪ прежнюю вольность. Сіе воспослѣдовало „ по той причинѣ, что благородные Римляне „ не обыкли пріобрѣтать царствЪ сладкимЪ „ виномЪ непріятелей насыщая, но собствен„ ную вЪ поляхЪ кровь проливая. СказалЪ я „ сіе для того, что по моему разсужденію „ КонсулЪ І. Пій примѣтилЪ, яко бы Сарма„ ты все счастіе вЪ питьѣ вина полагали.

О ХИЛОНѢ.

„Во время пятагонадесять самодержавія „Лакедемонскаго, когда Мидскій Король Деіокъ, Лидійскій Гигъ, Халдейскій Меродахъ, „Македонскій Аргей, и Римскій Туллъ Гостилій царствовали, во сто двацать седьмую олимпіаду былъ въ Аѳинахъ Философъ, „родомъ Грекъ, именемъ Хилонъ, одинъ изъ „семи мудрецовъ, которыми весьма хвалятся Греки. Въ тѣ же времена между Аѳинянами и Коринѳянами жесточайшія происходили брани, какъ извѣстно читающимъ „Греческія исторіи. Ибо по раззореніи Трои „никогда между Греками не было мира, и „не толикою войною Греки на Троянъ ополчалися, коликія потомъ сами между собою „брани производили. Впрочемъ Греки, будучи благоразумны, государственные чины по „склонности и способности каждаго разпредѣляли, сирѣчь: мужественнымъ препоручали брани, миролюбивымъ ввѣряли внутреннее правленіе общества, а на ученыхъ „людей возлагали званіе посольства въ чужія „земли. Чего ради Аѳиняне отправили къ „Коринѳянамъ Хилона для заключенія съ ними мира,

„Когда же Философъ пріѣхалъ въ Коринѳъ, и по случаю былъ тамъ праздникъ, „то засталъ, что всѣ упражнялися въ играхъ. „Молодые по полямъ скаканіемъ и плясаніемъ въ короводы, старики по улицамъ въ

„ кости, женщины по садамъ въ шахматы, „ Жрецы подлѣ храмовъ въ пращи, Сенаторы „ по судебнымъ мѣстамъ въ биліары, бойцы „ на площадяхъ въ поединки и робята по „ улицамъ въ бабки играли; словомъ, всѣхъ „ Коринѳянъ нашелъ занятыхъ различными „ играми. По усмотрѣніи чего Философъ, яко „ важный мужъ, не говоря ни слова, нижѐ „ слѣзая съ лошади, безъ всякаго изъясненія „ причины своего посольства, назадъ воро- „ тился.

А какъ увѣдомились о томъ Коринѳяне, и настигши его спросили? Чего ради онъ не объявилъ вины своего пришествія? отвѣчалъ: Я, други мои, изъ Аѳинъ съ немалымъ трудомъ въ Коринѳъ пріѣхалъ, и нынѣ изъ Коринѳа возвращаюсь въ Аѳины не безъ великаго оскорбленія; о чемъ вы изъ того догадаться можете, что я, сколько ни было васъ въ Коринѳѣ, ни одного разговоромъ моимъ не удостоилъ; да и не дано мнѣ полномочія заключать миръ съ сумозбродными игроками, но съ мудрыми и разумными правителями; ниже повелѣли Аѳиняне вступать въ союзъ съ тѣми, коихъ руки заняты тавлеями, но коихъ тѣла военнымъ сокрушены подвигомъ, и глаза притуплены полезнѣйшихъ книгъ чтеніемъ. Ибо ополчающіеся тавлейными костьми, ни коимъ образомъ въ мирѣ съ сосѣдьми жить не могутъ. Сіе и подобное тому выговоривъ Хилонъ, продолжалъ путь свой, и въ Аѳины возвратился.

Вѣдай же, любезный Поллїонъ, что Коринѳяне за верховное счастїе почитали денное и ночное упражненїе въ играхъ; и не прїемли сего за шутку. Ибо во время бытности моей въ Антїохїи нѣкоторый Грекъ сказалъ мнѣ, что Коринѳянинъ за большее поставляетъ счастїе преодолѣть въ игрѣ, нежели Римскїй Полководецъ торжественную одержать побѣду на войнѣ. Понеже Коринѳяне во всѣхъ дѣлахъ разумно и умѣренно поступали, кромѣ игръ, къ коимъ паче мѣры были страстны.

„Кажется мнѣ, что я отвѣтствую про„страннѣе, нежели сколько твой, Поллїонъ, „вопросъ требовалъ, и мое дозволяло здо„ровье, которымъ я очень слабъ; и для то„го думаю, что не меньше тебѣ тамъ чи„тать сїе письмо будетъ скучно, какъ и „мнѣ здѣсь писать оное было трудно. И „такъ, прочихъ, кои въ разныхъ вещахъ „блаженство свое полагали, сколько прїидетъ „мнѣ на мысль, предложу нынѣ вкратцѣ.

КРАТЕСЪ Философъ положилъ счастїе въ благополучномъ мореплаванїи, сказывая: не возможно статься, чтобъ мореплаватель совершеннымъ веселїемъ наслаждался, помышляя, сирѣчь, что между смертїю и жизнїю его, кромѣ доски, нѣтъ никакого болѣе посредства: и по сей причинѣ духъ никогда счастливѣйшимъ себя не признаваетъ, какъ въ то время, ежели переплывъ бурное море, и окон-

окончивъ всѣ опасности, смотритъ съ пристани на морскія волны.

СТИЛЬПОНЪ Философъ положилъ счастіе въ пространномъ могуществѣ, говоря, что тому человѣку, который не имѣетъ власти, силы и достатка, напрасно боги долговременную жизнь даруютъ. Ибо тотъ токмо счастливъ, кто врагамъ сопротивляться, а другамъ помогать и воздаяніе творить силенъ.

СИМОНИДЪ Философъ въ томъ положилъ счастіе, ежели кто находится въ любви и почтеніи у своего гражданства, сказывая, что дикимъ и злонравнымъ людямъ въ лѣса для житья со звѣрьми переселиться должно. Ибо ни одно счастіе въ жизни сей съ тѣмъ сравниться не можетъ, какъ естьли видитъ кто, что онъ всѣмъ гражданамъ любезенъ.

АРХИТА Философъ положилъ счастіе въ побѣдѣ на сраженіи, говоря: „человѣкъ отъ „природы толь самолюбивъ и жаденъ къ „удачѣ своихъ предпріятій, что ниже въ малѣйшихъ вещахъ и бездѣлкахъ побѣжденнымъ остаться не хочетъ.„ Ибо духъ человѣческій охотно несетъ всѣ труды настоящія жизни, съ тѣмъ единственно помышленіемъ, что будетъ нѣкогда время, въ которое онъ все то преодолѣвъ одержитъ наконецъ побѣду.

ГОРГІЙ Философъ положилъ счастіе въ слушаніи пріятныхъ рѣчей, сказывая, что не столько поражаетъ тѣло крѣпкой ударъ, сколько уязвляетъ душу жестокое слово. Ибо ни-

никакое согласное пѣніе, или мусикійскій нѣжный звонъ такъ ушей не услаждаетъ, какъ пріятныя утѣшаютъ рѣчи.

ХРИСИППЪ Философъ счастіе положилъ въ строеніи великолѣпныхъ зданій, утверждая, что жизнь и смерть тѣхъ человѣковъ, кои по себѣ никакой памяти не оставляютъ, ни чѣмъ отъ жизни и смерти звѣрей не разнится; знаменитыя же и великолѣпныя зданія суть не иное что либо, какъ безсмертные свидѣтели сердецъ благородныхъ.

АНТИСѲЕНЪ Философъ счастіе основалъ въ славѣ пребывающей по смерти, сказывая, что никакого урона справедливою утратою назвать не можно, кромѣ потерянія славы. Ибо разумному человѣку смерть ни во что вмѣнять должно, ежели добрыхъ и знаменитыхъ дѣлъ своихъ оставляетъ память.

ЕВРИПИДЪ счастіе положилъ въ томъ, естьли кто пригожую жену имѣетъ, сказывая, что прежде не достанетъ тому человѣку времени, нежели словъ, который чувствуемую отъ безобразія жены досаду изобразить восхощетъ. Да и самимъ дѣломъ весьма справедливо, что получившему добродѣтельную и красную жену ничего болѣе въ жизни желать не остается.

СОФОКЛЪ счастіе положилъ въ томъ, ежели кто имѣетъ дѣтей, будущихъ преемниками по отцѣ своемъ, утверждая, что бѣдность того, который лишается чадъ, всѣ злоключенія гораздо превосходитъ. Ибо превели-

великое счастіе въ жизни сей изобиловать честію и богатствомъ, и по довольномъ употребленіи оставить наслѣдниками дѣтей своихъ.

ПАЛЕМОНЪ счастіе положилъ въ витійствѣ, крѣпко утверждая, что не умѣющій ни о чемъ говорить, болѣе звѣрямъ, нежели человѣкамъ сроденъ. Ибо, по разсужденію многихъ, въ бѣдственной сей жизни никакого счастія съ сладкорѣчіемъ сравнить не должно.

ѲЕМИСТОКЛЪ счастіе основалъ въ томъ, ежели произшелъ кто отъ знатной фамиліи, сказывая, что человѣкъ ведущій начало свое отъ подлой крови, не обязанъ стараться, дабы храбрыми и знаменитыми дѣлами себя прославить. Понеже добродѣтели и слава предковъ суть искры, къ предпріятію великихъ дѣлъ зажигающія сердца у потомковъ.

АРИСТИДЪ счастіе положилъ въ изобиліи временныхъ благихъ, сказывая, что наилучшее дѣло, лишающемуся къ пропитанію и снабдѣнію тѣла нужныхъ вещей, оставить жизнь сію, и самому себя скрыть во гробѣ. Ибо того только счастливымъ въ свѣтѣ назвать должно, который ни за чемъ толкаться у воротъ своего сосѣда принужденъ не бываетъ.

ИРАКЛИТЪ счастіе положилъ въ храненіи сокровищъ, сказывая, что расточитель и мотъ, сколькобъ богатъ ни былъ, всякому всегда противенъ. Ибо тотъ точію кажется разуменъ, кто спрятавъ деньги на будущія сохраняетъ нужды.

„Я

„Я думаю, любезный Поллiонъ, давно „получилъ ты вѣдомость, что седмый ужѐ „мѣсяцъ я четверодневною лихорадкою бо- „ленъ. Клянусь безсмертными богами, что „въ самую ту минуту, какъ писалъ сiе пись- „мо, рука дрожала, означая приступающую „лихорадку. Сей однакожъ случай хотя лю- „бопытству твоему конецъ сдѣлалъ, но мо- „его къ тебѣ усердiя прекратить никогда „не принудитъ. Ибо между искренними дру- „гами хотя взаимныхъ свиданiй и услугъ не „бываетъ, для того однакожъ взаимной люб- „ви угасать не должно.

„Естьли же ты вопрошаешь, любезный „Поллiонъ, какихъ я мыслей о томъ, что „сказано, и на какое изъ предложенныхъ мнѣ- „нiй болѣе согласенъ?„ Я не признаваю, чтобъ въ свѣтѣ семъ могъ кто либо быть блаженнымъ: буде же кто и сыщется, тотъ ужѐ съ богами обитаетъ. Ибо представя съ одной стороны гладкой, сухой и чистой путь; а съ другой рытвенную, грязную и каменистую дорогу; паче крутою стремниною беззаконныхъ, нежели спокойнымъ благоденствiемъ добродѣтельныхъ наречемъ жизнь сiю. Одно точiю скажу тебѣ, которое, къ чему относится, разсуди со вниманiемъ: ежели смѣемъ сказать, что въ свѣтѣ семъ между вихрами непостоянной фортуны какое нибудь находится счастiе; то назовемъ того только счастливымъ, коего изъ бездны злоключенiй

собственная возвысила премудрость, и на верьху счастія потóмъ сохранило трудолюбіе.

„Я не намѣренъ, а хотя бы и наивящше „желалъ, но не могу писать болѣе: точію „молю безсмертныхъ боговъ да сохранятъ „тебя, и злую да отвратятъ отъ насъ судь„бину. Но какъ ты толь далече живешь въ „Виѳиніи, вѣдаю, что желаешь какія нибудь отъ „меня услышать новости. Однакожъ нѣтъ „ничего теперь у насъ новаго, кромѣ что „Карпетанцы и Лузитанцы въ Испаніи же„стоко бунтуютъ. Изъ Илиріи пишутъ, „что варвары въ глубокомъ пребываютъ спо„койствіи, хотя на стоящія у тамошнихъ гра„ницъ войска наши напалъ было нѣкоторый „страхъ по причинѣ бывшаго во всей стра„нѣ той мороваго повѣтрія. Впрочемъ, лю„безный Полліонъ, извини слабость моего „здововья; понеже я чуть дышу. Ибо че„тверодневная лихорадка толь свирѣпое зло, „что страждущій ею человѣкъ, лишаясь вся„кой отрады, ни чѣмъ утѣшиться не мо„жетъ.

„Посылаю тебѣ двухъ приведенныхъ изъ „дальней Испаніи преизрядныхъ лошадей, и „сверьхъ того привезенныя изъ Александріи „двѣ золотыя многоцѣнныя чаши. Подлин„но, я бы желалъ послать тебѣ въ подарокъ „мучащихъ меня лихорадкой хотя два или „три часа изъ двенатцати, въ кои припа„докъ ея продолжается! Кланяется тебѣ „супруга моя Фавстина; и какъ отъ нее,

„такъ

„ такъ и отъ меня матери твоей, многолѣтной
„ и добродѣтельной вдовѣ Кассіи, засвидѣтель-
„ ствуй почтеніе. *Маркъ Императоръ Римскій*
„ собственною писалъ рукою; и паки премногаго
„ здравія старому другу *Полліону* желаетъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Великіе Государи и Князи осанкою и красотою тѣла спесиититься не должны. Ѳипяне очень пригожихъ мущинъ, и крайнѣ безобразныхъ женщинъ ненавидѣли. Такожъ, что Государи не красотою лица, но славою отправленныхъ дѣлъ пріобрѣли безсмертное имя.

Когда у Евреянъ Іисусъ Навинъ торжествовалъ побѣдами, Дарданъ изъ великой Греціи переселился въ Самоѳракію; Агеноровы сыновья поѣхали искать сестру Европу; въ Тринакріи царствовалъ Сикулъ, отъ коего имени Сицилія названіе получила; тогда въ Египетскомъ большой Азіи царствѣ отъ Бузирида Царя, о коемъ Діодоръ Сицилійскій въ перьвой книгѣ библіотеки много повѣствуетъ, созданъ былъ преславный городъ Ѳивы. Плиній тритцать шестой книги Естественной Исторіи въ 14 главѣ, Омиръ въ 4, Иліады, и Статій во всей исторіи Ѳивской удивительное повѣствуютъ о городѣ Ѳивахъ; что не сомнительнымъ, но вѣроятнымъ почитать должно. Ибо не возможно статься, чтобъ толь важные писатели, нарочитыя описывая вещи, представили одинъ только вымыслъ.

Ѳи-

Ѳивы, по повѣствованію, были окружностью сто сорокъ поприщъ; стѣны имѣли вышиной въ тритцать, а шириной въ шесть шаговъ; въ городѣ находилось сто великолѣпнѣйшихъ и крѣпчайшихъ башенъ, и на каждой изъ нихъ по двѣсти избранныхъ всадниковъ на колесницахъ и коняхъ для стражи стояло; посреди города текла великая рѣка, которая довольнымъ числомъ мѣльницъ и изобиліемъ рыбъ премного способствовала городу. Когда Ѳивы въ самомъ цвѣтущемъ состояніи находилися, пишутъ Историки, что до двухъ сотъ тысячь домовъ въ нихъ имѣлось; паче же сего, что всѣ Цари Египетскіе тамъ погребены были; и какъ Страбонъ въ книгѣ о положеніи свѣта повѣствуетъ, хотя давно уже Ѳивы разорены отъ непріятелей, но еще найдено тамъ около семидесяти семи гробовъ Царей древнихъ. Достопамятно же, что всѣ тѣ гробы были Царей добродѣтельныхъ. Понеже Египтяне съ особливѣйшею святостію хранили такой обычай, что Царю, который въ жизни своей былъ злонравенъ, умершему не отдавали чести погребенія.

Прежде созданія крѣпчайшаго города Нумантіи въ Испаніи, богатаго Карѳагена въ Африкѣ, счастливаго Рима въ Италіи, прекрасной Капуи въ Кампаніи, великой Аргентины въ Германіи, и священнаго Іерусалима въ Палестинѣ; одни только Ѳивы во всемъ свѣтѣ славнѣйшіе были. Понеже Ѳивяне въ великой славѣ находилися у всѣхъ народовъ,

какъ за богатство, такъ за великолѣпіе зданій, и наконецъ что въ законахъ и обрядахъ своихъ много отмѣннаго имѣли. Ибо отмѣнныхъ мужей и противъ воли вездѣ извѣстными дѣлаетъ собственная ихъ отличность.

Омиръ повѣствуетъ, что Ѳивяне весьма отличныя отъ всѣхъ другихъ народовъ обыкновенія имѣли.

„ПЕРЬВОЕ, что по исполненіи пяти лѣтъ „у каждаго отрока раскаленнымъ желѣзомъ „клали знакъ на лбахъ подобіемъ буквы Т.„ съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы, гдѣ онъ ни обращался, по клейму буквы Т всѣ его Ѳивяниномъ признавали.

„ВТОРОЕ, по прошествіи двухъ лѣтъ у „всѣхъ отроковъ вынимали изъ колѣнъ берца, „ дабы легкія къ ходьбѣ имѣли ноги: чему причиною было то, что Египтяне скотовъ обожали; и для того, куда ни путешествовалъ Египтянинъ, на лошади никогда не ѣхалъ, дабы не казалось ему, что онъ сидитъ на хребтѣ своего бога.

„ТРЕТЬЕ, что Ѳивскіе граждане не точію убѣгали отъ супружествъ съ иностран„ными, но и родственники на родственни„цахъ женились„; дабы тѣмъ тверже браки и крѣпче союзы любви между кровными пребывали.

„ЧЕТВЕРТОЕ, никому не вольно было „изъ Ѳивянъ для житья строить себѣ дому, „пока прежде на погребеніе свое не создалъ „гроба.„ Въ семъ поступкѣ кажется не столько

ко они были отличные и излишные, сколько премудрые: и по истиннѣ гораздо насъ разумнѣйшіе. Понеже, естьли бы каждой изъ насъ хотя по два часа въ день употреблялъ на размышленіе о созданіи гроба; статься не возможно, чтобъ не вздумалось по крайней мѣрѣ когда нибудь житіе свое исправить.

„ПЯТОЕ, всѣхъ отмѣнной и необыкно„венной красоты мальчиковъ въ колыбеляхъ „давили и умерщвляли, и всѣхъ дѣво„чекъ черезъ чуръ безобразныхъ убивали „и богинямъ въ жертву закалали, сказывая: „что въ тѣ поры, когда боги оставляютъ „попеченіе о человѣческомъ родѣ, пригожіе „мущины и безобразныя женщины родятся.„ Ибо мущина чрезвычайный красавецъ, не иное что либо есть, какъ Гинандъ; а безобразная женщина ни чѣмъ отъ дикаго звѣря не разнится.

Особливое божество обрѣталось у Ѳиванъ Изидъ, то есть рыжій быкъ, кормленный при рѣкѣ Нилѣ. Имѣлся же и законъ, по которому они всѣхъ мущинъ и женщинъ рыжихъ или желтоволосыхъ закалали, и во храмѣ Изидовомъ въ жертву приносили. Противное сему видимъ на животныхъ. Ибо поелику обожали они рыжаго быка, то всякаго рыжаго животнаго убивать никому не дозволялось; сирѣчь, у Ѳиванъ умерщвлять людей было вольно; но закалать скотовъ за грѣхъ почиталось. Я не похваляю того, аки бы Ѳивяне справедливо поступали, убивая младенцевъ;

ни

ни признаваю за доброе дѣло, что закалали на жертву людей рыжихъ; ни утверждаю за святость, что покланялися рыжимъ животнымъ: но тому удивляюсь, что безобразныя женщины и пригожіе мущины въ толикой ненависти и презрѣніи у нихъ находилися. Ибо какъ пригожихъ, такъ и безобразныхъ въ мимошедшихъ и настоящихъ вѣкахъ всегда было и будетъ великое множество.

Ежелижъ оные варвары ложнымъ и обманнымъ будучи ослѣплены суевѣріемъ, мужескъ полъ, коему отъ Божеской благодати красота даровалась, немедленно живота лишали; то кольми паче справедливѣе намъ Христіянамъ ни во что вмѣнять красоту тѣлесную, съ которою нерѣдко сопряжено бываетъ душевное безобразіе? Подъ свѣтлохрустальнымъ льдомъ утопательное кроется болото; въ гладкихъ каменныхъ стѣнахъ раждается змѣй страшный; внутренность бѣлаго зуба досадительной червь точитъ; чѣмъ дороже и лучше сукно, тѣмъ больше оное портитъ тля; что тонѣ полотно, то пуще изгрызаютъ и сѣкутъ моли; чѣмъ плодоноснѣе дерево, тѣмъ вящше на оное нападаютъ гусеницы; сирѣчь: подъ свѣтлымъ тѣломъ и прекраснымъ лицемъ многіе и страшные скрываются пороки. По истиннѣ, въ юношахъ несовершеннаго разума, да еще вѣтреныхъ и легкомысленныхъ красота ни что иное есть, какъ точію мать многихъ пороковъ, и мачиха всѣхъ добродѣтелей. Пускай повѣрятъ мнѣ высоковла-

стные Государи и Князи, тѣ, говорю, которые красотою и пригожствомъ кичатся: что гдѣ великое дарованій тѣлесныхъ находится изобиліе, тамъ къ сохраненію ихъ аки многочисленной полкъ добродѣтелей необходимо нуженъ. Ибо чѣмъ они выше, тѣмъ больше стремятся на нихъ бурные вѣтры. Надуваться какимъ нибудь благополучіемъ сего свѣта, сколь бы оно превосходное и совершенное ни было, я признаваю за суету суетствъ; но гордиться красотою тѣла почитаю за легкомысліе легкомыслій.

Между всѣми любезными вещьми, коими щедрая природа смертныхъ наградила, нѣтъ ничего болѣе излишняго и менѣе нужнаго въ человѣкѣ, какъ красота и пригожство. Ибо пригожіель мы или безобразные, не дѣлаемся для того ни мало пріятнѣйшими своему Создателю, и не престаемъ чрезъ то болѣе ненавистны быть тварямъ.

О слѣпота свѣтская! о жизнь никогда неживущая, и никогда жить неимѣющая! о смерть безконечная! я не вижу, для чего кто либо, по причинѣ случайнаго и временнаго красоты дарованія, смѣетъ гордостью надуваться; вѣдая, что все благородство и преизящество тѣла во гробъ бѣдной и печальной смерть похититъ, и всѣ красы членовъ гладнымъ червямъ отдастъ на пожреніе. Пусть насмѣхаются и трунятъ великіе надъ малыми, пригожіе надъ безобразными, цѣлые и здоровые надъ увѣчными и поврежденными,

бѣлые надъ черными, прямые надъ искривленными, исполины надъ карлами; но одинъ конецъ всѣхъ даже до послѣдняго ожидаетъ. Истинно, по моему разсужденію, хотя весьма прямые кипарисы, преогромные лавры, очень тѣнистые клены, прекрасные кедры, крайнѣ пахущіе можжевельники, превысокія и обширныя ольхи; не бываютъ однакожъ сіи дерева потому другихъ плодоноснѣе. До чегожъ сіе касается? До показанія, сирѣчь, что благородный и знаменитый мужъ, хотя прямѣйшій тѣломъ, преогромный колѣномъ, очень тѣнистый почтеніемъ, прекраснѣйшій лицемъ, крайнѣ пахущій славою, высочайшій и сильнѣйшій властію въ государствѣ бываетъ; однакожъ для того въ житіи ничѣмъ другихъ не лучше. Ибо подданные не отъ простыхъ крестьянъ, кои упражняются въ земледѣліи, но отъ роскошныхъ, невоздержныхъ и беззаконныхъ правителей возбуждаются къ смятенію и бунту.

Подъ сухими, естьли правда, дубами вепри и другія животныя кочуютъ и выкармливаются жирными; самое низкое дерево прежде всѣхъ плоды проращаетъ; между острымъ терніемъ родятся благовонныя розы; колючее каштанное дерево раждаетъ пріятнаго вкуса орѣхи; то есть, безобразные и малорослые люди временемъ государству весьма полезны бываютъ. Ибо малыя и смуглыя лица суть храбрыхъ и мужественныхъ сердецъ знаки.

Но оставимъ мы суетныхъ человѣковъ, устроенныхъ изъ слабыя плоти, и простремъ слово о знаменитыхъ и великолѣпныхъ зданіяхъ, кои изъ твердыхъ составлены камней. Вошедши посмотрѣть, какія онѣ предъ тѣмъ были, неспорно, слѣды огромности и величины ихъ постигнуть можемъ, но прежней красоты никакъ не вообразимъ въ своихъ мысляхъ. Ибо время толь сильно, что и у самыхъ прекраснѣйшихъ вещей скоропостижно красоту отъемлетъ; и того, что казалось вѣчнымъ, въ кратчайшемъ теченіи своемъ вовсе память истребляетъ. Но минуя и древнія зданія, когда приступимъ ко храминамъ нашего вѣка; то конечно увидимъ, что никто не выстроитъ толь крѣпкаго и толь краснаго дому, коегобъ прежнее великолѣпіе, хотя онъ и недолголѣтно проживетъ на свѣтѣ, въ глазахъ его не исчезло. Ибо многіе старики тотъ богатой и огромной домъ, который строился при нихъ отъ основаній, напослѣдокъ упалшій и опустѣвшій видали: истинну сея вещи доказываетъ опытъ. Понеже или разрушаются основанія, или разкалываются стѣны, или искривляются брусья, или расходятся связи, или вода открываетъ новые протоки, или коробятся полы, или гніютъ оконницы, или ломаются двери; изъ коихъ приключеній и отъ самомалѣйшаго повреждаются хоромы. Чтожъ скажемъ о покояхъ премногими расписанныхъ красками, о травчатыхъ разноцвѣтныхъ коврахъ и обояхъ, такожъ о выбѣленныхъ

ныхъ крыльцахъ и переходахъ? все то въ кратчайшемъ времени или мальчики замараютъ угольемъ, или слуги запачкаютъ свѣчами, или дворовые люди зачернятъ лучиною, или обойщики исковыряютъ гвоздями, или пѣчки закоптятъ дымомъ, или пауки засорятъ паутиной; такъ что вящшее напослѣдокъ будетъ стѣнъ безобразіе, нежели прежнее великолѣпіе.

Естьлижъ сіе такъ есть; то откуда можетъ уповать человѣкъ твердаго и постояннаго тѣлу своему изрядства, когда видимъ мы толикое паденіе оной красоты, коя изъ камня, дерева, извѣсти и кирпичей составляется? О жестокосердные и нерадивые Государи! о дерзновенные сыны суеты! или не приходитъ вамъ на мысль, что вся красота ваша запору селезенокъ, возженію печонки, болѣзнованію желудка, опухолѣ ногъ, порчѣ соковъ, движеніямъ неба, совокупленіямъ луны, затмѣніямъ солнца, жару лѣтнему и стужѣ зимней подвержена? кленусь Богомъ, не знаю, для чего вы пригожіе человѣки посреди толикихъ ударовъ спесивитесь, естьли и одна маленькая лихорадка не токмо красоту отъемлетъ, но еще дѣлаетъ лицо желтымъ и блѣднымъ, сколькобъ оно предъ тѣмъ ни было свѣтло, румяно и прекрасно.

Одна вещь приводитъ меня въ удивленіе, или лучше сказать въ крайнее негодованіе, сирѣчь: человѣки все принадлежащее къ снабдѣнію тѣла, желая чтобъ было велико-

лѣпное и чистое, какъ то: одежды, епанчи, постель и столъ; одну только душу въ мерзости и смрадности оставляютъ. Смѣло говорю и утверждаю по Христіянству, что желаніе имѣть чистой домъ, устроенной отъ человѣка, и напротивъ того въ гнусности запускать душу вдохновенную отъ Бога, или отъ недостатка разума, или отъ избытка глупости происходитъ.

Желалъ бы я знать, чѣмъ одаренные красотою лучше передъ тѣми, коимъ оной не дала природа? или красавецъ двѣ души, а безобразный только одну имѣетъ; или одни пригожіе здоровы, а безобразные немощны? или одни пригожіе мудры, а безобразные невѣжи? или одни пригожіе храбры, а безобразные робки? или одни пригожіе счастливы, а безобразные несчастны? или одни пригожіе порокамъ непричастны, а безобразные добродѣтелей чужды? или одни пригожіе къ вѣчной устроены жизни, а безобразные созданы токмо обитать во гробахъ? нѣтъ, неправда.

Естьлижъ сіе такъ есть, то для чего насмѣхаются исполины карламъ, бѣлые чернымъ, прямые горбатымъ и пригожіе безобразнымъ, вѣдая, что сего дня или завтра кончится красота ихъ, которою они себя превозносятъ? Сіяющій красотою ни чѣмъ добродѣтельнѣе, а непригожій и безобразный ни чѣмъ злонравнѣе потому не бываетъ; такъ что ни добродѣтель отъ осанки тѣла не зависитъ; ни порокъ отъ гнусности и безо-

безобразія лица не раждается. Ибо мы повседневно видимъ, что безобразіе добродѣтельми украшено, а пригожство пороками осквернено бываетъ. Не тотъ видь прямъ и справедливъ въ дѣлахъ своихъ, который на плечахъ имѣетъ прямыя лопатки. Ибо гораздо хуже имѣть одну бородавку и порокъ въ нравахъ, нежели таскать четыре горба на хребтѣ своемъ. Сверьхъ того ни къ мужеству огромность тѣла, ни къ робости малорослость онаго не способствуетъ; ниже главное есть правило, чтобъ сановитость тѣла доказательствомъ была великодушія, а чрезъ низкой ростъ малодушное означалось сердце. Ибо опытъ свидѣтель, что многіе, чѣмъ выше, тѣмъ трусливѣе; а другіе сколько менѣе ростомъ, столько храбрѣе и отважнѣе бываютъ сердцемъ.

Священное писаніе повѣствуетъ, что Давидъ былъ лицемъ красноватъ, и тѣломъ невеликъ, но средняго росту. Однакожъ сразясь съ превысокимъ и пресильнымъ исполиномъ Голіаѳомъ, убилъ его камнемъ изъ пращи, и собственнымъ мечемъ отсѣкъ ему голову. Пускай же сему никто не дивится, что подлой и малорослой пастушокъ крѣпчайшаго умертвилъ исполина. Ибо часто изъ самомалѣйшаго кремня очень яркой выскакиваетъ пламень, а изъ великаго камня ни одной не вырубишь искры. Но что еще большее сего сдѣлалъ Давидъ? Онъ будучи малъ ростомъ, и весьма младъ лѣтами, раздиралъ

 челю-

челюсти львовъ, отнималъ агнцевъ изъ гортани у медвѣдей; паче же всего, въ одинъ день собственною рукою и мечемъ восемь сотъ человѣкъ убилъ на сраженіи. И хотя мы не жили въ томъ вѣкѣ; однакожъ легко догадываться можемъ, что изъ тѣхъ восьми сотъ, коихъ онъ умертвилъ, человѣковъ, по крайней мѣрѣ болѣе трехъ сотъ имѣлось, знатностію рода, изобиліемъ богатства, красотою лица, и дородствомъ тѣла его превосходившихъ: но ни одинъ храбрымъ и великодушнымъ сердцемъ ему не сравнился, поелику онъ остался въ цѣлости, а тѣ всѣ на поляхъ испили смертную чашу.

Іулій Цесарь хотя былъ немалорослой, но лицемъ непригожой: ибо голову имѣлъ совсѣмъ лысую, носъ орлиной, руку одну короче, и лицо еще въ младыхъ лѣтахъ сморщенное и блѣдное: кромѣ того хаживалъ всегда распоясанной, или можетъ быть опоясывался послабже, Ибо остроумные мужи рѣдко и мало пекутся о тѣлѣ. Онъ такъ былъ неопрятенъ тѣломъ, что послѣ Фарсальскаго сраженія нѣкоторый гражданинъ Римскій, бесѣдуя съ великимъ и знаменитымъ Ораторомъ Тулліемъ, сказалъ: „для чего ты, Маркъ Туллій, будучи толь разумной человѣкъ, вступился за „Помпея, и не предузналъ, что Іулій Це„сарь будетъ Государемъ и Монархомъ свѣ„та?„ Напротивъ чего Цицеронъ отвѣтствовалъ: „вѣрь мнѣ, другъ мой, что я видя Іу„лія Цесаря весьма неопрятнаго въ мало-

„лѣт-

„ лѣтствѣ, ни во что ставилъ. Но Силла старикъ узналъ его лучше, который примѣтя, что Іулій Цесарь, будучи тогда еще „ отрокомъ, ходилъ неопрятно, часто увѣщавалъ Вельможъ своихъ, дабы они худо „ опоясаннаго мальчика опасалися.„ Понеже естьли бы заблаговременно не воспрепятствовали его намѣреніямъ; истребилъ бы и попралъ бы онъ въ конецъ народъ Римской.

Впрочемъ, хотя Іуліи Цесарь, какъ Светоній Транквиллъ въ первой книгѣ о Цесаряхъ повѣствуетъ, не имѣлъ пригожаго лица, однакожъ и самое имя его по всюду толь было страшно, что ежели гдѣ по случаю Короли и Князи о Іуліи Цесарѣ за вечернимъ столомъ разговаривали; то всю ночь даже до совершеннаго разсвѣта отъ ужаса безъ сна потомъ провождали. Въ то время, когда въ Белгической Галліи Іулій Цесарь ополчаясь на сраженіи, пойманъ и везенъ былъ непріятелемъ на лошади во всей збруѣ, и нѣкто изъ числа непріятелей, который его зналъ, подбѣжавъ къ тому солдату, шутя молвилъ: ЦЕКОСЪ ЦЕЗАРЬ: что на древнемъ Галлскомъ языкѣ значило: пусти, ето Цесарь! то Галлъ услыша имя Цесарское, такъ ужаснулся, что опустя изъ рукъ своихъ плѣнника, по одной токмо той причинѣ съ лошади повалился на землю. Пускай же теперь посмотрятъ Государи и прочіе высоковластные мужи, коль малосильно есть безобразіе или красота къ пріобрѣтенію могущества, естьли

отъ одного точію воспоминанія имени Цесаря, хотя и безобразнаго, всѣ свирѣпыя и смѣлыя сердца робѣли. Понеже гораздо больше того вѣка Государей обезчещало малодушіе, нежели Іулія Цесаря лицо обезобразила природа.

Аннибалъ прещастливый Полководецъ Карѳагенскій не токмо за знаменитость дѣлъ, но и по причинѣ великаго безобразія тѣлеснаго чудовищемъ называется. Ибо не имѣлъ праваго глаза, хромалъ лѣвою ногою, былъ претолстобровой, малорослой и лицемъ безобразной. А поелику отправленныя имъ дѣла, и причиненныя Римскому народу раззоренія Титъ Ливій описываетъ весьма пространно; то я одно точію здѣсь предложу, о которомъ нелицемѣрно доброжелательствующій Римлянамъ Историкъ повѣствуетъ Фронтонъ въ книгѣ о знаменитости Пинцовъ говоритъ, что Аннибалъ семнатцать лѣтъ продолжая войну въ Италіи, столько погубилъ Римлянъ, что ежелибъ побитые люди быками, и пролитая кровь виномъ превратилась, довольнобъ имѣлъ онъ корму и питья осмидесяти тысячамъ пѣхоты, и шестнатцати тысячамъ конницы, въ его войскѣ бывшимъ. Теперь вопрошаю: сколько находилось въ тѣ времена мущинъ дородныхъ и лицемъ пригожихъ, коихъ красота такъ нынѣ погребена въ забвеніи, какъ напротивъ того безсмертная пребываетъ и на вѣки пребудетъ память оныхъ Полководцовъ. Ибо ни одинъ Государь не пріобрѣлъ безсмертнаго имени чрезъ одно то,

что

что лицемъ былъ прелестенъ, но что вооруженною рукою преславныя дѣла отправилъ.

Александръ Македонскій ни дороднѣе, ни пригожѣе другихъ не былъ. Ибо упоминаютъ писатели того вѣка, что онъ имѣлъ шею короткую, голову большую, лицо блѣдное, глаза мутные, ростъ малой, и составы нескладные; однакожъ сіе безобразіе не помѣшало ему истребить Дарія Персидскаго и Мидскаго Царя, поработить всѣхъ тиранновъ, овладѣть всѣми крѣпостьми, плѣнить многихъ Королей, лишить жизни и имѣнія пресильныхъ владѣтелей, ограбить богатѣйшихъ народовъ, расхитить всѣ сокровища, такъ что имени его вселенная трепетала, и вопреки слово молвить ему никто не отважился.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Письмо Марка Аврелія Императора къ родному племяннику, въ которомъ изъясняетъ, что онъ отъ него воскормленъ и воспитанъ въ ученіяхъ; но однакожъ возгордясь красотою лица, учинился извергомъ своей фамиліи. Показываетъ притомъ, что чваниться лѣпообразіемъ есть знакъ легкомыслія; и напослѣдокъ упоминаетъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ.

Секстъ Херонейскій въ первойнадесять книгѣ о житіи Аврелія повѣствуетъ, что Маркъ Аврелій Императоръ имѣлъ сестру, именемъ Аннію Милену, отъ которой родился

ся Епезиппъ. Сей юноша былъ не токмо племянникъ, но и ученикъ Марковъ; коего Маркъ, сдѣлавшись Императоромъ, послалъ въ Грецію, какъ для обученія Греческому языку, такъ и удаленія ради его отъ городскихъ шалостей. А поелику Епезиппъ будучи весьма остръ разумомъ, сановитъ и дороденъ тѣломъ, прекрасенъ лицемъ; и находясь въ цвѣтѣ лѣтъ, за вящшую славу вмѣнялъ себѣ красоту, нежели Философское витійство; то увѣдомясь о семъ дядя его, написалъ къ нему изъ Рима слѣдующаго содержанія письмо въ Грецію:

Маркъ Аврелій Императоръ Римскій, пребезсмертный Консулъ, верховный Трибунъ народа, Епезиппу племяннику и ученику своему здравія и успѣха въ ученіи желаетъ.

„Въ третій день мѣсяца Декабря прі„ѣхалъ ко мнѣ Анній Верусъ, твой двоюро„дной братъ, прибытіе коего всѣмъ родствен„никамъ крайнѣ было радостно, тѣмъ наи„больше, что привезъ намъ изъ Греціи но„выя вѣсти. Ибо сердце, лишаясь присут„ствія того, къ коему любовію пылаетъ, ка„ждой часъ и минуту объ ономъ сомнѣвает„ся. Когда же Анній Верусъ, твой братъ, „всѣмъ вообще засвидѣтельствовалъ почтеніе, „каждому расказалъ о сыновьяхъ и пріяте„ляхъ, и я удалился съ нимъ въ особое мѣ„сто; то вручилъ онъ мнѣ отъ тебя письмо „гораздо несходное съ тѣми, кои изъ Греціи

„ я отъ другихъ получаю. Ибо ты пишешь „ о присылкѣ тебѣ на содержаніе въ наукахъ „ денегъ; а прочіе возвѣщаютъ, что ты день „ отъ дня болѣе углубляешся въ юношескомъ „ легкомысліи и роскошахъ свѣтскихъ.

„ Ты плоть моя, кровь моя, родной пле„мянникъ, питомецъ моего ученія, и былъ „ бы сыномъ моимъ, естьлибъ поступалъ „ добродѣтельно. Но сохрани Боже! чтобъ я „ считалъ тебя за племянника, или назвалъ „ сыномъ, доколѣ въ дѣтскомъ легкомысліи „ и шалости упорствовать станешь. Понеже „ родствомъ злонравнаго человѣка всѣ добро„дѣтельные гнушаться должны. Я не могу „ спорить, что поелику ты сердцу моему „ былъ прелюбезенъ, и для того разлука „ твоя сердечно меня поразила; то читая „ письма, гласящія о твоихъ непотребствахъ, „ потоки слезъ пролилъ: но для чего я себя „ терзаю? ибо мудрые и великодушные му„жи, хотя такія вѣсти слуху и противны, „ слушать однакожъ съ охотою должны; дабы „ могли противо язвъ запасти лекарства.

„ Правда, ты не помнишь, но отъ дру„гихъ слышалъ о несчастной матери твоей „ умершей Анніѣ Миленѣ, моей сестрѣ, ко„торая лишилась жизни очень младолѣтна, „ хотя ей не болѣе, какъ осмнатцать лѣтъ было „ отъ рожденія, а ты и четырехъ часовъ не „ жилъ еще на свѣтѣ. Ибо ты родился по„утру, а она скончалась въ полдень: и такъ „ когда сынъ жить началъ, мать смертію

„ по-

„пострадала. Повѣрь мнѣ, ты погубилъ
„мать, а я лишился сестры, которой не
„знаю, имѣлась ли другая лучше въ Римѣ.
„Понеже она была мудрая, великодушная,
„разумная, цѣломудренная и пригожая: на-
„противъ чего нынѣ, по злощастію судбины,
„не безъ труда найдешь мудрость, че-
„стность, и красоту въ женщинѣ Римской.
„Не потому же только, что твоя мать, а
„моя сестра; но тѣмъ наипаче была мнѣ
„любезна, что мною воспитана и выдана за-
„мужъ. И какъ умирала она въ Римѣ; то
„по счастію преподавалъ я тогда въ Родусѣ
„Риторику. Ибо въ то время толикой окру-
„жалъ меня недостатокъ денегъ, что кромѣ
„получаемаго за обученіе Риторики доходу,
„вовсе ни откуда мнѣ ничего не приходило.

„Когда же извѣстился я о смерти твоей
„матери, а моей сестры Анніи; то оставили
„меня всѣ человѣческія утѣхи, и всего грусть
„одолѣла, такъ что дрожали члены, разсла-
„бѣли составы, непрерывно текли изъ глазъ
„слезы, часъ отъ часу умножалися плачевные
„гласы, ежеминутно опасался обмороку, и изъ
„внутренностей сердечныхъ испускалъ возды-
„ханія, о лишеніи твоей матери, а моей
„сестры, добродѣтельнѣйшей женщины, ры-
„дая. Напослѣдокъ, когда уже вовсе печаль
„овладѣла мною, смертью казалась мнѣ ве-
„селая компанія, и единственною отрадою
„было уединеніе. Не могу выразить слова-
„ми, коль огорчительна была мнѣ смерть

„моей

,, моей сестры, а твоей матери Милены.
,, Ибо она грезилась спящему, представлялась
,, вЪ глазахЪ бодрствующему, воображалась
,, живущею, и сЪ мученіемЪ воспоминалась уме-
,, ршею. СловомЪ, жизнь мнѣ толь была непрі-
,, ятна, что желалЪ купно сЪ нею вЪ одинЪ гробЪ
,, вселиться. Ибо тотЪ токмо вЪ правду о чу-
,, жей соболѣзнуетЪ смерти, кто собственную
,, жизнь вЪ непрестанной провождаетЪ печали.

,, Помышляя же о любви сестры, какову ока-
,, зывала она мнѣ вЪ своей жизни; и разсуждая,
,, коими мѣрами воздать ей за то по смерти,
,, нашелЪ, что ни чѣмЪ равной не принесу
,, благодарности, токмо ежели тебя, сына ея
,, оставшагося толь малолѣтнымЪ, воспитаю.
,, Ибо изЪ всѣхЪ досадЪ нѣтЪ ни одной тя-
,, желѣ, какЪ естьли гдѣ умершая женщина
,, другимЪ воспитывать дѣтей своихЪ оста-
,, вляетЪ. И такЪ по смерти сестры не было
,, мнѣ ничего миляе, кромѣ ѣхать вЪ РимЪ,
,, и послать тебя на воспитаніе вЪ Капую,
,, гдѣ ты два года изнуреніемЪ глазЪ моихЪ
,, кормленЪ. Ибо самЪ ты вѣдаешь, что по-
,, лучаемаго мною вЪ Родусѣ за ученіе Рито-
,, рики доходу едва довольно было и на дневное
,, пропитаніе; но какЪ преподавалЪ я сверьхЪ
,, обыкновеннаго по нѣскольку часовЪ вЪ ночное
,, время, то доставая тѣмЪ деньги, платилЪ
,, за молоко, которое ты сосалЪ. ТакЪ то
,, жизнь мою истощалЪ я на твое воспитаніе.

,, А какЪ ужѐ вышелЪ ты изЪ лѣтЪ,
,, которыя требуютЪ помощи кормилицЪ; то

,, по-

„ послалъ я тебя въ Ветріоль къ пріятелю и
„ свойственнику моему Л. Валерію, у коего ты
„ былъ до пятилѣтнаго возраста; а между тѣмъ
„ я и тебѣ и ему доставлялъ пропитаніе. По-
„ неже онъ былъ человѣкъ весьма убогой, а
„ притомъ и несказанно болтливой; такъ
„ что всѣ его ненавидѣли, да и самому мнѣ
„ наносилъ скуку. Ибо съ неменьшею охотою
„ и скоростію деньги говоруну, дабы молчалъ,
„ какъ и мудрому, чтобъ говорилъ, давать
„ должно. По прошествіи пяти лѣтъ послалъ
„ я тебя въ Туринъ, Кампанской городъ, къ
„ учителю Емилію Торквату, который за то,
„ что первоначальной грамотѣ читать и пи-
„ сать взялъ тебя въ науку на три года,
„ отдалъ мнѣ взаимно сына своего на четыре-
„ лѣтнее обученіе Греческому языку. Такъ
„ то нигдѣ не можно было надѣяться мнѣ
„ твоей пользы, чтобъ невящшій простирался
„ ко мнѣ трудъ и тягость.

„Когда же ты былъ осмилѣтной, и
„ обучился ужѐ хорошо читать и писать; то
„ послалъ я тебя въ знаменитѣйшій городъ
„ Тарентъ наукъ ради, и содержалъ четыре
„ года на моемъ коштѣ, довольно платя учи-
„ телямъ денегъ. Ибо по несчастію нашему
„ нѣтъ теперь ни одного человѣка, который
„ бы безъ награжденія кого нибудь учить
„ согласился. Не могу удержаться отъ слезъ,
„ когда ни подумаю, что въ древніе вѣки,
„ отъ Квинтія Цинцинната даже до Цинны
„ и Катула, въ Римѣ учители за преподаваніе

„ Фило-

„Философіи ни у кого, кто бы ни пожелалъ
„учиться, денегъ не взимали; но всѣмъ учи-
„телямъ давано жалованье отъ Сената; и ни-
„кто, по причинѣ скудости, наукъ не лишал-
„ся. Поелику въ тѣ времена всѣ любящіе
„добродѣтель и науки публичнымъ коштомъ
„содержаны были.

„Предки наши какъ честность, такъ и
„порядокъ во всѣхъ дѣлахъ весьма наблюдали.
„Ибо не токмо чины разпредѣляли по до-
„стоинству, но и деньги платили по поряд-
„ку, выдавая изъ государственной казны во
„первыхъ соборамъ священнослужителей; по-
„томъ учителямъ школъ и наукъ; послѣ того
„бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ; далѣе ино-
„страннымъ кавалерамъ, которые доброволь-
„но сдѣлались Римскими гражданами; на-
„последокъ всѣмъ отставнымъ, служившимъ
„безпрерывно чрезъ двадцать шесть лѣтъ
„въ военныхъ походахъ, кои по возвращеніи
„весьма честное отъ республики въ домѣ
„своемъ пропитаніе получали.

„По истеченіи двенатцати лѣтъ, от-
„правясь я въ Тарентъ, привезъ тебя съ
„собою въ Римъ, и обучалъ Риторикѣ, Фило-
„софіи, Математикѣ и Астрологіи, въ моихъ по-
„кояхъ, въ моемъ сообществѣ, на моемъ столѣ,
„въ моей спальнѣ, и паче всего въ моемъ сердцѣ
„и мозгѣ тебя имѣя: что за большее ты по-
„читать долженъ, нежели когда бы я домъ
„мой и богатство тебѣ отдалъ. Ибо то
„токмо прямое благодѣяніе, которое оказы-

„вается не надѣясь никакой оттуда соб-
„ственной пользы и корысти. Такимъ обра-
„зомъ держалъ я тебя съ собою въ Лаврентѣ,
„Родусѣ, Неаполѣ и Капуѣ, доколѣ боги
„устроили меня Императоромъ Римскимъ.

„Тогда принялъ намѣреніе послать тебя
„въ Грецію, что и учинилъ, дабы ты изъ-
„учился Греческому языку, и то, чего истин-
„ная требуетъ Философія, навыкъ исполнять
„самымъ дѣломъ. Понеже знаменитымъ и
„истиннымъ Философамъ, что словами вы-
„ражаютъ, то и дѣлами подтверждать дол-
„жно: и нѣтъ ничего срамнѣе, какъ естьли
„величающій себя мудрымъ, и желающій по-
„чтенъ быть добродѣтельнымъ, говоритъ
„много, а дѣлаетъ мало. Ибо мужъ сладко-
„рѣчивый языкомъ и беззаконный житіемъ,
„есть погибель и смертоносная обществу
„язва. Посылая же тебя въ Грецію, и отлу-
„чая изъ Рима, не для того сіе дѣлалъ,
„чтобъ удалить тебя отъ моего сообщенія,
„и чтобъ ты, бывши предъ тѣмъ соуча-
„стникъ моего убожества, вмѣстѣ со мною
„настоящимъ не наслаждался благополучіемъ;
„но понеже видѣлъ твою младость, красоту
„и свободность, то поопасся, дабы ты, упо-
„вая на нашу къ тебѣ любовь и дружбу, и
„помышляя о себѣ, что ты мой племянникъ,
„при дворѣ не испортился. Ибо Государи,
„отроковъ и очень младолѣтныхъ юношъ
„пріемлющіе въ число ближайшихъ любимцовъ,
„доходятъ до того, что и ихъ не весьма раз-
„ум-

„ умными, и юношъ крайнѣ легкомысленными почитаютъ.

„ Изъяснилъ я, что тебѣ, и тебя ради „ учинено мною въ Италіи. Теперь покажу „ извѣстнѣйшую всѣмъ вещь, что ты дѣлалъ „ и нынѣ дѣлаешь въ Греціи; сирѣчь, чванясь и надуваясь красотою младыхъ лѣтъ, „ оставилъ науки, и презирая спасительные „ совѣты, присталъ къ самымъ вѣтренымъ „ и легкомысленнымъ юношамъ; и деньги, посланныя для покупки книгъ, иждиваешь на „ игры и другія непотребства: что все какъ „ тебѣ вредно, такъ не меньше и мнѣ безчестно и укорительно. Понеже сколь бы „ юноша ни сдѣлался глупымъ и развратнымъ, „ обыкновенно винятъ того, въ чьемъ сообществѣ оной обученъ и воспитанъ.

„ Я не каюсь, что далъ тебя выкормить; „ не жалѣю, что старался о обученіи тебя „ начальной грамотѣ читать и писать; мнѣ „ не жаль, что пригласилъ тебя къ наукамъ; „ не жаль, что содержалъ тебя въ моемъ „ домѣ, и принялъ въ соучастники моего „ стола и спальни; напослѣдокъ, не сожалѣю, „ что толикія на тебя употребилъ иждивенія; но о томъ сердечно и нелицемѣрно „ соболѣзную, что ты подалъ мнѣ причину, „ не дѣлать впредь никакого ужѐ тебѣ благодѣянія. Понеже сердцамъ великодушныхъ „ и милосердыхъ Государей нѣтъ ничего „ огорчительнѣе и досаднѣе, какъ неимѣніе „ достойныхъ людей, которыхъ бы они мог-

„ли снабдѣвать награжденіями и щедро„тами.

„Увѣдомляютъ меня, что ты полнотѣ„лой, лицемъ пригожой, и по той причинѣ „спесивясь, оставилъ Философію, дабы могъ „наслаждаться своимъ младолѣтствомъ и кра„сотою: изъ чего мнѣ великая печаль проис„ходитъ. Ибо красота тѣлесная скоро ли, „или поздо, непремѣнно во гробѣ погибнетъ; „но добродѣтель и ученіе вѣчную человѣку „память раждаетъ. Да не благоволятъ боги, „да не попустятъ Италіянскія и Греческія „училища, чтобъ наполненъ былъ духъ Фи„лософскою мудростію въ томъ, у коего туч„ное и надутое лицо, свѣтлое и полносочное „тѣло! ибо истинный Философъ попеченіе о „тѣлѣ за самое послѣднѣйшее считаетъ.

„Истинному Философу, чтобъ былъ и „казался Философомъ, надлежитъ имѣть по„мраченные глаза, опаленныя брови, без„волосую голову, вдавленныя щоки, блѣдное ли„цо, тонкое и сухое тѣло, умерщвленную плоть, „необутыя ноги, худыя одежды, скудную „пищу, многое бодрствованіе, и наконецъ „жить, какъ Лакедемонянину, и говорить, „какъ Греку. Храбраго и славнаго Полководца „клейнодами суть раны и рубцы оныхъ, а „трудолюбнаго Философа знакъ есть стро„гое житіе. Ибо равно стыдиться долженъ „человѣкъ мудрый, услышавъ про себя, что „онъ жиренъ и красивъ; какъ и Полководецъ, „ежели скажутъ, что онъ трусъ и лѣнивъ.

„Истин-

„Истинно, я хвалю въ Философѣ стараніе, „познавать древности, дабы прешелшее вѣ„дал; прилѣжаніе, описывать тончайшія „вещи къ пользѣ потомковъ; тщаніе, препо„давать спасительнѣйшія нравоученія тѣмъ, „кои въ настоящей обрѣтаются жизни; и „неусыпность въ испытаніи движенія небес„ныхъ тѣлъ, и изслѣдываніи причинъ, отъ „которыхъ бываютъ перемѣны въ стихіяхъ; „но повѣрь мнѣ, Епезиппъ, никогда и ни „одинъ изъ Греческихъ и Римскихъ мудре„цовъ не достигъ сего инако, кромѣ однимъ „точію исканіемъ душевнаго увеселенія и „попраніемъ тѣлеснаго сластолюбія.

„Подлинно въ разсужденіи и тѣла я подо„бенъ безсловеснымъ скотамъ; но въ разсуж„деніи души сроденъ безсмертнымъ богамъ. „И такъ ежели уклоняюсь къ скотскимъ стре„мленіямъ плоти, то подлѣе самаго себя бы„ваю; но когда ищу и достигаю душевныхъ „вещей, то выше самаго себя восхожу. Ибо „похотѣніе чувствъ повергаетъ насъ ниже „звѣрей; разумъ же возвышаетъ паче человѣ„ковъ. Злоба и гордость человѣческая есте„ственно паче желаетъ возвышаться, нежели „унижаться; паче мыслитъ умножаться, не„жели умаляться; и наконецъ паче хочетъ „повелѣвать, нежели повиноваться. Естьлижъ „сіе такъ есть, то для чего мы повергаемъ „себя ниже звѣрей чрезъ пороки, когда выше „человѣчества взойти и возвыситься можемъ „чрезъ добродѣтели?

„Между всѣми дарованіями, которыми „спесивиться могутъ человѣки, нѣтъ ничего „слабѣе, и ничего тлѣнію причастнѣе, какъ „сановитость и красота лица, чѣмъ обыкно- „венно кичатся. Ибо, по моему мнѣнію, „пригожствомъ и дородствомъ спесивиться „есть равно, какъ видѣнными во снѣ пре- „великими богатствами чваниться, когда „пробудясь бѣдными и нищими себя нахо- „димъ. Истинну сію можно усмотрѣть изъ „нижеслѣдующихъ словъ моихъ.

„Коль любезенъ зрѣнію юноша въ цвѣтѣ „лѣтъ, имѣющій малую голову, желтые „волосы, широкое чело, черные глаза, бѣлыя „щоки, острой носъ, красныя губы, раздвоен- „ную бороду, веселое лицо, круглую шею, „прямое и тонкое тѣло, умѣренныя рамена, „долгіе и гладкіе персты, и наконецъ толь „складные и прелестные всѣ члены, что „взирающіе на него и глаза наслаждаютъ, и „любовію въ сердцѣ распаляются. Сей толь „сановитой и пригожой юноша естьли бы на „многіе годы владѣлъ постоянною красотою; „то и желать, и искать, и беречь, и вели- „чать, и сохранять, и любить оную добро „было бы. Ибо, ежели мы красоту въ звѣ- „ряхъ и строеніяхъ любимъ; кольми паче „справедливѣе желать, дабы оную въ самихъ „себѣ имѣли.

„Но что скажемъ, естьли въ самое то „время, когда ни мало не думаемъ, тотъ „цвѣтокъ, который вчера на деревѣ здоро-

„вой,

„вой, цѣлой и невредимой пребывалъ, безъ „всякаго о упадкѣ его опасенія, единой маленькой лихорадки морозъ прижигаетъ, и „ни во что обращаетъ, единаго злоключенія „бурный вѣтръ сшибаетъ; непріятельскій „мечь посѣкаетъ; осы незапныхъ случаевъ высосаютъ; наводненіе бѣдъ разрушаетъ; жаръ „гоненій истощаетъ; краткой жизни червь „изгрызаетъ и увядшимъ дѣлаетъ; и напослѣ„докъ тлѣніе смерти въ землю превращаетъ?

„О жизнь человѣческая непрерывнымъ „подверженная бѣдствамъ! я судьбы свирѣ„пыми, а тебя, о человѣкъ! несчастнымъ „называю. Ибо по ихъ соизволенію, и тво„ему не сопротивленію, тебѣ только во снѣ „веселія и утѣхи грезятся, а въ бодрство„ваніи на яву горести и печали представляют„ся; тягости и досады ко вкушенію въ руки „даются, а покой и тишина токмо ушами „почерпать дозволяются; подъ игомъ несча„стія стенать самимъ дѣломъ, а на благоден„ствіе токмо взирать предлагается; наконецъ „жизнь лотомъ, а смерть безъ мѣры вѣсится.

„Но злонравные и невоздержные говорятъ, „яко бы весьма пріятно провождать жизнь „въ роскошахъ и утѣхахъ? я напротивъ того „свято утверждаю, что никто изъ смер„тныхъ не почерпнулъ никогда отъ пороковъ „толикаго услажденія и пріятности, кото„рый бы, потомъ лишась оныхъ, вящшей „не почувствовалъ горести и досады. Ибо „въ сердцѣ, гдѣ долговременное жилище имѣ-

„ла злоба, непрестанно нѣкоторая неутоли-
„мая жажда болѣзнь возбуждаетъ. О когда-
„бы всѣ открыли глаза, и увидѣли сколь
„мы обманываемся! ибо всѣ утѣхи и роскоши
„пріятнымъ щекотаніемъ тѣла увѣряютъ,
„аки бы пришли онѣ на вѣчное пребываніе
„съ нами; внезапу однакожъ инымъ путемъ
„убѣгаютъ отъ насъ далече: напротивъ
„того болѣзни и печали, какъ раскаленнымъ
„желѣзомъ духъ пожигающія, притворяются
„будто приходятъ въ гости; но самимъ дѣ-
„ломъ сожительми и согражданами насильно
„намъ себя потомъ представляютъ.

„Не могу довольно надивиться, для чего
„ты, Епезиппъ, не опасаешся, дабы въ
„скоромъ времени и съ твоею красотою не
„сдѣлалось того же, что нынѣ видишь во
„гробахъ тѣхъ людей, кои уже давно на
„свѣтѣ жили. Подлинно, въ садахъ узнаютъ
„разныя деревья по различію плодовъ, какъ
„то: по желудямъ дубъ, по финикамъ фини-
„ковое дерево, по вѣтвямъ кленъ, по кистямъ
„винограндую лозу; но когда усохнетъ корень,
„посѣкутъ пень, оберутъ плоды, опадаетъ
„листье, а потомъ бросятъ въ огонь и сож-
„гутъ на пепелъ; скажи пожалуй, кто
„узнаетъ какого дерева та зола, или какое
„усмотритъ различіе изъ пепелу? Сравненіе
„сіе туда простирается, дабы показать,
„что посреди того времени, когда жизнь
„сея смерти течетъ, и смерть сея жиз-
„ни проходитъ, и съ мы на подобіе деревъ
„въ

„въ саду зеленѣемъ, и тогда однихъ узнава-
„ютъ по корнямъ предковъ; другихъ по
„листьямъ словъ; иныхъ по вѣтвямъ чести;
„другихъ по плодамъ богатства; тѣхъ по
„корѣ безобразіе; сихъ по цвѣтамъ красота;
„однихъ, яко малорослыхъ карловъ, низкость;
„другихъ, яко исполиновъ, высокость; иныхъ,
„яко стариковъ, сухость; другихъ, яко младо-
„лѣтныхъ юношъ, полносочность; сихъ,
„яко богатыхъ, плодовитость; другихъ, яко
„убогихъ, безплодность, видимы бываютъ;
„напослѣдокъ же всѣ мы въ одномъ подоб-
„ны, сирѣчь: что, не выключая никого,
„всѣ идемъ до гроба.

„Теперь вопрошаю: въ то время, когда
„смерть всѣхъ насъ по кончинѣ жизни смѣ-
„шаетъ, какое между красными и безобраз-
„ными въ тѣсномъ гробѣ будетъ различіе?
„Истинно, не имѣетъ быть нималѣйшей
„разности; а естьли какая и окажется, то
„состоять оная будетъ токмо въ различіи
„гробовъ, вымышленныхъ суетными человѣ-
„ками: да и не жаль мнѣ, что суетными
„ихъ называю: ибо нѣтъ ничего тщетнѣе,
„какъ то, что человѣки не довольствуясь
„суетностію жизни, и по смерти суеты
„своея великолѣпнымъ погребеніемъ память
„продлить покушаются. По моему разсужде-
„нію, кедръ хотя высокой и пригожой, ни
„чѣмъ однакожъ уголь его свѣтлѣе; а ясень
„хотя низка и безобразна, ни чѣмъ для того
„зола ея чернѣе не бываетъ. Чрезъ сіе даю

„ знать, что не рѣдко, попущеніемъ боговъ, „ честнѣе бываютъ кости убогаго Философа, „ который жилъ строго и бѣдно, нежели Го„ сударей, кои жизнь свою провели весьма „ нѣжно и роскошно.

„ Я не стану болѣе стращать тебя смер„ тію; ибо ты, поелику нынѣ въ роскошахъ „ жизни сея погрузился, лучше бы желалъ, „ чтобъ объ оной и ни одного слова не упоми„ нали: но скажу тебѣ одну, хотя и не„ пріятную слуху, вещь, сирѣчь: ты созданъ „ отъ боговъ, дабы умереть; ты рожденъ отъ „ человѣковъ, дабы умереть; ты родился „ отъ жены, дабы умереть; ты живешь въ „ свѣтѣ семъ, дабы умереть; наконецъ го„ ворю, что нѣкоторые раждаются нынѣ съ „ тѣмъ, дабы поутру умерли, и другимъ „ очистили мѣсто. На великихъ и плодонос„ ныхъ деревахъ, когда выходятъ отрасли, „ знакъ есть, что сухія вѣтви отрѣзывать „ должно: равнымъ образомъ и рожденіе мла„ денцевъ въ фамиліи есть поспѣшеніе ко „ гробу дѣдовъ и родителей.

„ Ежели бы кто спросилъ меня: что есть „ смерть? назвалъ бы я ее пропастью, куда „ всѣ въ бѣдственной жизни сей низвергают„ ся. Ибо гдѣ кто чаетъ итти безъ малѣй„ шей опасности, тамъ упадаетъ. Всегда я „ сіе о мимошедшихъ старикахъ читалъ, и „ часто своими глазами на нынѣшнихъ юно„ шахъ видалъ, да тоже самое и въ грядущіе „ вѣки, безъ сомнѣнія, быть имѣетъ;

„ что

„ что кому жизнь весьма сладка, вѣ двери „ того нечаянно смерть входитѣ; и вопреки, „ кто ниже мало не думаетѣ о смерти, отѣ „ того жизнь безѣ всякаго предувѣдомленія „ убѣгаетѣ.

„ О безсмертные боги! истинно, я не „ знаю свирѣпымиль или милосердными васѣ „ называть должно: понеже вы плоть и кости, „ честь и богатства, друговѣ и утѣхи намѣ „ даруете; словомѣ, все подвергаете человѣче„ской власти, а конецѣ жизни оставляете вѣ „ вашей волѣ. Ибо чего хочу, того не могу; „ а что могу, того желать принужденѣ и по „ необходимости. Однакожѣ естьлибы дано „ мнѣ на выборѣ, всѣмѣ цѣлаго міра богат„ствамѣ предпочелѣ бы я на одинѣ токмо день „ житія безопасность. Ибо какая польза тру„ диться о умноженіи чести и богатства, „ когда ежедневно по цѣлому дню уменьшает„ся жизни!

„ Но да возвращусь кѣ моему намѣренію, „ сирѣчь: поелику ты льстишся и любуешся „ красотою и пригожствомѣ, хотѣлѣ бы я знать „ отѣ тебя и отѣ другихѣ младолѣтныхѣ и „ лѣпообразныхѣ: или никогда не приходитѣ „ вамѣ на мысль подумать, что будете вѣ „ нѣкоторое время гнусными стариками? ибо, „ естьли вамѣ жить короткое время, то не „ безѣ крайней глупости толь дорого красоту „ оцѣняете. Понеже весьма чуждо всякаго раз„ума, что жизнь насѣ токмо на колѣни повер-

„ гаетѣ,

„ гаетъ, а безуміе (такъ сказать) по землѣ
„ волочитъ.

„ Ежели вы юноши пріити до старости
„ помышляете; то должны помнить и ни-
„ когда не забывать, что въ палашѣ, упо-
„ требляемомъ повседневно, безъ всякаго чая-
„ нія, сталь мало помалу вырубается. По
„ истиннѣ, юноша ни чѣмъ отъ новаго палаша
„ не разнствуетъ, въ которомъ по теченію
„ времени однимъ днемъ притупляется остро-
„ та чувствъ; на другой лишается онъ остро-
„ конечія разума; нынѣ терянетъ сталь крѣ-
„ пости силъ; завтра изъѣдаетъ его ржавчи-
„ на болѣзней; то терзаютъ его несчастія;
„ то благополучіе наводитъ скуку; сего дня
„ чрезвычайно острой богатства ради; а по-
„ утру вовсе убожествомъ вызубясь, ничего
„ не рубитъ. Напослѣдокъ, ежечастно бы-
„ ваетъ, что чѣмъ больше отъ роскошей вы-
„ тачивается острота, тѣмъ извѣстнѣйшая
„ угрожаетъ опасность жизни.

„ Желающему взойтить на юношескія суе-
„ ты, надобно опираться ногами и руками;
„ но неоспоримо, что какъ только мало осту-
„ пимся ногою, тотчасъ стремглавъ низпада-
„ емъ и низходимъ въ бѣдствія старости.
„ Ибо самая вещь гласитъ, что коего знали
„ мы вчера молодаго и пригожаго, того, про-
„ тивъ чаянія, когда посмотримъ, анъ ужѐ
„ видимъ стараго, и сухости его удивляемся.
„ Коликократно разсуждаю я въ моихъ мы-
„ сляхъ, взирая на многихъ друговъ и непрія-
„ телей,

„телей, коихъ не за много предъ тѣмъ лѣтъ
„знавалъ полнотѣлыми и пригожими, и нынѣ
„вижу ихъ старыми, весьма сухими, немощ-
„ными и безобразными; то думаю, что или
„они ужѐ не тѣ самые, или мнѣ тогда во
„снѣ грезились.

„По истиннѣ чудно, и ежелибъ такъ
„сдѣлалось только надъ однимъ, какъ дѣ-
„лается надъ многими, было бы почти не-
„вѣроятно; сирѣчь, что у бѣднаго человѣка
„въ разстояніи малаго времени перемѣняет-
„ся видъ лица, исчезаетъ красота, желтая
„борода сѣдѣетъ, черная голова плешивѣетъ,
„щоки и лобъ морщатся, глаза темнотою
„какъ будто занавѣсою ослѣпляются, зубы
„прежде какъ слоновая кость бѣлые шерохо-
„ватѣютъ и чернѣютъ, на быстротечныя
„ноги подагра кандалы накладаетъ, на силь-
„ныя рамена параличь нечувствіе возлагаетъ,
„мягкое и гладкое горло въ мозоли и морщи-
„ны ссѣдается, и тѣло, которое было пря-
„мое, кривится, горбатѣетъ, и какъ будто
„само собой чуждается.

„Но сверьхъ сказаннаго выше, Епезиппъ
„гордящійся красотою, говорю тебѣ еще и
„то, что который человѣкъ для красоты,
„пока былъ молодъ, казался всѣмъ какъ чи-
„стое зеркало, въ старости наконецъ та-
„кимъ себѣ показывается, что не доумѣ-
„ваетъ, онъ ли есть, или иной кто; такъ
„самъ себѣ дѣлается незнакомымъ. Без-
„спорно, дѣлай ты, что тебѣ угодно; лю-
„буйся

„буйся и чванься красотою сколько хочешь;
„однакожъ въ младолѣтныхъ красота ни что
„иное есть, какъ точію завѣса глазъ, пута
„ногъ, петли рукъ, смола крыльевъ, мученіе спокойства, тать времени, причина
„бѣдствій, предметъ зависти, верьхъ невоздержанія, и бездна всего зла; словомъ:
„приманка народа, и ревнивыхъ лютая мука.

„Когда ты ученія оставилъ, то я не
„обязанъ болѣе снабдѣвать тебя деньгами,
„тѣмъ наипаче, что ты въ самой вещи на
„дѣтскія бездѣлицы ихъ расточаешь. Однакожъ съ Авломъ Вегеномъ посылаю тебѣ на
„покупку платья двѣ тысячи червонныхъ. И
„по истиннѣ, будешь ты весьма нечувствительной, ежели за толикое благодѣяніе не
„окажешь мнѣ благодаренія. Ибо пріятнѣйшимъ должно быть учиненное благодѣяніе
„изъ доброй воли, нежели то, которое дѣлается по нуждѣ.

„Новостей писать къ тебѣ нѣтъ никакихъ, кромѣ, сестра твоя Аннія Саларія
„вышла замужъ, и хвалится, что по мыслямъ
„супруга получила; которой союзъ неразрывнымъ да учинятъ боги! Ибо на женидьбу
„человѣки деньгами снабдить могутъ; но
„чтобъ оная удалась по желанію сердца, никто, кромѣ боговъ, учинить не силенъ.
„Естьли желаешь вѣдать, что дѣлаетъ двоюродная твоя сетра Торинга; то знай, что
„она сѣвши на корабль, уѣхала съ флотомъ
„въ Испанію; да по истиннѣ я никогда

„лучше

„ лучше объ ней и не думалъ съ самыхъ тѣхъ „ поръ, какъ она три дни на Саларійскомъ „ пути укрывалась. Ибо ежели дѣвица очень „ рано обираетъ (такъ сказать) виноградныя „ кисти, великой есть знакъ, что такая попа„ дется наконецъ и въ солдатскія руки. Анній „ Руфъ другъ и сверстникъ твой уѣхалъ въ „ Понтъ, будучи по Сенатскому указу опре„ дѣленъ для правленія тамошнимъ островомъ. „ Онъ хотя еще молодъ, однакожъ человѣкъ „ разумной; и для того уповаю, что возложен„ ную на него должность будетъ отправлять „ похвально. Понеже естьли бы между ослабѣ„ вающими стариками и мудрыми юношами „ позволенъ былъ выборъ; то я лучше юноше„ скую мудрость, нежели старческую сѣдину „ избралъ бы.

„ Кланяется тебѣ супруга моя Фавстина, „ которая чрезвычайно о пользѣ твоей у меня „ ходатайствуетъ, и повседневно уговариваетъ, „ чтобъ я на тебя не сердился; сказывая, что раз„ умнымъ людямъ на юношескія легкомыслія „ взирать не должно; и что нѣтъ ни одного „ мудраго старика, который бы не хорошо „ представлялъ лице юноши въ своемъ младо„ лѣтствѣ.

„ Болѣе ничего не пишу, токмо, ежели „ ты будешь добродѣтеленъ, я никогда не „ отрекусь что ты племянникъ, старой пи„ томецъ и ученикъ мой; и когда увижу твое „ исправленіе, то отложу и гнѣвъ вовсе: ибо „ между тѣми, кои взаимно другъ друга лю„ бятъ,

„бятъ, нѣтъ инаго средства, котороебъ
„истребило изъ сердца заслуженное негодова-
„ніе, какъ точію развратнаго и беззаконнаго
„житія исправленіе. Сіе писать къ тебѣ
„преклоненъ я прозьбами Фавстины. Теперь
„остается одно то, чтобъ отъ нее и отъ
„меня засвидѣтельствовалъ ты Академиче-
„скимъ учителямъ почтеніе наше. Впро-
„чемъ, препоручаю тебя въ сохраненіе боговъ,
„дабы помощію ихъ ты житіе свое испра-
„вилъ. Маркъ Императоръ Римскій Аннію
„Епезиппу писалъ собственною рукою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯНАДЕСЯТЬ.

Въ древнія времена великіе Государи и Князи мудрыхъ людей съ крайнимъ тщаніемъ сыскивали, и содержали въ любви и милости.

Между тѣми вещми, коими древнія времена прославились, и правители оныхъ пріобрѣли безсмертное имя, было какъ тщаніе Государей въ сыскиваніи и присоединеніи къ себѣ мудрыхъ людей, такъ и послушаніе подданныхъ въ исполненіи ихъ совѣтовъ. Ибо мало пользы, естьли Царь ведетъ полкъ мудрецовъ къ правленію самаго себя и царства; но подданные вооружены злобою непослушанія. Государи, совѣты мудрыхъ людей маловажными почитающіе, пусть будутъ увѣрены, что и самихъ ихъ повелѣнія презирать станутъ. Ибо закону, паче на

насилїи, нежели на справедливости основанному, никакого повиновенїя отдавать не должно.

Мы разгибая и проходя древнїя исторїи, хотя не въ состоянїи воспротиворѣчить, что Римляне были гордые отъ природы; но того оспорить не можемъ, что они сколь въ военныхъ дѣйствїяхъ свирѣпо, столь въ государственномъ правленїи кротко и умѣренно поступали: въ чемъ, по истиннѣ, Римъ изъявилъ свое могущество и мудрость. Ибо какъ храбрые и мужественные Полководцы непрїятелей истребляютъ во время войны, такъ мудрые и разумные мужи управляютъ подданными во время мира.

Часто я самъ въ себѣ разсуждаю, откуда между подданными и правительствами, Государями и Вельможами, толикое несогласїе происходитъ; и уважа съ обѣихъ сторонъ, нахожу, что и тѣ и другїе на справедливости утверждаются. Ибо подданные вопїютъ на Государей за малое къ нимъ благопризрѣнїе; а Государи жалуются о премногомъ непослушанїи, которое они обрѣтаютъ въ подвластномъ народѣ. Понеже неповиновенїе спутешествуетъ злобѣ, а повелѣнїемъ предводительствуетъ жадность. Толико возрасла въ послушанїи сопротивность, толь необузданная и стремительная учинилась въ повелѣнїяхъ суровость, что подчиненнымъ иго подданства свинцовое, а Государямъ и Правителямъ взаимно и противъ летающаго комара обнаженной

мечь потребенъ кажется. Сей общей зловредности единственнымъ источникомъ есть то, что Государи не имѣютъ при себѣ мудрыхъ людей, отъ которыхъ бы могли тайно получать совѣты. Ибо ни одинъ Государь добродѣтельнымъ не былъ, злыхъ совѣтниковъ употребляя; не былъ ни одинъ Государь злонравнымъ, который употреблялъ и слушался совѣтниковъ добрыхъ.

Въ Государяхъ и верховныхъ священнаго сана людяхъ, несущихъ на себѣ опеку душъ, двѣ обрѣтаются вещи: достоинство званія и качество лица. Слѣдовательно, статься можетъ, что иной будетъ самолично доброй, но въ правленіи худой; и вопреки, доброй въ правленіи и худой самолично. И для того говаривалъ Туллій: „никогда не было и не „будетъ или равнаго Іулію Цесарю, что при„надлежитъ до собственнаго его лица, или „толь худаго правителя, какъ онъ былъ, „что касалось до государства„. По истиннѣ, великое добро, Государю быть добродѣтельнымъ мужемъ. Напротивъ того великое зло быть худымъ человѣкомъ; но гораздо враднѣе быть худымъ Государемъ. Ибо злой человѣкъ себѣ только золъ, но худой Государь и себѣ и прочимъ золъ бываетъ. Чѣмъ ширѣ ялъ по тѣлу разливается, тѣмъ скорѣе жизнь прерываетъ: равнымъ образомъ, чѣмъ сильняе кто въ государствѣ бываетъ, тѣмъ вящшей беззаконною жизнію вредъ наноситъ.

Я не знаю, для чего великіе Государи и Князи не прилагаютъ усерднаго попеченія о снисканіи мудрыхъ людей къ правленію царствъ и областей, естьли безконечно тягчайшій вредъ отъ худаго правленія, нежели отъ болѣзни самаго Царя или Правителя въ государствѣ происходитъ. Доселѣ, истинно, ни читали, ниже видѣли мы, чтобъ за недостаткомъ врачей или самъ Царь, или царство его погибло; но за скудостію мудрыхъ совѣтниковъ безчисленные Цари пришли въ упадокъ, и премногія царства опустѣли, и вконецъ раззорились. За неимѣніемъ врача одинъ токмо человѣкъ будетъ въ опасности находиться; но за лишеніемъ разумнаго мужа великое въ народѣ можетъ произойти несогласіе. Ибо въ то время, когда посреди гражданства нѣкоторое вскипаетъ смятѣніе, больше воспользуетъ одинъ здравой и благовременной совѣтъ, нежели сто чистительныхъ ревеня пріемовъ.

Исидоръ въ четвертой книгѣ Этимологій или начальныхъ произхожденій утверждаетъ, что Римляне четыреста лѣтъ безъ врачей жили. Понеже Ескулапій, Аполлоновъ сынъ, послѣдній врачь былъ въ Греціи, и Архагату, преславному Медику, во храмѣ Ескулапіевомъ поставлена статуя. Ибо Римляне къ оказавшимъ услуги толь благодарны были, что превосходному въ какомъ либо знаменитомъ дѣлѣ мужу или давали награжденіе деньгами, или сооружали въ память статую, или жало-

вали право дворянства. А какъ состарѣвшись Архагатъ, и собравши великія богатства, по причинѣ неисцѣльныхъ язвъ и поврежденій, болящимъ отрѣзалъ руки и ноги, и сіе чрезвычайнымъ мучительствомъ показалось Римлянамъ; то безъ милосердія, вытащивъ его изъ дому, каменьемъ на Марсовомъ полѣ убили: чему никто дивиться не долженъ. Ибо легшая иногда бываетъ мука въ болѣзни припадки терпѣть, нежели употребляемыхъ лекарями лютыхъ средствъ отвѣдать. Но пусть, кто хочетъ, говоритъ, что въ тѣ поры, когда Римъ не имѣлъ врачей, Римляне были бѣдные и отчаянные; а я подтверждаю, что никогда не было толь благополучныхъ временъ, какъ тѣ четыреста лѣтъ, въ кои безъ врачей они жили. Ибо тогда Римъ погибъ, какъ по принятіи врачей изгнали и уничтожили Философовъ.

Я говорю сіе не съ тѣмъ, аки бы ругалъ врачей, или думалъ удалить ихъ отъ Государей; поелику слабость плоти нашея требуетъ вседневнаго подкрѣпленія и помощи; да и въ самомъ дѣлѣ мудрые и разумные врачи ничто иное суть, какъ добрые совѣтники. Ибо они не совѣтуютъ намъ ничего инаго, кромѣ точію, дабы мы въ пищѣ, питіи, снѣ, хожденіи и прочихъ дѣйствіяхъ были трезвы и наблюдали умѣренность.

Говорится же сіе на тотъ конецъ, дабы настоящими разсужденіями склонясь высокіе Монархи и Князи, нѣкоторую частицу величай-

чайшаго своего старанія, каково къ снисканію врачей прилагаютъ, и премногихъ денегъ, кои на жалованье и содержаніе ихъ истощаютъ, употребляли на исканіе мудрыхъ людей, для совѣта и помѣщенія ихъ въ придворное правительство. Понеже естьли бы разумѣли смертные, коль полезно имѣть разумнаго домостроителя; то на покупку единаго точію мудраго человѣка всѣхъ богатствъ своихъ не пожалѣли бы. Весьма достойны сожалѣнія великіе Государи и Князи, кои многіе въ мѣсяцѣ дни, и многіе во днѣ часы теряютъ, бесѣдуя о войнахъ, строеніяхъ, оружіяхъ, пированіяхъ, звѣряхъ, охотахъ, Медицинѣ, и временемъ о чужихъ похожденіяхъ, съ людьми мудростію и добродѣтелію неодаренными, кои ни въ тонкость разсуждать, ни разумно ограничивать не умѣютъ.

Не рѣдко случается, что Государь предлагаетъ нѣкоторую вещь на разсужденіе въ присутствіи такихъ людей, кои о томъ не токмо ни гдѣ не читали, но ниже слышали; однакожъ предпринимаютъ не меньшую смѣлость, или, справедливѣе сказать, упорство, ограничивать ту задачу такъ, будто бы они цѣлую жизнь въ ученіи иждили: чему бываетъ причиною грубость и безстыдство. Понеже ближайшимъ другамъ передъ Государями съ позволенія говорить можно; но хотя они други, и дано ли или не дано позволеніе, упрямо однакожъ защищать имъ свое мнѣніе невольно. Елій Спарціанъ въ житіи Але-

ксандра Севера повѣствуетъ, что оной Императоръ нѣкогда Греческому Посланнику на вопросъ: какая вещь наибольшую въ Римѣ причиняетъ ему досаду? отвѣтствовалъ: „ Меня „, ни что не оскорбляетъ вящше, какъ ежели „ мнѣнію моему упорно противорѣчатъ мои „ Вельможи. Я не досадую и не гнѣваюсь за „ словопрѣніе, коимъ вещь дѣлается явственнѣе; но что иной, хотя нимало неосновательно „ его разсужденіе, крайнѣ однакожъ упрямствуетъ въ ономъ. Ибо кто говоритъ съ „ доказательствомъ, того упорнымъ назвать „ не можно.

Ѳеодосій Великій Императоръ будучи нѣкогда вопрошенъ: „ какъ надлежитъ поступать Государю, чтобъ былъ добрымъ? отвѣтствовалъ: Украшенному добродѣтелію и „ мудростію Государю, когда идетъ, спутешествовать должны мудрые люди, беседуя „ съ нимъ и разсуждая; когда кушаетъ, у „ стола предстоять должны мудрые люди, „ производя словопрѣніе; когда отходитъ на „ уединеніе, присутствовать должны мудрые „ люди, съ коимибъ могъ онъ читать нѣчто; „ словомъ: сколько ни остается празднаго времени, въ совѣтахъ съ мудрыми людьми препровождать должно. Ибо не столько безразсудное дѣло вытти безъ оружія на брань „ солдату, сколько безъ совѣта мудрыхъ людей управлять обществомъ Государю.

Лампридій въ книгѣ о дѣлахъ Римскихъ повѣствуетъ, что Маркъ Аврелій Императоръ,

торъ, когда кушалъ или ложился спать, или вставалъ съ постели, или путешествовалъ, какъ публично, такъ и приватно, не шутовъ, но всегда ученыхъ и отмѣнно добродѣтельныхъ мужей при себѣ имѣть желалъ: дѣлая сіе, по истиннѣ, разумно. Ибо ничего или шутя, или въ правду желать и дѣлать въ свѣтѣ семъ не возможно: чтобъ не лучше оное совершилъ человѣкъ разумной, нежели глупой. Въ несчастіи не лучше ли возможетъ утѣшить Государя человѣкъ мудрой священнаго писанія словами, нежели дуракъ смѣхотворными рѣчами? Въ благополучіи не полезнѣе ль будетъ, сохраненія ради онаго, имѣть обращеніе съ мудрымъ человѣкомъ, нежели ввѣриться коварному шуту? Въ недостаткѣ казны, не лучше ли мудрой человѣкъ ко отвращенію онаго способы покажетъ, нежели дуракъ, который самъ къ испрашиванію ея отверстой зѣвъ имѣетъ? Естьли пожелаетъ Государь нѣкоего увеселенія, не лучше ли всю печаль разобьетъ рѣчьми своими человѣкъ ученой, расказывая изъ древности пріятнѣйшія исторіи, нежели шутъ болтая срамныя слова, или еще произнося и досадительныя настоящихъ временъ насмѣшки?

Что сказалъ я о врачахъ, то самое говорю о шутахъ и смѣхотворцахъ. Я не запрещаю употреблять ихъ препровожденія ради времени; хотя справедливѣе можно сказать, что они къ погубленію паче, нежели къ препровожденію служатъ. Ибо по достоинству то

время потерянным именуется, которое ни на Богослуженіе, ни къ пользѣ ближняго иждивается. Истинно я удивляюсь, или лучше сказать, досадую, не столько на то, что у знаменитыхъ особъ въ толикой милости находятся дураки и шуты; сколько о томъ, что толь мало благопризрѣнія и чести имѣютъ мудрые и разумные люди. Ибо крайнѣ несправедливо, что въ царскихъ дворахъ дураковъ даже и въ самую спальню, а мудраго человѣка едва и на крыльцо допускаютъ; такъ что передъ тѣмъ всѣ отверсты двери, а другому и ни однѣ не отпираются.

Мы живущіе нынѣ, по достоинству хвалимъ тѣхъ, кои прежде насъ были, не иной ради причины, какъ что въ мимошедшихъ вѣкахъ, когда превеликой имѣлся недостатокъ людей мудрыхъ, и повсемѣстно довольное число находилось варваровъ; самые тѣ варвары весьма дорого цѣнили и въ крайнемъ почтеніи содержали людей ученыхъ, ибо въ Греціи чрезъ многое время продолжался такой обычай, что предъ мимоидущимъ Философомъ Грекъ приставалъ, и бесѣдуя съ онымъ не садился. Напротивъ того, сколько ни будетъ послѣ людей въ свѣтѣ, насъ живущихъ нынѣ ругать станутъ, потому что хотя теперь толикое множество мудрыхъ людей обрѣтается, и не между варварами, но между Христіянами жизнь провождаютъ; досадно смотрѣть, и срамно сказать, въ коликомъ презрѣніи ихъ содержатъ. Ибо нынѣ, грѣховъ ради

ради нашихъ, не тѣ, кои просвѣщены знанiемъ наукъ; но кои снабдѣны изобилiемъ богатствъ, по большой части царствуютъ въ обществѣ. И я не знаю, мудрость ли ихъ ужѐ повредила, или свѣтъ потерялъ весь вкусъ оныя: понеже едва ли сыщешь нынѣ ученаго человѣка, комубъ довольно было одной мудрости къ препровожденiю житiя честно, такъ чтобъ для пропитанiя своего сдѣлаться удальцомъ принужденъ не былъ. О свѣтъ! свѣтъ! я не вижу, коимъ бы образомъ вырваться изъ твоихъ рукъ, или избѣгнуть бѣдствiй могъ человѣкъ простой и неученой; естьли ученымъ и разумнымъ людямъ чуть достаетъ во всей премудрости ихъ обороны къ достиженiю спокойнаго пристанища. Ибо мудрецы свѣта сего, сколько ни учены, лишаются однакожъ того способа, чтобъ быть безопасными отъ твоей злости.

Коликократно я читаю, что въ древнихъ вѣкахъ дѣлалось; и вижу, что въ нынѣшнiя времена дѣлается; то весьма сомнѣваюсь, съ вящшимъ ли попеченiемъ прежнiе Цари сыскивали людей мудрыхъ, употребленiя ради ихъ совѣтовъ, или съ большею жадностью настоящiе Государи роютъ подземные проходы и открываютъ рудныя жилы, умноженiя ради сребра и злата? но да скажу, какого я о семъ мнѣнiя; пусть повѣрятъ мнѣ всѣ Правители обществъ. Государь ли онъ, или Намѣстникъ, или ближайшiй другъ Царскiй, что будетъ нѣкогда время, въ которое

 они

они лучше пожелаютъ имѣть при себѣ одного совершенно мудраго человѣка, нежели всѣ накопленныя ими сокровища. Понеже здравой совѣтъ никогда безъ пользы, а великое сокровище никогда безъ страха погибели не бываетъ.

Въ древнія времена, умирая знаменитые Государи, ежели царства въ наслѣдіе оставляли сыновьямъ своимъ, коихъ за младолѣтствомъ видѣли еще неспособныхъ къ правленію государства; то больше пеклись о томъ, какихъ приставить къ нимъ учителей для наставленія ихъ правиламъ добродѣтелей, нежели какихъ учредить Намѣстниковъ умноженія ради богатствъ и доходовъ. Ибо государство златомъ и сребромъ какъ нибудь защитить можно, управлять однакожъ онымъ нельзя безъ помощи добрыхъ совѣтовъ. Младые Государи обыкновенно во многихъ погружаются порокахъ, къ которымъ отъ части склоняютъ лѣта, а отъ части не допускаетъ честность; но пороки ихъ тѣмъ наипаче бываютъ вредительны, ежели не имѣютъ при себѣ мудрыхъ людей, коихъ бы пользуясь здравыми совѣтами, могли остерегаться оныхъ. Ибо они по причинѣ младолѣтства, науки, а неограниченной ради вольности, наказанія не пріемлютъ.

Имѣть при себѣ мудрыхъ людей, для употребленія ихъ совѣтовъ, безконечно нужняе Государямъ, нежели кому либо изъ всѣхъ подданныхъ. Ибо они на открытомъ мѣстѣ

и

и предъ глазами всѣхъ обращаясь, меньшую имѣютъ вольность къ погрѣшенію, нежели каждой изъ подданныхъ: потому что естьли они каждаго смотрятъ, и всѣхъ судить власть имѣютъ; то и самихъ ихъ всѣ безъ позволенія не точію смотрятъ, но еще и осуждаютъ. Хотя Государи со вниманіемъ разсуждать должны, кому ввѣрить правленіе царствъ, кому поручить войско, кого отправить къ иностраннымъ въ посольство, кому отдать исправленіе и наблюденіе доходовъ; гораздо однакожъ тщательнѣе надлежитъ имъ разсматривать и уважать кого должно избирать себѣ въ други и совѣтники. Ибо какое въ домѣ и совѣтѣ царскомъ собраніе, такое у иностранныхъ и подданныхъ будетъ о немъ мнѣніе.

Ежели Государи повседневно и противъ желанія слушаютъ и увѣдомляются о житіи всѣхъ подданныхъ своея области; то для чего изъ доброй воли не разсматриваютъ и не поправляютъ собственнаго дому? Пускай же вѣдаютъ, буде не знаютъ, что отъ непорочности Вельможъ, прозорливости совѣтниковъ, собственной ихъ мудрости, и добраго расположенія двора, всеобщее благоденствіе зависитъ. Ибо статься не возможно, чтобъ на вѣтвяхъ были зеленые листы, ежели коренье дерева усохло.

ГЛАВА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

Өеодосій Императоръ умирая, завѣщалъ Аркадія и Онорія сыновей своихъ воспитывать и учить между людьми мудрыми. Нѣкотораго опекуна и Философа разговоръ. Десять родовъ порочныхъ людей, коихъ къ царскому двору не допускать и отъ онаго отрѣщать должно.

Игнатій Историкъ въ книгѣ написанной имъ о двухъ Өеодосіяхъ, трехъ Аркадіяхъ, и четырехъ Оноріяхъ, повѣствуетъ, что великій Өеодосій на пятидесятомъ житія, и первомъ надесять году царствованія своего, когда приближился къ смерти, которою вскорѣ потомъ и скончался, призвавъ къ себѣ Аркадія и Онорія сыновей своихъ, далъ имъ наставниковъ и правителей государственныхъ Стиликона и Руфина. Ибо хотя давно ужѐ, еще прежде смерти, назначилъ сыновей Кесарями, гораздо младолѣтныхъ, изъ коихъ ни одинъ не имѣлъ болѣе семнатцати лѣтъ возраста; но понеже старику, смотря по лѣтамъ, казались они къ правленію толь многихъ и толикихъ областей неспособны, то приставилъ къ нимъ опекуновъ и воспитателей.

Это не всегда бываетъ, чтобъ дватцатипятилѣтный былъ разумнѣе и къ правленію царствѣ способнѣе другаго, имѣющаго токмо семнатцать лѣтъ отъ рожденія. Ибо повседневное искуство увѣряетъ, что нѣкоторыхъ десяти лѣтъ почитаютъ и хвалятъ; а другихъ

и сороколѣтныхъ ругаютъ и хулятъ. Многихъ сыщешь Государей, въ коихъ съ цвѣтущею юностію сопрягается купно зрѣлость ума: напротивъ же того, нѣкоторые Государи, подлинно, лѣтами стары, но разумомъ маленькіе отроки. По смерти Веспасіана Императора, добродѣтельнѣйшаго Государя, старались о полученіи Императорскаго престола сынъ его Титъ, и другой старой Сенаторъ. И понеже въ Титѣ никакого не обрѣталось недостатка, кромѣ что весьма былъ молодъ; то когда съѣхались въ Сенатъ для подаванія голосовъ, нѣкоторый Сенаторъ Рогерій Патроклъ сказалъ: „ Истинно, я лучше „ желаю Государя младолѣтнаго и разумнаго, „ нежели стараго, да глупаго „. Но да возвращусь къ сынамъ Ѳеодосія. Нѣкоторымъ днемъ Стиликонъ Аркадіевъ попечитель съ премудрѣйшмъ Греческимъ Философомъ, по имени Епимундомъ, разговаривая сказалъ: „ Ты извѣстенъ Епимундъ, что не съ нынѣшняго времени между собою другъ другу „ мы знакомы, и оба служимъ при дворѣ Го„ сударя моего Императора Ѳеодосія, по „ смерти коего мы еще въ живыхъ остаемся. „ Но сколько было бы лучше, естьлибы онъ „ жилъ, а мы умерли прежде! ибо могущихъ „ быть Министрами у Государей, много; но „ такихъ, чтобъ добродѣтельными Государями были, весьма мало. Истинно, ни „ что мнѣ въ жизни огорчительнѣе быть не „ можетъ, какъ частыя премѣненія Государей.

„рей. Понеже видѣвшій въ жизни своей мно-
„гихъ Государей, многія видалъ притомъ
„перемѣны и бѣды въ государствѣ. Ты вѣ-
„даешь, что Государь мой Θеодосій ужѐ по-
„чти умирая, слѣдующія ко мнѣ слова̀, сло-
„ва̀, говорю, частыми вздохами прерываемыя,
„съ пролитіемъ изобильнѣйшихъ слезъ про-
„молвилъ: Видишь Стиликонъ, я ужѐ уми-
„раю, и готовъ преселиться въ другой свѣтъ,
„гдѣ надобно будетъ мнѣ воздать совершен-
„ной отвѣтъ о всѣхъ, коими господствовалъ,
„царствахъ. Чего ради когда о грѣхахъ мо-
„ихъ рязсуждаю, то великимъ ужасаюсь
„страхомъ; но когда помышляю о милосер-
„діи Божіемъ, то гораздо вящшимъ ободря-
„юсь упованіемъ. Хотя же праведно есть
„полагать надежду на милосердіе Божіе;
„страшнаго однакожъ правосудія его бояться
„должно. Ибо Христіянское благочестіе такъ,
„какъ мы Государи дѣлаемъ, жить въ свѣтѣ
„семъ роскошно, и надѣяться потóмъ, не
„принесши наистрожайшаго удовлетворенія,
„прямо и безпрепятственно вселиться въ
„рай, вовсе не дозволяетъ.

„Когда прилѣжно разсуждаю премногія
„отъ Бога полученныя благодѣянія; когда
„простру вниманіе о премногихъ содѣлан-
„ныхъ мною грѣхахъ; когда помышляю о
„премногихъ лѣтахъ, которыя на свѣтѣ
„прожилъ; когда подумаю, коль мало сотво-
„рилъ добрыхъ дѣлъ и принесъ пользы; ког-
„да оглянусь, коль безплодно иждилъ прошед-

„шее

„шее время; то отъ части не хотѣлъ бы „умирать, понеже боюсь явиться предъ су„домъ Христовымъ; а отъ части не желалъ „бы болѣе жить, поелику нѣтъ ужѐ во мнѣ „никакой надобности. Для чегожъ беззакон„нующій человѣкъ долѣе жить на свѣтѣ же„лаетъ? Теперь ужѐ конецъ и предѣлъ моея „жизни, и къ исправленію оной кратчайшее „остается время. Но понеже Богъ ничего не „требуетъ, кромѣ сокрушенія сердечнаго; „то я всѣмъ сердцемъ покаяніе приношу, и „молю его о премѣненіи правосудія на ми„лость. Ибо за множествомъ грѣховъ на„шихъ да даруетъ намъ вѣчную свою сла„ву; необходимо надобно Богу превеликой „недостатокъ человѣческой наполнять отъ „собственныя своея благости.

„Я свидѣтельствуюсь, что умираю въ „святой православной вѣрѣ, и душу мою Бо„гу, тѣло землѣ, а вамъ, Стиликонъ и „Руфинъ, вамъ, говорю, вѣрнымъ Мини„страмъ, любезнѣйшихъ сыновей моихъ „вручаю. Ибо горячнѣйшей къ чадамъ оте„ческой любви великое есть доказательство, „что онъ и посреди болѣзней смертныхъ „забыть ихъ не можетъ. Впрочемъ, объ „одномъ васъ молю, одного отъ васъ тре„бую, одного прошу, и одно вамъ завѣщаваю, „сирѣчь: не замышлять о распространеніи „сынамъ моимъ царствѣ и областей; но все „тщаніе прилагать точію о присоединеніи къ „нимъ добрыхъ Министровъ. Ибо я не

„инымъ

„ инымЪ способомЪ толь многія и толикія „ пріобрѣлЪ и сохранилЪ царства; какЪ тѣмЪ, „ что имѣлЪ вокругЪ себя мужей разумомЪ „ и добродѣтелію сіяющихЪ. Великая поль- „ за Государю имѣть храбрыхЪ на брани „ ПолководцовЪ; но гораздо полезнѣе имѣть „ вЪ домѣ своемЪ людей мудрыхЪ. Ибо на „ сраженіи побѣда заключается вЪ крѣпости „ силЪ многаго народа; но правленіе государ- „ ства иногда препоручается мудрости и „ произволенію единаго человѣка.

„ Сіи толь важныя и подобострастій на- „ полненныя слова произнесЪ ко мнѣ Государь „ мой Ѳеодосій. ЧтожЪ теперь, думаешь, Епи- „ мундЪ, надлежитЪ мнѣ дѣлать, дабы „ исполнить его завѣщаніе? Ибо онЪ ничего „ болѣе не помышлялЪ вЪ своемЪ сердцѣ, „ кромѣ точію, раззорятЪ ли, или распростра- „ нятЪ государство сыны его. Ты ЕпимундЪ, „ природою ГрекЪ, ФилософЪ, человѣкЪ раз- „ умной, старой придворной МинистрЪ, и мнѣ „ вѣрной другЪ. И такЪ изЪ сихЪ причинЪ „ каждая тебя обязуетЪ помогать мнѣ доб- „ рымЪ и полезнымЪ совѣтомЪ. Ибо я часто „ слышалЪ отЪ Государя моего Ѳеодосія, что „ не того мудрымЪ называть должно, кто „ многія или имѣетЪ, или прочелЪ книги; „ но кто искусенЪ вЪ благовременномЪ пода- „ ваніи здравыхЪ совѣтовЪ.

Тогда отвѣтствовалЪ ЕпимундЪ слѣдую- щимЪ образомЪ: „ Не безЪизвѣстно тебѣ, „ СтиликонЪ, что древніе и знаменитые Фи-

„ ло-

„ лософы оставили намъ такое правило, по „ которому истиннымъ Философамъ въ словахъ „ скупыми, а въ дѣлахъ щедрыми быть над- „ лежитъ; а инако, много говорить, и мало „ дѣлать, приличнѣе неистовому тиранну, „ нежели Греческому Философу. Ѳеодосій Им- „ ператоръ былъ твой Государь, а мой другъ. „ Я называю другомъ въ разсужденіи вольно- „ сти Греческаго Философа, который не рабо- „ лѣбствуетъ никакому властителю. Ибо „ не можетъ тотъ назваться Философомъ, „ который уста ко обличенію пороковъ заклю- „ ченныя имѣетъ.

„ Въ одномъ понравился мнѣ Ѳеодосій па- „ че всѣхъ прежде бывшихъ въ Римской Им- „ періи Государей, сирѣчь, что о всѣхъ дѣ- „ лахъ весьма хорошо разсуждалъ, говорилъ, „ и въ исполненіи оныхъ крайнѣ былъ усер- „ денъ. Ибо въ томъ наибольше Государей „ винить должно, что они съ крайнею горяч- „ ностію на словахъ пороки и добродѣтели вы- „ ражаютъ; но съ превеликою холодностію „ оные наказываютъ и исполняютъ. Понеже „ такого сложенія Государи ни постоянно пре- „ бывать въ добродѣтели, которую они хва- „ лили, ни воспротивиться порокамъ, кои „ охуждали, никакъ не могутъ. По истин- „ нѣ, я признаваю, что Ѳеодосій былъ Го- „ сударь весьма правосудной, милосердной, „ великодушной, строгой, благодарной, и на- „ конецъ во всѣхъ случаяхъ и временахъ пре- „ счастливой. Понеже добродѣтельнымъ и сча-

„ сталивымЪ ГосударямЪ не токмо по желанію
„ сердца многія случаются удачи; но еще
„ временемЪ и паче надежды счастіе служитЪ.

„ Но хотя то справедливо, какЪ и самая
„ вещь гласитЪ, что во всѣ времена счастіе
„ Ѳеодосію служило; весьма однакожЪ я сом-
„ нителенЪ, простреется ли оное по порядку
„ и на дѣтей его. Ибо счастіе смертныхЪ на
„ толь коловратномЪ шарѣ кружится, что вЪ
„ сожитіи и одного человѣка тысячу кратЪ
„ перемѣняется на каждую минуту; и кто
„ поручится, что сЪ другимЪ наслѣдникомЪ
„ постоянно и непоколебимо пребудетЪ? ОтЪ
„ кроткихЪ и смирныхЪ коней обыкновенно
„ плодятся сердитыя и лягливыя лошадки;
„ равнымЪ образомЪ и отЪ добродѣтельныхЪ
„ отцовЪ раждаются злонравные и своеобычли-
„ вые дѣти. Ибо несообразныя родителямЪ
„ чада то только, что подлѣе, сирѣчь, богат-
„ ства вЪ наслѣдіе пріемлютЪ; а самаго луч-
„ шаго, то есть, благородства духа лишают-
„ ся.

„ Истинно, какЪ о умершемЪ отцѣ, такЪ
„ и обЪ оставшихЪ сынахЪ я такого мнѣнія;
„ что Ѳеодосій былЪ весьма добродѣтеленЪ,
„ а сыны и кЪ добру и кЪ злу склонны: чего
„ для время уже тебѣ нынѣ наставлять ихЪ
„ на путь, дабы и они добродѣтельными бы-
„ ли. Ибо младолѣтный Государь вЪ превели-
„ кой опасности находится, ежели отЪ отро-
„ чества идетЪ по пути заблудительномЪ. Не
„ для чего мнѣ, СтиликонЪ, подробнѣе гово-

„ рить

„ рить о Аркадіи и Онорiи; и ты не думай, „ чтобЪ я вЪ семЪ случаѣ распространялся вЪ „ даль сЪ моими разсужденіями. Понеже о „ ГосударяхЪ говорить весьма опасно; коихЪ „ какЪ добрыя дѣла похвалять намЪ вольно, „ такЪ напротивЪ того погрѣшности скрывать „ необходимо нужно.

„ Өеодосій, какЪ мудрой отецЪ, просилЪ „ тебя, дабы ты воспитавЪ сыновей его вЪ „ наилучшемЪ ученіи, присоединилЪ кЪ нимЪ „ друзей добронравныхЪ; а я, какЪ пріятель, „ совѣтую остерегать отЪ злонравныхЪ: по- „ тому что хотя равное есть зло, приставать „ вЪ шайку беззаконныхЪ и удалить отЪ себя „ добродѣтельныхЪ; больше однакожЪ вреда „ присутствіе злыхЪ, нежели отсутствіе до- „ брыхЪ причиняетЪ. И можетЪ статься, что „ иной живучи безЪ сообщенія сЪ добрыми, „ самЪ добродѣтеленЪ будетЪ; но обращаясь „ сЪ непотребными, чтобЪ былЪ самЪ кто „ добрымЪ, я очень сомнѣваюсь. Ибо вЪ „ тотЪ день, когда принимаетЪ кто кЪ себѣ „ людей порочныхЪ, обязуется и самЪ быть „ соучастникомЪ пороковЪ.

„ Чего ради, ежели ты, СтиликонЪ, „ исполнить завѣщаніе Государя твоего Өеодо- „ сія толико желаешь, и буде паче чаянія „ того сдѣлать не возможешь, чтобЪ Аркадій „ и Онорій, младолѣтные Государи, жили и „ обращались сЪ добродѣтельными; то по край- „ ней мѣрѣ удаляй отЪ нихЪ злонравное сооб- „ щество. Ибо вЪ домахЪ царскихЪ злонрав-

 „ ные

„ные люди ни что иное суть, какъ попечи-
„тели, коихъ тамъ содержитъ свѣтъ, дабы
„они вмѣсто лавочныхъ сидѣльцовъ служили
„порокамъ. Поелику оба мы видали въ Римѣ
„изъ разныхъ націй (такъ называемыхъ)
„практиковъ, кои забывъ дѣла своихъ Госу-
„дарей, въ роскошахъ токмо и безчиніяхъ
„упражнялись непрерывно; то не стану я
„говорить, какіе въ древнія времена были
„царскіе Министры: ибо какими быть имъ
„должно, всякой удобно разсудить можетъ:
„а токмо предложу не о томъ, какіе съ Го-
„сударями дружески обращаться должны, но
„какихъ въ царскомъ домѣ и терпѣть не
„надлежитъ. Ибо Министры и други царскіе
„толь совершенными быть должны, чтобъ
„ни ножницами (такъ сказать) нечего было
„отрѣзать отъ ихъ жизни, ни въ наперсткѣ
„и иглѣ къ зашиванію и починкѣ славы ихъ
„не имѣлось нужды. Естьли же, Стиликонъ,
„выслушалъ ты все сказанное мною; то по-
„слушай теперь, что я далѣе говорить буду,
„и затверди въ памяти; можетъ быть оно
„со временемъ тебя воспользуетъ.

„Въ домахъ царскихъ не токмо пользо-
„ваться Государевою дружбою, но и обращать-
„ся не должны люди ГОРДЫЕ И СПЕСИВЫЕ.
„Ибо весьма непристойно ближайшими дру-
„гами царскими быть тѣмъ, кои ни ласко-
„выхъ и пріятныхъ словъ, чтобъ хорошо
„повелѣвать, ни кроткихъ и покоривыхъ сер-

„децъ,

„ децЪ, чтобЪ повелѣнія исполнять, не имѣ-
„ ютЪ.

„При царскихЪ домахЪ не токмо быть
„ вЪ числѣ искреннихЪ друговЪ, но и жить
„ не должны люди ЗАВИСТЛИВЫЕ. Ибо еже-
„ ли посреди Вельможь царствуетЪ зависть;
„ непрестанныя какЪ во дворѣ, такЪ и вЪ
„ государствѣ будутЪ несогласія и вражды.

„При царскомЪ дворѣ не точію имѣть
„ вЪ числѣ первыхЪ друговЪ, но и терпѣть
„ не должно людей СЕРДИТЫХЪ. Ибо не рѣд-
„ ко бываетЪ, что, по причинѣ жестокости
„ ближайшихЪ МинистровЪ, подданные Царя
„ ненавидятЪ.

„ВЪ царскомЪ домѣ не токмо особливыми
„ другами, но и вовсе не должно быть людямЪ
„ СРЕБРОЛЮБИВЫМЪ И НЕНАСЫТНЫМЪ. Ибо
„ непосредственною бываетЪ причиною поддан-
„ нымЪ не любить своихЪ Государей, ежели
„ видятЪ, что Министры ихЪ кЪ воспріятію
„ щедротЪ всегда простертыя имѣютЪ руки.

„При дворѣ ни находиться, ни засту-
„ пать первое мѣсто царской милости не дол-
„ жны ПРЕЛЮБОДѢИ. Ибо толь не надежно
„ уповать исправленія похоти, что МинистрЪ,
„ который сЪ безславіемЪ всецѣло во оную по-
„ грузился, всегда бываетЪ, или по крайней
„ мѣрѣ долженЪ быть, подозрительнымЪ Го-
„ сударю.

„Не токмо вЪ ближайшее мѣсто царской
„ дружбы допускать, но и вЪ числѣ придвор-
„ ныхЪ имѣть не должно ПРОЖОРЪ и ПЬЯ-
„ НИЦЪ.

„ницЪ. Ибо, поелику окружающихЪ Государя „главная должность состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ „помогать ему здравыми совѣтами; истинно „по моему разсужденію, отЪ человѣка, кото„рый чрезмѣрно наѣстся и напьется, скорѣе „желудочнаго (прошу извинить) треску, не„жели зрѣлаго и полезнаго совѣта ожидать „можно.

„ВЪ царскихЪ домахЪ ни жить, ни бли„жайшею дружбою пользоваться не должны „БОГОХУЛЬНЫЕ. Ибо МинистрЪ, который „имя Создателя своего явно безчестить дер„заетЪ, гораздо удобнѣе Государя тайно по„носить и ругать будетЪ.

„При царскихЪ домахЪ ни вЪ Министры, „ни вЪ число первыхЪ друговЪ не должно „принимать безЪ мѣры ЛѢНИВЫХЪ и НЕЖ„НЫХЪ. Ибо по промыслѣ БожіемЪ ни что „такЪ не помогаетЪ кЪ распространенію цар„ской державы, какЪ вѣрность и раченіе Ми„нистровЪ и друговЪ ближнихЪ.

„ВЪ царскомЪ домѣ ни имѣть, ни вЪ „первые Министры принимать не должно „людей БЕЗЧЕСТНЫХЪ. Ибо не можетЪ из„бѣгнуть Государь всякаго порока и нарѣканія, „естьли вЪ чертогахЪ своихЪ между Вельможа„ми содержитЪ опороченнаго публичнымЪ без„славіемЪ.

„Царскими Министрами и другами не „должны быть НЕСМЫСЛЕННЫЕ ПРОСТЯ„КИ и НЕВѢЖИ. Ибо не отЪ того разоря„ются царства, что или младолѣтные, или

„не-

,, необузданные, или безчинные Государи,
,, но что несмысленные, лукавые, и злонравные во всѣхъ словахъ и дѣлахъ совѣтники
,, ихъ бываютъ. Горе, горе, горе землѣ той,
,, гдѣ Государь злонравной, рабъ мятежной,
,, Министръ сребролюбивой, и совѣтникъ несмысленной и лукавой обрѣтаются. Ибо
,, въ тѣ поры погибло уже государство, когда
,, въ правителѣ его царствуетъ невѣжество
,, и злоба.

Такимъ образомъ Стиликонъ преславный мужъ, и Епимундъ Философъ о воспитанiи и наставленiи Князей Аркадiя и Онорiя между собою бесѣдовали и разсуждали. А дабы показать предержащимъ Монархамъ и Великимъ Государямъ, уже сидящимъ на престолѣ правленiя, сколь дорого дружбу и сообщенiе съ мудрыми людьми древнiе цѣнили; то кромѣ вышесказаннаго мною, въ доказательство приведу нѣкоторые знаменитые примѣры изъ древности.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Крезъ Лидiйскiй Царь весьма любилъ ученыхъ. Письмо его къ Философу Анахарсису, и на оное Анахарсисовъ отвѣтъ. Также семь родовъ порочныхъ людей при царскихъ дворахъ, съ коими мудрымъ мужамъ дружбу имѣть непристойно, и отъ сообщенiя ихъ убѣгать должно.

Отъ созданiя мiра въ третьемъ вселенныя вѣкѣ, когда царствовалъ у Ассирiанъ Сар-

Сарданапалъ, у Евреянъ Іосія, великимъ первосвященникомъ во Іерусалимѣ былъ Елкій, за жизни Реи, Ромуловой матери, и на второмъ году первой Олимпіады, восприяло начатокъ свой великое и преславное Лидійское царство. По повѣствованію Плинія пятой книги въ 29 главѣ Естественной Исторіи, Лидія есть страна меньшей Азіи, которая издревле Меоніею, а потомъ Лидіею называлась, нынѣ же именуется Морея. Въ семъ царствѣ знаменитѣйшіе города, Ефесъ, Колофонъ, Клазомена и Фокея были. Первый Лидійскій Царь былъ Ардизъ, мужъ благороднаго духа, природою Грекъ, и царствовалъ тритцать шесть лѣтъ; второй Аліактъ, четырнатцать лѣтъ; третій Мелисъ, двенатцать лѣтъ; четвертый Кандавлъ, четыре года; пятый Гигъ, десять лѣтъ; шестой Ардизъ, шесть лѣтъ; седмой Садіаттъ, пятдесятъ семь лѣтъ; девятой Крезъ, который правилъ царствомъ четырнатцать лѣтъ.

О семъ Крезѣ Ксенофонтъ въ седмой книгѣ ученія Кирова повѣствуетъ, что оной одаренъ былъ паче храбростію военныхъ дѣлъ, нежели дородствомъ и красотою тѣла. Хотя же Крезъ былъ на одну ногу хромой, однимъ глазомъ кривой, головою лысой, и толь малорослой, что не много отличался отъ карла; при всемъ однакожъ томъ былъ мужъ весьма правосудной, справедливой, великодушной, кроткой, мужественной, и паче всего врагъ несмысленнымъ, и крайній пріятель уче-

ученымЪ. Сенека вЪ книгѢ о милосердіи повѢствуетЪ, что КрезЪ толико доброхотствовалЪ людямЪ ученымЪ; что Греки, у коихЪ обрѢтался тогда источникЪ витійства, не другомЪ, но любителемЪ мудрецовЪ его называли. Понеже ни одинЪ любовникЪ никогда столько не старался, чтобЪ достать любовницу; сколько онЪ прилагалЪ попеченія, чтобЪ привлечь кЪ себѢ одного мудраго человѢка.

А поелику КрезЪ многими обладалЪ варварскими народами, кои вящшую имѢли охоту проливать неповинную кровь, нежели почерпать наставленія людей мудрыхЪ; то онЪ, какЪ благоразумной Государь, и для собственнаго увеселенія, и поправленія ради царства, вознамѢрился искать премудрѢйшихЪ мужей вЪ Греціи. ВЪ то время процвѢталЪ славнѢйшій ФилософЪ АнахарсисЪ, который будучи родомЪ и воспитаніемЪ изЪ Скиѳіи, жилЪ вЪ АѳинахЪ. Ибо вЪ Аттическую школу не тѢхЪ, кои варварской природы были, но точію злонравныхЪ не допускали. И такЪ отправилЪ КрезЪ кЪ Анахарсису посланника сЪ грамотою и пребогатыми подарками, повелѢвая оному звать, просить и поднести дары увѢщавать его всячески, дабы посѢщенія ради кЪ нему пріѢхать, и способы кЪ поправленію государства предписать не отрекся. Не довольно же казалось Царю, что отправилЪ и поднесЪ чрезЪ посланника премногіе и богатѢйшіе дары; но сверьхЪ того, дабы изЪяснить ему причину сего дѢла, не возгнушался и

 соб.

собственною рукою написать къ нему слѣдующее письмо.

ПИСЬМО КРЕЗОВО КЪ АНАХАРСИСУ.

Крезъ Царь Лидійскій, Анахарсису великому Философу, житущему въ Аѳинахъ, здравія и приращенія добродѣтелей желаетъ.

„ Примѣть, сколь велика моя къ тебѣ „ любовь, что пишу, не видавъ и не зная „ тебя прежде. Ибо мы чего глазами ни„ когда не видали, рѣдко сердечно и въ пра„ вду оное любимъ. Ежели посланные тебѣ „ дары маловажными ставишь, чего оные и „ въ самомъ дѣлѣ достойны, то прошу по„ честь за велико намѣреніе и волю, съ ка„ кими посылаются. Понеже благородныя серд„ ца не на то, что дано, но что дать кто „ намѣренъ, взираютъ. Я хочу исправить „ обычаи варварскаго народа, и видѣть про„ свѣщеннымъ царство; такожъ для собствен„ ной пользы честнаго упражненія, и инаго „ двору моему домостроительства требую; „ напослѣдокъ и о нѣкоторыхъ обстоятель„ ствахъ, касающихся до моей жизни, посо„ вѣтоваться съ мудрымъ человѣкомъ желаю; „ изъ коихъ вещей ни одна безъ твоего при„ сутствія сдѣлаться не можетъ. Ибо ника„ кое похвальное дѣло никогда безъ посред„ ства мудрости не совершается.

„ Я косоглазой, хромоногой, лысой, искри„ вленой, карликъ, черной, горбатой, и сло-

„ вомъ,

„вомъ, чудовище между человѣками. Но всѣхъ „сихъ наружныхъ пороковъ со внутреннимъ „безобразіемъ сравнить не должно; сирѣчь, „я такъ несчастливъ, что ни одного Фило- „софа у себя не имѣю. Ибо нѣтъ ничего въ „свѣтѣ срамнѣе и скареднѣе, какъ вовсе ни „съ однимъ мудрымъ человѣкомъ не имѣть „обращенія или дружбы. Истинно, я кажусь „себѣ мертвъ, хотя несмысленные живымъ „меня почитаютъ; коея смерти причина та, „что нѣтъ у меня ни одного мудраго чело- „вѣка. Ибо тотъ токмо, кто окруженъ му- „дрыми людьми, подлинную жизнь прово- „ждаетъ.

„Прилѣжно прошу тебя ко мнѣ прі- „ѣхать; и безсмертными богами заклинаю „въ томъ не отречься! когда же не хочешь „прозьбамъ моимъ дать мѣста, то по край- „ней мѣрѣ званію твоему внемли. Ибо люди „часто къ дѣланію того, что и слушать бы- „ло противно, не отрекаются являть снисхо- „жденіе, не такъ удовольствія ради чужихъ „желаній, какъ для того, дабы исполнить „званіе благороднаго духа. Что посланникъ „по повелѣнію моему тебѣ поднесетъ или „скажетъ, можешь принять и повѣрить; а я „симъ писаніемъ неложно обѣщаю и увѣряю, „что по пріѣздѣ твоемъ сюда, имѣешь быть „обладателемъ моихъ сокровищъ, первымъ со- „вѣтникомъ въ моихъ дѣлахъ и предпріяті- „яхъ, участникомъ таинъ, отцемъ сыновъ, „наставникомъ царствъ, учителемъ моимъ,

„Княл-

„ Княземъ и главою моего государства. Напо-
„ слѣдокъ, Анахарсисъ будетъ Крезомъ, чтобъ
„ Крезъ былъ Анахарсисомъ. Впрочемъ, молю
„ боговъ, да сохранятъ тебя, и пришествіе
„ твое учинятъ благополучнымъ; прости.

Такимъ образомъ отъѣхалъ посланникъ въ Аѳины, везя съ собою грамоту, и великое множество злата и другихъ бисеровъ. Когда же по случаю засталъ Анахарсиса преподающаго ученіе въ школѣ; то публично выговоря рѣчь посольства, поднесъ дары и вручилъ грамоту, къ немалому всего училища удивленію. Ибо варварскіе Государи не для управленія царствъ, но лишенія ради жизни Философовъ искали.

Впрочемъ Анахарсисъ выслушавъ посольство, разсмотрѣвъ подарки, и принявъ грамоту, не измѣнился въ лицѣ, ни возгордился сердцемъ, ни помѣшался въ языкѣ, ни распалился желаніемъ богатствъ; но въ тужъ минуту предъ всѣми Философами далъ отвѣтъ, и собственною рукою написалъ письмо слѣдующаго содержанія.

АНАХАРСИСОВО ПИСЬМО КЪ КРЕЗУ.

Анахарсисъ послѣднѣйшій Философъ, величайшему и державнѣйшему Лидійскому Царю Крезу приращенія здравія и добродѣтели желаетъ.

„ Много здѣсь какъ о царствѣ твоемъ,
„ такъ и о самомъ тебѣ возвѣщаютъ; а ту-
„ да

„да взаимно какъ о нашемъ училищѣ, такъ
„и обо мнѣ много вѣстей переносятъ. Ибо
„человѣческое сердце крайнѣ утѣшается по-
„знаніемъ свойства и житія всѣхъ людей въ
„свѣтѣ. Желать и стараться о совершенномъ
„познаніи житія беззаконныхъ, для исправле-
„нія собственной нашей жизни, есть пресла-
„вное дѣло. Желать такожъ и стараться о
„познаніи житія добродѣтельныхъ, подра-
„жанія ради оному, не меньше похвально.
„Но чтожъ намъ дѣлать? Беззаконные не
„желаютъ нынѣ освѣдомляться инако о жи-
„тіи подобныхъ себѣ злодѣевъ, кромѣ то-
„чію защищенія ради и прикрытія ихъ по-
„роковъ; и не хотятъ познавать житія добро-
„дѣтельныхъ, какъ токмо утѣсненія ра-
„ди оныхъ. Будь увѣренъ Крезъ, что Гре-
„ческіе Философы не столько пекутся о пре-
„вышеніи добродѣтельныхъ, сколько стара-
„ются о цѣлости отъ беззаконныхъ. Поне-
„же добродѣтельной, когда глазомъ только
„на него посмотритъ, тотчасъ дается въ
„руки; а беззаконнаго, какія ни оказывай
„ему благодѣянія, смягчить не можно. Ис-
„тинно, я легко вѣрю, что ты не такъ,
„какъ здѣсь говорятъ, тирански обладаешь;
„почему и тебѣ не должно вѣрить, что я
„толь многими, какъ другіе тебя увѣдомля-
„ютъ, добродѣтельми изобилую. Ибо тѣ,
„кои новости расказываютъ объ отдален-
„ныхъ царствахъ, кажутся мнѣ похожи на
„нищихъ, имѣющихъ на себѣ изъ премногихъ

„ло-

„ лоскутковъ платье, въ которомъ гораздо
„ больше кусочковъ сукна настегано, нежели
„ изъ сколькихъ сперва оное было сшито.
„ Опасайся, Крезъ, подражать варварскихъ
„ Государей, коихъ слова добрыя, но дѣла
„ худыя. Ибо они стараются ласковою и прі-
„ ятною рѣчью укрывать мерзость своихъ
„ дѣйствій. Не дивись, что мы Философы
„ убѣгаемъ сообщенія царствами обладающихъ
„ Государей. Ибо злонравные Государи не на
„ иной конецъ мудрыхъ людей при себѣ
„ имѣть желаютъ, какъ токмо чтобъ было
„ чѣмъ въ погрѣшностяхъ своихъ извиняться.
„ Понеже вы дѣлая много беззаконій и непра-
„ вды, хотите оправдиться, якобы оное по
„ совѣту мудрыхъ людей учинили. Вѣдай же,
„ о Царь Крезъ! что Государю желающему
„ съ похвалою управлять подданными своими,
„ не довольнѣ содержать при домѣ своемъ одного
„ токмо Философа. Ибо нѣтъ ничего несправе-
„ дливѣе, какъ управленіе многихъ ввѣрить про-
„ изволенію и разсудку одного токмо человѣка.

„ Что на словахъ сказалъ твой посланникъ,
„ то самое нахожу я и въ грамотѣ; сирѣчь,
„ якобы ты извѣстился, что вся Греція по-
„ читаетъ меня мудрымъ человѣкомъ: а по-
„ елику оно и въ самой вещи такъ есть, то
„ просишь, дабы не отрекся я поѣхать для
„ управленія твоимъ государствомъ. Одна-
„ кожъ слова твои съ дѣлами не согласны,
„ которыя явственно доказываютъ, что ты
„ меня весьма безразумнымъ ставишь; ибо

„ по-

„поелику думалось тебѣ, якобы я пріиму „твое золото; что иное значило, кромѣ „одну точію надъ моимъ невѣжествомъ и „глупостію издѣвку? Это-то Лидійской камень, которымъ пробуютъ истиннаго Философа; сирѣчь, въ правду ли онъ тлѣнныя „презираетъ вещи? ибо никогда согласны „не бываютъ, и не живутъ въ одномъ мѣ„стѣ, вольность духа и попеченіе о благихъ „сея жизни. Повѣрь мнѣ, Крезъ, не того „мудрымъ человѣкомъ называть должно, ко„торый весьма хорошо знаетъ небесные бѣ„ги; но который наименьше разумѣетъ зем„ныя вещи. Ибо истинный Философъ вящ„шую пользу отъ невѣдѣнія зла, нежели отъ „познанія добра почерпаетъ. Будь извѣстенъ, „что я уже отъ роду шесдесятъ семь лѣтъ „имѣю, и во всю жизнь не почувствовалъ „такого оскорбленія, какъ въ то время, ког„да по окончаніи посланникомъ твоимъ рѣчи, „увидѣлъ положенныя предъ стопами моими „толикія богатства. Ибо сей поступокъ, или „въ тебѣ скудость разума, или во мнѣ изо„биліе сребролюбія обличать былъ долженъ. „И такъ, присланное отъ тебя золото на„задъ посылаю. Посланникъ же твой возвѣ„ститъ тебѣ, колико всю Грецію твое золо„то раздражило. Ибо ни слыхано, ниже ви„дано, чтобъ когда золото въ Аттическую „школу вносили. Ибо Греческимъ Философамъ „не точію вмѣнилосьбъ въ порокъ имѣть „богатства, но сочтенобъ было за безчестіе

„и

„ и желать оныхЪ. Естьли не вѣдаешь, КрезЪ,
„ то надлежитЪ быть свѣдому, что мы вЪ
„ ГреческихЪ училищахЪ, не повелѣвать, но
„ повиноваться; не говорить, но молчать; не
„ противиться, но смиряться; не многаго
„ желать, но малымЪ довольствоваться; не
„ мстить за оскорбленіе, но прощать обиды;
„ не чужое похищать, но собственное давать;
„ не за славой гоняться, но за добродѣтелью
„ слѣдовать привыкаемЪ. НаконецЪ, знай,
„ что мы любимую отЪ прочихЪ вещь, то
„ есть богатства, ненавидимЪ; и то, что
„ другіе ненавидятЪ, сирѣчь, нищету любимЪ.

„ Ты думалЪ, что я золото твое или
„ пріиму, или онаго возгнушаюсь. Ежели по-
„ мышлялЪ, что возьму; то было бы справе-
„ дливо не допустить меня потомЪ вЪ твои
„ чертоги. Ибо крайнѣ неблагопристойно Го-
„ сударю принимать и жаловать сребролюби-
„ ваго человѣка. Буде же мыслилЪ, что не
„ пріиму; то неразумно сдѣлалЪ, посылку
„ его ко мнѣ затѣявЪ напрасно. Ибо нико-
„ гда не прилично ГосударямЪ всчинать того,
„ что по разсужденію ихЪ умалитЪ должное
„ подвластнаго народа кЪ нимЪ почтеніе. По-
„ думай, КрезЪ, что мало пользы требовать
„ отЪ врачей прилѣжнаго наблюденія. ежели
„ предписанія ихЪ исполнить нѣтЪ охоты:
„ равнымЪ образомЪ не токмо ничего не вос-
„ пользуетЪ, но еще и повредитЪ твоему го-
„ сударству приходЪ мой, ежели наставленій
„ моихЪ никто слушать не будетЪ. Ибо
„ крайнѣ

„ крайнѣ бываетъ вредительно, естьли питьями приведя въ движеніе соки, для испражненія оныхъ никакихъ потомъ проносныхъ лекарствъ употреблять не станутъ.

„ Правда, я готовъ исправленія ради варварскаго царства, и во удовольствіе благочестнѣйшаго твоего намѣренія, прозьбамъ твоимъ дать мѣсто, и повелѣнія исполнить; точію съ тѣмъ условіемъ, ежели ты обѣщаешь мнѣ остерегаться слѣдующихъ обстоятельствъ. Ибо земледѣлецъ, не вспахавъ и не перераливъ своей нивы, засѣвать ее не долженъ.

„ ВО ПЕРВЫХЪ, надобно тебѣ искоренить худую привычку, съ которою обыкновенно варварскіе Цари собираютъ токмо, а не употребляютъ богатства. Ибо статься не возможно, чтобъ Государь, сердце коего стѣснено безмѣрною жадностію къ сребру и злату, способенъ былъ къ вомѣщенію добрыхъ совѣтовъ.

„ ВО ВТОРЫХЪ, не точію отъ сообщенія твоего, но и отъ двора отрѣши всѣхъ ласкателей. Ибо Государь слушающій и любящій ласкательства другомъ истинны быть не можетъ.

„ ПРИТОМЪ, успокойся отъ незаконной войны, производимой тобою съ Коринѳянами. Ибо всякой Государь, которому пріятна съ иностранными внѣшняя брань, необходимо долженъ ненавидѣть внутреннюю тишину и покой своего царства.

„СВЕРЬХЪ ТОГО, не допускай въ домъ „твой, и не принимай въ дружбу, комедіан„товъ, насмѣшниковъ и шутовъ. Ибо Госу„дарь, который слушаніемъ смѣхотворныхъ „и безплодныхъ дѣлъ забавляется, къ испра„вленію потомъ, во время нужды, важныхъ, „добрыхъ и полезныхъ будетъ неспосо„бенъ.

„КРОМѢ ТОГО, потщись возбранить со„общеніе съ тобою, и заключить домъ твой „празднымъ и тунеядцамъ. Ибо лѣность и „нерадѣніе суть смертельные непріятели „мудрости.

„Удали ТАКОЖЪ и сошли со двора и „жилища твоего всѣхъ ябедниковъ и лживыхъ. „Ибо въ царскомъ домѣ свободно обитающая „ложь предзнаменуетъ имѣющую воспослѣдо„вать пагубу и разореніе Царю и царству.

„НАПОСЛѢДОКЪ, обѣщай, что по жизнь „твою никогда не оскорбишь меня принужде„ніемъ взимать отъ тебя какія либо вещи. „Ибо въ самой тотъ день, когда ты прель„стишь меня подарками, необходимо надобно „будетъ и мнѣ тебя худыми обольстить совѣ„тами: поелику здраваго и мудраго совѣта не „отъ инаго, кромѣ отъ незараженнаго сребролю„біемъ человѣка ожидать можно.

„На сихъ основаніяхъ ежели Крезъ тре„буетъ Анахарсиса; то Анахарсисъ дружбу „съ Крезомъ имѣть согласенъ. Въ противномъ „же случаѣ, я лучше желаю быть ученикомъ „мудрыхъ Философовъ, нежели Царемъ не-

„смы-

„ смысленныхъ варваровъ. Прости и благоден-
„ ствуй Царь!

Сколь человѣколюбной и добросердечной былъ Крезъ, который будучи толикимъ Государемъ, къ подлому Философу писать не возгнушался: и сколь великодушной былъ Философъ; также сколь важны суть выше изображенныя его слова, о томъ изъяснять нѣтъ нужды: поелику оное изъ самаго письма довольно явствуетъ. Пускай же съ одной стороны примѣчаютъ Государи, каковы должны быть тѣ мудрые люди, коихъ они избирать желаютъ; а съ другой и самые Философы со вниманіемъ затвердятъ въ памяти, на какомъ основаніи надлежитъ имъ вступать въ царскіе домы. Ибо сіе взаимство такія вкругъ себя околичности имѣетъ, что рѣдко случается, дабы который ни есть изъ сихъ условщиковъ обманутъ не былъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

О Фаларидѣ тираннѣ, премудромъ мужѣ, который умертвилъ художника, изобрѣтшаго новой родъ мученія: питіевзятыя его мнѣнія, взятыя изъ писемъ: также отмѣнная любовь къ ученымъ, и письмо къ Философу, отъ коего обличенъ былъ въ тиранской власти.

Въ послѣднемъ году Латинскаго, и первомъ Римскаго царствѣ, когда царствовалъ у Евреянъ Езекія, великимъ Первосвященникомъ былъ Азарія, въ Іудеѣ обрѣтался пророкъ Авва-

Аввакумъ, въ Вавилонѣ обладалъ Меродахъ, и въ то время, какъ Лакедемоняне создали городъ Византію, называемую нынѣ Константинополь, жилъ славнѣйшій тираннъ Фаларидъ. О семъ Фаларидѣ повѣствуетъ Овидій, что онъ былъ лицемъ крайнѣ безобразной, глазами косой, и къ собиранію богатства весьма жадной: сверьхъ того въ обѣщаніяхъ вѣроломной, къ другамъ неблагодарной, и къ непріятелямъ безмѣрно свирѣпой; словомъ: всѣ пороки, какіе въ каждомъ тираннѣ порознь находилися, въ немъ единомъ совокуплены были вмѣстѣ. Но хотя премного выдумалъ онъ непотребствъ, и премного надѣлалъ мучительствъ, при всемъ однакожъ томъ единою добродѣтелію преимуществовалъ тираннъ сей; сирѣчь, что какъ между всѣми тираннами отмѣннымъ безчеловѣчіемъ, такъ напротивъ того къ Философамъ и мудрымъ людямъ отличнымъ почтеніемъ и любовію прославился.

Цѣлыя тритцать шесть лѣтъ, въ кои царствовалъ, никому не вѣрилъ брить бороду; никого не точію въ спальню, но и въ домъ свой не допускалъ съ собою кушать или бесѣдовать; и ни на кого, какъ повѣствуютъ, не посмотрѣлъ никогда лицемъ веселымъ, кромѣ однихъ Философовъ и людей весьма ученыхъ, которымъ какъ имѣнія, такъ и самую жизнь свою ввѣрялъ смѣло. Притомъ часто говаривалъ Фаларидъ: „что Государь, который „удаляя отъ себя людей мудрыхъ, съ не-

„смы-

„ смысленными дружитЪ и обращается; гра-
„ жданамЪ Государь, а самому себѣ лютой
„ мучитель бываетЪ: ибо тягостнѣе жить
„ посреди невѣжЪ, нежели умереть между
„ людьми мудрыми.

Публій вЪ шестой книгѣ о дѣлахЪ РимскихЪ повѣствуетЪ, что нѣкоторый живописецЪ Октавію Цесарю преславную поднесЪ картину, на которой вЪ верьху всѣ добродѣтельные Государи, и вЪ первомЪ посреди ихЪ мѣстѣ самЪ Октавій; а вЪ низу картины всѣ мучители, и первой между ими ФаларидЪ, изображены были. Октавій посмотря картину, хотя искуство живописи похвалилЪ, но выдумку похулилЪ; и для того сказалЪ: мнѣ
„ кажется несправедливо, чтобЪ пока я вЪ
„ живыхЪ обрѣтаюсь, сочли меня главою добро-
„ дѣтельныхЪ Государей, ужѐ умершихЪ.
„ Ибо доколѣ продолжаетЪ теченіе бѣдствен-
„ ная сія жизнь, всѣ мы подвержены стра-
„ стямЪ слабыя плоти. Кромѣ того кажется
„ мнѣ неправильно, что ФаларидЪ поставленЪ
„ главою и начальникомЪ всѣхЪ тиранновЪ:
„ ежели онЪ свирѣпствовалЪ и враждовалЪ токмо на неученыхЪ и несмысленныхЪ, а Фи-
„ лософовЪ и людей мудрыхЪ вЪ толикой со-
„ держалЪ любви и милости.

КакЪ разошелся по всей Греціи слухЪ о ФаларидовомЪ безчеловѣчіи; то Аѳинской гражданинЪ ПериллЪ, вЪ рѣзбѣ и литьѣ мѣди преискусной художникЪ, пришедЪ кЪ Фалариду, обѣщалЪ состроить ему особливой родЪ

 мучи-

мучительнаго орудія, къ наказанію преступниковъ, и къ удовольствію мщенія весьма способной. И такъ ремесленникъ оный сдѣлалъ мѣднаго быка, на боку коего хитрымъ мастерствомъ устроилъ двери, куда заключенные преступники, отъ раскладеннаго подъ исподомъ огня въ нутри жарясь, испущали ревъ быка живаго; такъ что не токмо долговременнымъ и тайнымъ мученіемъ осужденные терзались, но и самая лютость мукъ зрителей устрашала: чему дивиться не должно. Ибо милосердное, и не вконецъ безчеловѣчіемъ разсвирѣпѣвшее сердце неменьше зря чужую болѣзнь, какъ и собственную чувствуя муку и терзанія, страждетъ.

Усмотря же Фаларидъ выдумку муки, за которую изобрѣтатель пребогатаго уповалъ награжденія; повелѣлъ самаго затѣйщика такой новости запереть въ быка, дабы первой онъ отвѣдалъ сквернѣйшей художества своего работы; который поступокъ не свирѣпому тиранну, но милосерднѣйшему Государю и премудрому Философу былъ приличенъ. Ибо какая лютость можетъ быть справедливѣе, какъ та, чтобъ безчеловѣчнаго изобрѣтенія своего самъ изобрѣтатель вкусилъ прежде? Когда же разнесся слухъ о благосклонности, какову оказывалъ Фаларидъ къ людямъ мудрымъ; то пришли къ нему посѣщенія ради Греческіе Философы, коихъ онъ принялъ весьма честно; хотя вящшую они отъ богатствъ

его,

его, нежели самъ Фаларидъ отъ ученія ихъ, пользу получили.

Впрочемъ Фаларидъ не токмо въ особливой любви содержалъ людей мудрыхъ и ученыхъ; но и самъ былъ весьма ученой, и наипаче въ моральной Философіи крайнѣ знающъ. Сіе явствуетъ изъ собственноручныхъ его писемъ; а не изъ житія, которое велъ, какъ тираннъ, вовсе противнымъ образомъ; такъ что я не знаю, вящшее ли онъ въ витійствахъ изображенныхъ перомъ, или въ безчеловѣчіи и убивствахъ учиненныхъ мечемъ, имѣлъ первенство. Ахъ, сколь много въ семъ обстоятельствѣ мимошедшими вѣками у Фаларида было подобныхъ ему товарищей! даруй Богъ, чтобъ не имѣлъ онъ ужѐ ни одного въ настоящее время! кои въ сладкорѣчіи, кажется, Нерона подражаютъ. Я не читалъ ничего инаго о прешедшихъ, ни видалъ между настоящими, кромѣ что многіе велерѣчатъ добродѣтели, и безчисленные спремятся за пороками. Ибо мы весьма тверды языкомъ, но крайнѣ слабы плотію.

Хотя же Фаларидовы письма всѣмъ знающимъ Греческой и Латинской языкъ довольно извѣстны; однако для неучившихся тѣмъ языкамъ разсудилось, выбравъ изъ оныхъ мнѣнія, предложить на природномъ языкѣ, съ двоякимъ намѣреніемъ: во первыхъ, дабы усмотрѣли Государи, сколь полезно процвѣтать мудростію; поелику и тиранны за похвалу себѣ вмѣняли, что и сами были премудры,

мудры, и другихъ могли научить преизящнымъ правиламъ. Во вторыхъ, чтобъ увидѣли простолюдины, сколь легко хорошо говорить, и сколь трудно хорошо дѣлать. Ибо ничего дешевлѣ не достанешь въ свѣтѣ, кромѣ одного точію совѣта. И такъ мнѣнія изъ Фаларидовыхъ писемъ, сколько возможно было короче и лучше выбрать, предлагаются ниже сего.

,, Благосклонность, которою Государи другихъ отмѣнно передъ прочими снабдѣваютъ, ,, часто подаетъ причину къ великимъ движеніямъ въ царствахъ ,,. Понеже отъ любви къ одному, и изъ отвращенія и презрѣнія къ другому, раждается ненависть; отъ ненависти произрастаютъ худыя мысли; отъ худыхъ мыслей происходитъ злоба; отъ злобы заимствуютъ начало поносительныя рѣчи; а отъ поносительныхъ рѣчей доходитъ и до самихъ злодѣйствъ; словомъ: Государь, равныхъ въ неравенствѣ содержащій, не иное что либо дѣлаетъ, какъ точію разжигаетъ огонь въ государствѣ.

,, Государи возбранятъ, и мудрые люди ,, всячески не допускать должны, чтобъ мятежники возмущали подданныхъ, и обезпокоивали миролюбивыхъ ,,. Ибо во время народнаго бунта тотчасъ пробуждается похоть, возрастаетъ сребролюбіе, упадаетъ правосудіе, господствуетъ насиліе, царствуютъ хищенія, свободно распространяется невоздержаніе, преодолѣваютъ беззаконные,

утѣ-

утѣсняются добродѣтельные: наконецъ, всякъ съ чужимъ вредомъ промышляетъ о собственной пользѣ.

„Многіе легкомысленные человѣки возбуж„даютъ въ подданныхъ мятежи, чрезъ един„ственное замѣшательство народа, приращенія богатствъ и чести себѣ уповая: однакожъ „въ краткомъ времени не токмо искомаго от„чаяваются, но купно лишаются и того, „чѣмъ прежде владѣли„. Ибо не единожды, но сто кратъ справедливо, чтобъ такіе опытомъ научилися тому, чего слѣпая злоба ихъ знать не допускаетъ.

„Весьма полезно подданнымъ имѣть „правителей небезчастныхъ; но отъ природы „счастіемъ одаренныхъ„. Ибо снисхожденіемъ фортуны многіе счастливымъ Государямъ по желанію сердца, а временемъ еще и множайшія и лучшія, нежели чаяли, удачи бываютъ.

„Великодушные и сильные Государи при „свиданіи съ другими Государями, или въ „знатномъ собраніи Вельможъ, вольностью „духа, широтою царства, достоинствомъ „своего лица, любовію общества, паче же все„го благочиніемъ двора, такожъ преимуще„ствомъ и важностью фамиліи и совѣта хва„литься должны„. Ибо мудрымъ и остроумнымъ людямъ, не на одежды, коими Государь облеченъ, но на употребляемыхъ имъ совѣтниковъ взирать надлежитъ.

 „Разум-

„ Разумные и незараженные сребролюбіемЪ „ мужи постарався, елико возможно, о собраніи богатства, кЪ расточенію и иждивенію „ онаго сЪ пользою все вниманіе свое потомЪ „ простирать должны „. Ибо нѣтЪ никого бесчастнѣе, какЪ тотЪ человѣкЪ, который вЪ употребленіи сЪ пользою богатства самимЪ собою обладать не можетЪ.

„ Поелику фортуна всѣми вещьми господ„ствуетЪ, и всѣ добрыя и худыя слѣдствія „ отЪ нея зависятЪ; то одинЪ токмо тотЪ „ героемЪ назваться достоинЪ, который во „ всѣхЪ, какіябЪ ни случились, перемѣнахЪ „ счастія оказываетЪ себя непобѣдимымЪ „. Ибо, по сущей справедливости, тотЪ человѣкЪ благороднѣйшимЪ одаренЪ духомЪ, коего сердечной крѣпости сила несчастія преодолѣть не можетЪ.

„ Ежели хвалимЪ кого за искусное брос„ аніе копьемЪ, не слѣдуетЪ по той причинѣ „ хвалить, что онЪ хорошо дѣйствуетЪ и „ перомЪ; и кто хорошо дѣйствуетЪ перомЪ, „ не бываетЪ однакожЪ для того краснорѣчивЪ „ языкомЪ; и кто краснорѣчивЪ языкомЪ, не „ всегда имѣетЪ здравое ученіе; и кто снаб„ дѣнЪ здравымЪ ученіемЪ, не пользуется „ для того доброю славою; и ежели кто „ находится вЪ доброй славѣ, не провождаетЪ „ потому жизнь свою непорочно „. Ибо многихЪ писателей токмо нравоученія принимать, а не житіе, каково они провождали, подражать надлежитЪ.

„ИзЪ всѣхЪ званій нѣтЪ ни одного тяго„стнѣе, какЪ отправлять долгЪ наказанія „чужихЪ погрѣшностей: „ почему сего не инако, какЪ смертоносной язвы, всѣмЪ мудрымЪ людямЪ убѣгать надлежитЪ. Ибо за наказаніемЪ извѣстнѣе слѣдуетЪ на наказывающаго ненависть и вражда, нежели наказываемаго исправленіе.

„ТотЪ много добра имѣетЪ, кто имѣетЪ „вѣрныхЪ и искреннихЪ друговЪ„. Ибо многіе, когда только льзя было, другамЪ своимЪ пособили; а еще и больше пособили бы, естьлибЪ возможность ихЪ кЪ тому допустила. Поелику истинная любовь ни перестаетЪ любить, ни изнемогаетЪ подавая руку помощи.

„РазумнымЪ людямЪ, хотя бы они и „много потеряли, о возвращеніи вЪ нѣкоторое „время отчаяваться не должно „. Ибо ни времена обыкновенныхЪ перемѣнЪ дѣлать не престаютЪ, ни други званія своего отправлять не упускаютЪ.

„ГордымЪ и высокопарнымЪ по большой „части печальныя бываютЪ слѣдствія: кЪ „поправленію чего весьма дѣйствительное и „надежное средство, ежели временемЪ вЪ не„счастіи пострраждутЪ.„ Понеже бѣдствія разумному человѣку умножаютЪ спокойство, и умаляютЪ опасность.

„КакЪ бы мы ни оправдали преступника, „нѣтЪ однакожЪ ни одного виновашаго, и „нѣтЪ ни одной такой вины, чтобЪ не за„слу-

„ служивали наказанія.„ Ибо побужденіемъ вспыльчивости учинившій преступленіе, сдѣлалъ худо; но тотъ, который оное учинилъ умышленно и нарочно, сдѣлалъ гораздо хуже.

„ Все съ разсужденіемъ дѣлать хорошо; „ но и совершить оное порядочнымъ образомъ „ не худо: однако весьма трудно.„ Ибо осторожные люди съ крайнимъ вниманіемъ дѣла свои по всѣмъ обстоятельствамъ разсматриваютъ, и толикія въ нихъ трудности и препятствія находятъ, что не приступаютъ никогда къ рѣшительному предпріятію.

„ Правящему царствомъ сихъ двухъ претыканій, то есть, излишняго въ дѣлахъ „ поспѣшенія и продолженія убѣгать должно; „ но изъ оныхъ безмѣрная скоропостижность „ вреднѣе.„ Ибо ежели по причинѣ медлительнаго разбирательства, того, что могли получить, не достигаемъ; то чрезъ скорое предпріятіе и пріобрѣтеннаго лишаемся.

„ За излишнею торопливостію повседневно „ многія слѣдуютъ вредности.„ Ибо нетерпѣливаго, скоропостижнаго, и пышностью надменнаго сердца суть неразлучные спутники: замѣшательство, тоска, безпокойство, различныя перемѣны и щщетность, съ коими богатствъ потеряніе и собственноличная его пагуба сопрягаются вмѣстѣ.

„ Поелику всѣ естественно желаютъ быть „ счастливыми; то одного токмо того изъ „ всѣхъ счастливыхъ счастливѣйшимъ назвать

„ должно,

„ должно, о которомъ совершенно можемъ до„ казать, что онъ и къ добродѣтельному жи„ тію правила предписалъ, и къ честной „ смерти собою примѣръ другимъ оставилъ.

Сіи и другія множайшія витійства и нравоученія изобразилъ Фаларидъ въ своихъ письмахъ, кои въ пользу свою Цицеронъ во многихъ сочиненіяхъ, такожъ Сенека въ посланіяхъ, и иные многіе въ книгахъ своихъ употребили. Ибо тираннъ сей хотя въ словахъ былъ краткорѣчивъ, но въ мнѣніяхъ остроуменъ. А какъ жилъ Фаларидъ въ Агригентѣ; то нѣкто изъ Греческихъ Филисофовъ написалъ къ нему письмо, тиранствомъ его укоряя, которому Фаларидъ отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ:

ФАЛАРИДОВО ПИСЬМО КЪ ФИЛОСОФУ ПОФАРКУ.

Фаларидъ Агригентскій Пофарку Философу здравія и веселія отъ боговъ утѣшителей желаетъ.

„ Письмо твое получилъ я въ Агригентѣ, „ которое хотя заключаетъ въ себѣ нѣчто „ укорительное, нимало однакожъ меня не „ оскорбило. Ибо на произносимыя отъ му„ дрыхъ, каковъ ты, Философовъ, жестокія „ слова гнѣваться не прилично; но о намѣ„ реніи ихъ, съ какимъ говорятъ, разсуждать „ должно. Вспыльчивые и злобные люди слова „ токмо вѣсятъ и мѣряютъ, а добродѣтель„ ные и смиренные мужи, кромѣ напряженія

„ мы-

„ мыслей ни на что не взирают. Понеже „ естьли бы мы каждое произносимое к нам „ слово уважать старались; то и самим се„ бѣ причинялиб тоску и досаду, и в об„ ществѣ непрестанныя продолжалиб вражды.

„ Я тиранн и тирански обладаю; но „ клянусь богами, что ни одно, доброе ли, „ или худое слово, никогда меня не поколе„ бало. Ибо ежели говорит человѣк добро„ дѣтельный, вѣдаю, что он говорит то „ в мое наказаніе и исправленіе: а когда бол„ тает несмысленной, то слова его пріемлю „ за смѣх и утѣху. Что же пишешь, яко „ бы всю Грецію оскорбляет молва, какая „ там обо мнѣ носится; я взаимно тебѣ „ объявляю, что весь город Агригентской „ слухом, о тебѣ здѣсь разсѣваемым, край„ нѣ утѣшается; которой похвалы и славы „ не малую часть ты мнѣ долженствуешь. „ Понеже естьли бы не находились в толи„ кой ненависти тиранны; не былиб толь „ любезны и Философы. Ты и названіем, „ и самым дѣлом добродѣтелен; а я и счи„ таюсь, и самою вещію есмь злонравен. Но „ мнѣ кажется по той причинѣ ни тебѣ пре„ возноситься, ни мнѣ отчаяваться не дол„ жно. Ибо теченіе жизни долголѣтно, и раз„ личныя чрез короткое время бывают в „ нем перемѣны счастія; слѣдовательно, „ легко статься может, что я из тиранна „ буду Философом, а ты из Философа слѣ„ лаешся тиранном.

„ Раз-

„Разсуди, другъ мой, что долготою вре-
„мени земля превращается въ сребро; и на-
„противъ того сребро и злато премѣняется
„въ пригарь; сирѣчь: не имѣлось еще никогда
„въ Сициліи или Агригентѣ тиранна, кото-
„рый бы не прежде въ Греческихъ училищахъ
„былъ воспитанъ. Я не спорю, что всѣ зна-
„тные тиранны воскормлены въ Сициліи; но
„и самъ ты не воспротиворѣчишь, что оные
„рождены въ Греціи. Посмотрижъ теперь,
„которая сторона изъ нихъ виноватѣе? мать
„ли, которая ихъ родила; или кормилица,
„которая воспитала? Я не утверждаю, что
„сдѣлается, но токмо говорю, статься мо-
„жетъ, что естьли бы я находился въ Гре-
„ціи, былъ бы лучшимъ, нежели ты Фи-
„лософомъ; и напротивъ того, ежелибъ ты
„обрѣтался владѣтелемъ въ Агригентѣ, то
„былъ бы худшимъ, нежели я, тиранномъ.

„Прилѣжно прошу разсудить, что ты
обращаешся въ Греціи, гдѣ можешь быть
„еще лучшимъ; а я живу въ Агригентѣ, гдѣ
„могу быть еще худшимъ. Ибо ни ты
„столько добра, сколько долженъ; ни я столь-
„ко зла, сколько могу, не дѣлаемъ.

„Пришелъ ко мнѣ Периллъ, знатный
„художникъ, и вылилъ изъ мѣди быка, изо-
„брѣлъ въ немъ родъ мученія, всѣхъ, какія
„видѣла подсолнечная, лютѣйшій; почему я
„не безъ справедливости принудилъ, чтобъ
„изобрѣтатель на самомъ себѣ испыталъ
„своего непотребства. Ибо нѣтъ справедли-
„вѣй-

„вѣйшаго закона, какъ художниковъ, кои на „умерщвленіе другихъ новую вымыслили хи„трость, принуждать, дабы сами прежде „плодовъ своего ремесла вкусили. Усердно „прошу, пріѣхать ко мнѣ посѣщенія ради, „и увѣряю, что хотя тиранская власть очень „сильна удержать меня въ злонравіи; одна„кожъ твоя Философія вящшую имѣетъ силу „сдѣлать меня добродѣтельнымъ. Ибо врачу „за хорошій знакъ считать должно, ежели „страждущій человѣкъ болѣзнь открываетъ. „Въ заключеніе паки прилѣжно прошу, не „оставить меня посѣщеніемъ. Ибо, ежели ты „мнѣ полезенъ не будешь, вѣдай, что самъ „отъ меня всеконечно пользу пріобрящешь; „а прибыль твоя мнѣ убытка никогда не „сдѣлаетъ. Прости и благоденствуй.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Объ отличномъ Филиппа Македонскаго Царя, великаго Александра, Птоломея, Антигона, Архелая, и Епирскаго Царя Пирра благоволеніи къ мудрымъ и ученымъ людямъ, коихъ дружбою и совѣтами пользовались. Пять вещей Государямъ отплакивать должно. Пирръ благодарилъ Богу за трoякое благодѣяніе.

Естьли Квинту Курцію вѣримъ, то Александръ, Филиппа Македонскаго Царя сынъ, пріобрѣлъ названіе великаго, не столько по той причинѣ, что въ войскѣ его многія тысячи полковъ находилися; сколько потому, что

что большее число, нежели другіе Государи, въ совѣтѣ имѣлъ Философовъ. Сей великій Государь никогда не всчиналъ войну, пока мудрецы и Философы въ присутствіи его не изслѣдовали способовъ и порядка ко отправленію оныя; что по истиннѣ дѣлалъ весьма разумно. Ибо въ тѣхъ токмо дѣлахъ счастливаго успѣха надѣяться можно, кои долговременное и зрѣлое разсужденіе предварило.

И по истиннѣ какъ Греческіе, такъ и Латинскіе Историки, кои писали о великомъ Александрѣ, не ограничиваютъ, съ вящшимъ ли свирѣпствомъ онъ поражалъ непріятелей, или съ большимъ снисхожденіемъ принималъ совѣты. Хотя же въ свитѣ Александровой многочисленные мудрецы и Философы находилися; однакожъ, паче другихъ, въ отмѣннѣйшемъ почтеніи и довѣренности содержалъ Аристотеля, Анаксарха и Онесикрита; чѣмъ доказалъ онъ великой свой разумъ. Ибо мудрымъ Государямъ совѣты слушать многихъ, но въ рѣшительномъ опредѣленіи на мнѣніяхъ токмо малаго числа совѣтниковъ утверждаться надлежитъ. Не довольно же казалось Александру многихъ при себѣ имѣть мудрецовъ, и къ тѣмъ, кои не его были, посылать посѣщенія ради; но сверьхъ того весьма часто и самъ для свиданія, посѣщенія и совѣтованія приходилъ ко онымъ, сказывая, что Государи служа и раболѣпствуя мудрымъ людямъ, сами

напослѣдокъ учителями и обладателями всѣхъ бываютъ.

Въ вѣкѣ сего великаго Александра жилъ Діогенъ, котораго ни прозьбами, ни обѣщаніями, не токмо къ житью съ Александромъ, но ниже къ единственному посѣщенію не могли склонить ни въ какое время: чего ради Александръ желая видѣть его, самъ къ нему поѣхалъ, и когда поприлѣжнѣе просилъ, дабы онъ причтеннымъ быть въ свиту его согласился; то Діогенъ сказалъ ему во отвѣтъ: „Ежели ты, о Александръ! въ дружбу свою „меня пріемля, стараешся чрезъ то получить славу; то несогласно съ правдой, „чтобъ я потерялъ оную, оставя школу и „науки. Ибо когда я тебѣ послѣдую; то ужѐ „слѣдовать мнѣ за самимъ собою перестать „необходимо надлежитъ. И естьли я буду „твоимъ; то надобно ужѐ тогда перестать „мнѣ быть своимъ собственнымъ. Ты покоряя свѣтъ, пріобрѣлъ названіе великаго; „а я убѣгая отъ свѣта, получилъ имя добраго Философа. Естьлижъ мнится тебѣ, что „ты попалъ въ цѣль и удовольствовалъ желанія; то и я, думаю, не ошибся. И понеже непріятно тебѣ быть меньшимъ Александра; то не думай, чтобъ и я, восхотѣлъ потерять достоинство Философа. Ибо „нѣтъ ни одной утраты важнѣе въ свѣтѣ, „какъ потеряніе вольности.

Вы-

Выслушавъ сіе Александръ, и обратясь къ предстоящимъ, сказалъ громкимъ голосомъ: ,, кленусь милостію боговъ, и управляющимъ ,, десницу мою на брани великимъ Марсомъ! что ,, естьлибъ не былъ я Александромъ, желалъ бы ,, быть Діогеномъ. Потомъ примолвилъ по моему ,, мнѣнію, не возможно вздумать большаго сча-,, стія въ свѣтѣ, какъ ежелибъ былъ кто или ,, Александръ, который всѣми обладаетъ; или ,, Діогенъ, чтобъ обладая Александромъ, обла-,, далъ всѣми.

А какъ изъ Философовъ, такъ и изъ книгъ однѣ другихъ Александру любезнѣе были. И во первыхъ, повѣствуютъ, что онъ повседневно упражнялся въ чтеніи Омировой Иліады, содержащей въ себѣ разореніе Трои, которую книгу вмѣстѣ съ копьемъ и мечемъ, когда ни ложился спать, клалъ подъ периной.

Филиппъ Македонскій Царь, въ то время, когда родился у него сынъ Александръ, двѣ преудивительныя учинилъ вещи: во первыхъ, въ Дельфы, гдѣ Аполлонъ давалъ отвѣты, многіе и драгоцѣннѣйшіе послалъ дары для положенія во храмѣ; съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ Аполлонъ хранилъ здравіе его сына: а во вторыхъ, немедленно написалъ къ Аристотелю письмо слѣдующаго содержанія:

Филиппъ Македонскій Царь, Аристотелю Философу, преподающему науки въ славнѣйшемъ Греческомъ училищѣ, здравія и мира желаетъ.

„Увѣдомляю тебя, что супруга моя „Олимпіада родила сына, рожденіе коего ей, „мнѣ, и всей Македоніи принесло несказанную радость. Ибо великая утѣха Царямъ „и подданнымъ, когда наслѣдные раждаются „Князи. Истинно, я величайшее богамъ при-„ношу благодареніе, и богатѣйшіе повелѣлъ „принесть дары во храмахъ, не для того, „что сынъ родился; но поелику во времена „жизни твоей, при тебѣ, говорю, толь „мудромъ и знаменитомъ Философѣ случилось „его рожденіе. Ибо я уповаю, что онъ буду-„чи отъ тебя воспитанъ и обученъ, не токмо Македонію, яко отческое наслѣдіе вос-„пріиметъ; но сверьхъ того и всея Азіи Мо-„нархомъ быть удостоится. Такимъ обра-„зомъ и онъ наречется моимъ сыномъ, и ты „будешь именоваться его отцемъ. Прости! „и паки прости и благоденствуй!

Птоломей Сотеръ осьмый Египетскій Царь, какъ Халдейскихъ мудрецовъ, такъ и Греческихъ Философовъ любилъ крайнѣ: что особливо его прославило. Ибо между Греческими Философами и Египетскими мудрецами, такіяжъ какъ между Римскими и Карѳагенскими Полко-

Полководцами смертельныя вражды происходили. Былъ же Птоломей мужъ весьма ученой, и что къ наивящшей славѣ ево послужило, всегда имѣлъ при себѣ великое собраніе Философовъ; коимъ способомъ обучился онъ Греческому, Латинскому, Халдейскому и Еврейскому языкамъ. Почему хотя одиннатцать весьма храбрыхъ Птоломеевъ имѣлось; сего однакожъ всѣмъ предпочитаютъ, не за полученныя оружіемъ побѣды, но за пріобрѣтенное трудомъ знаніе въ наукахъ.

Онъ въ крайней пріязни и довѣренности содержалъ Философа Стильпона Мегарскаго, который толь любезенъ былъ сему Государю, что не упоминая прочихъ любви и благоволенія доказательствъ, не точію повседневно съ Царемъ кушалъ и обращался, но ежечастно и то, что оставалось въ чашѣ, допивать Царь ему приказывалъ. Впрочемъ поелику милость Государей къ Министрамъ ни что иное есть, какъ жало къ раздраженію недоброхотовъ; то когда Царь при столѣ оставшее въ чашѣ подалъ выпить Философу, нѣкоторый Египетскій Вельможа отъ негодованія, оборотясь къ Царю, сказалъ: „я вижу, что ни „Ваше Величество не напиваетесь до сыта, да„бы и Стильпону нѣсколько оставить въ чашѣ; „ниже самъ онъ когда либо утоляетъ жажду, „ожидая, пока вы ему поднесть соизволите:„ которому Птоломей отвѣтствовалъ: „правда, „Стиль-

„Стильпонъ тѣмъ, что я даю, не насы-
„щается; ибо не столько полезно ему пить
„остатки отъ моей чаши, сколькобъ восполь-
„зовало тебя, ежели бы ты избытки его Фи-
„лософіи выпилъ.

Антигонъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ друговъ великаго Александра, немалую часть государства по кончинѣ его получившій. Ибо Великій Александръ сколько счастливъ былъ въ жизни, столько бесчастенъ по смерти; понеже не имѣлъ сыновей, наслѣдниковъ царствамъ, кромѣ Вельможъ и Намѣстниковъ, кои славу его уничтожили. Хотя же Антигонъ былъ человѣкъ злонравной, и всѣмъ порокамъ въ конецъ порабощенной; однакожъ не смотря на то, крайнѣ любилъ Философовъ; что осталось отъ добраго ученія великаго Александра, коего домъ, гдѣ онъ воспитанъ, былъ какъ Гимназія или соборъ всѣхъ знаменитыхъ Философовъ въ свѣтѣ. Изъ сего примѣра заключить можно, сколь разумно дѣлаютъ Государи, старающіеся имѣть Министровъ отъ младенчества въ ученіи воспитанныхъ. Ибо нѣтъ толь злонравнаго и толь развратнаго человѣка, чтобъ не оставалось въ немъ нѣсколько добраго изъ тѣхъ вещей, коимъ онъ въ отроческихъ лѣтахъ научился.

Содержалъ же Антигонъ въ особливѣйшей любви двухъ Философовъ, кои процвѣтали въ томъ вѣкѣ, сирѣчь: Менедема и Віона, изъ коихъ послѣдній сколько преученой, столько напротивъ того былъ весьма убогой. Ибо въ древнія времена никому изъ Философовъ публично преподавать ученіе Философіи не дозволялось, ежели имѣлъ хотя одну въ кошелькѣ своемъ златницу. Лаерцій повѣствуетъ, да тожъ самое и Публій еще пространнѣе въ пятой книгѣ о Греческихъ Догматахъ или правилахъ пишетъ, что въ тѣ времена Аттическія школы толикую хранили святость, что сколько который Философъ былъ ученѣе, столько меньше имѣлъ богатства; и колико былъ убоже, толико въ вящшемъ содержался почтеніи; и ни чѣмъ болѣе ни хвалился, кромѣ недостаткомъ богатствъ и изобиліемъ учености.

Когда же Віонъ лежалъ въ жесточайшей болѣзни, которая такъ его высушила и истощила, что весь казался одни только кости и кожа; то Антигонъ послалъ къ нему съ великимъ множествомъ денегъ сына своего посѣщенія ради. Житіе же его съ ученіемъ было согласно. Ибо онъ жилъ въ крайней нищетѣ, какъ то дѣлать Философамъ было прилично. Хотя же Віонъ былъ старъ лѣтами, очень слабъ здоровьемъ, и по причинѣ тяжкой болѣзни ужѐ приближился къ смерти; и хотя са-

до (такъ сказать) слабыя плоти исчезло, свѣча однакожъ честнаго житія его горѣла; сирѣчь, не меньшее въ презрѣніи подарковъ оказалъ великодушіе, какъ и Антигонъ въ посылкѣ оныхъ изъявилъ свои щедроты. Не точію же все презрѣлъ, но еще Антигонову сыну, который привезъ къ нему деньги, сказалъ слѣдующимъ образомъ:

„Возвѣсти отъ меня Антигону, что я и „благодарю, и вѣчною благодарностію предъ „нимъ обязанъ, какъ за оказанную мнѣ отъ „него въ жизни моей любовь, такъ и за по„дарки присланные умирающему нынѣ. Ибо „другъ ни чѣмъ больше не долженъ служить „другу, кромѣ благопріятною дружбою и ще„дрымъ богатствъ сообщеніемъ. Притомъ „скажи и сіе Царю, отцу твоему, что еже„ли я семдесятъ пять лѣтъ въ наготѣ про„должалъ путь сея жизни; то для чего онъ „теперь обременяетъ меня одеждами и зла„томъ, когда надобно уже мнѣ переходить „тѣсной заливъ, и надлежитъ переселиться изъ „сего свѣта? Египтяне, намѣревая ѣхать „чрезъ Аравійскія пустыни, обыкновенно „умаляютъ, а не прибавляютъ вьюковъ на „своихъ верблюдахъ; равнымъ образомъ и я „думаю, что одному точію тому не тяго„стно терпѣть бѣды сея жизни, кто отвер„гаетъ печаль о богатствахъ. Сверхъ того, „скажи Царю, отцу твоему, дабы онъ впредь

„уми-

„ умирающему человѣку помогалъ не сребромъ
„ и златомъ, но благовременнымъ и здравымъ
„ совѣтомъ. Ибо по причинѣ золота человѣкъ
„ съ жизнію разставаться будетъ не безъ до-
„ сады; а доброй совѣтъ сдѣлаетъ то, что
„ онъ смерть воспріиметъ терпѣливно.

Архелай, пятый Царь Македонскій, дѣдъ, какъ повѣствуютъ, Филипповъ, и прадѣдъ великаго Александра, хвалился произшествіемъ своимъ отъ поколѣнія древняго Греческаго Царя Менелая, который предводительствовалъ на войнѣ и разореніи Троянскомъ. Любилъ и сей Царь ученыхъ, и между прочими держалъ при себѣ Еврипида Трагика, который въ томъ вѣкѣ не меньше по своему званію, яко Стихотворецъ, сколько и самъ Архелай, яко Царь Македонскій, былъ славенъ. Ибо и нынѣ многіе мудрецы вящшее, за написанныя ими книги, нежели Государи, за широту царствъ, коими обладали, или за побѣды, кои пріобрѣли оружіемъ, почтеніе имѣютъ.

Впрочемъ, Архелай толь горячо любилъ, и въ толикой довѣренности содержалъ Еврипида, что ни одно дѣло въ Македоніи безъ Стихотворцева совѣта и попеченія не совершалось. А поелику невѣжи естественно мудрымъ людямъ не хотятъ повиноваться: то когда по случаю нѣкоторою ночью бесчастный Стихотворецъ Еврипидъ много съ Царемъ о

древнихъ исторіяхъ бесѣдуя, поздно домой возвращался; злобящіеся соперники провѣдавъ о томъ, пустили на него голодныхъ псовъ, отъ которыхъ онъ растерзанъ и пожренъ такъ, что все тѣло погребено въ песьей утробѣ, и къ положенію во гробъ, кромѣ однихъ оглоданныхъ костей, ничего не осталось. О семъ печальнѣйшемъ приключеніи извѣстясь отъ своихъ Архелай, толикою вдругъ болѣзнію и неистовствомъ пораженъ былъ, что едва живъ казался: чему никто удивляться не долженъ. Ибо отъ несчастливыхъ и незапныхъ случаевъ мысли человѣческія въ крайнее замѣшательство приходятъ. Сколь же великую любовь оказывалъ Царь къ Еврипиду живущему, столь несказанно плакалъ и рыдалъ надъ умершимъ. Ибо пролилъ изъ глазъ премногія слезы, остригъ голову, обрилъ бороду, перемѣнилъ драгоцѣнныя одежды Царей Македонскихъ, и паче всего съ неменьшимъ великолѣпіемъ похоронилъ Еврипида, какъ и славнаго Греческаго погребли Улисса. Симъ еще не удовольствуясь, до тѣхъ поръ не пришелъ въ прежнюю веселость, пока убійцъ не растерзалъ жесточайшими казньми. Понеже обида и смерть сама собою воспослѣдовавшая, или отъ другихъ причиненная тому, кого мы любимъ, есть не иное что либо, какъ горнило, въ которомъ искренность любви искушается.

По учиненіи же убійцамъ казни, и по погребеніи оглоданныхъ костей Стихотворцовыхъ, нѣкоторый Греческій Вельможа сказалъ Архелаю: „ изволите, Пресвѣтлѣйшій Царь, быть извѣстны, вся негодуетъ Македонія, „ что Ваше Величество безмѣрно печалитесь „ о толь маловажной вещи „: которому Царь отвѣтствовалъ слѣдующимъ образомъ: „ я знаю „ правило людей мудрыхъ, что благородныя „ сердца и въ самыхъ несчастнѣйшихъ и незапныхъ приключеніяхъ крушиться не должны. „ Ибо, когда плачетъ Царь, не могутъ, или „ хотя бы и могли, не должны веселиться подданные; однакожъ слышалъ я нѣкогда отъ „ отца моего, что Государямъ ни въ какое время, „ и ни о чемъ плакать непристойно, кромѣ „ точію о которой нибудь изъ сихъ пяти вещей:

„ ВО ПЕРВЫХЪ, доброму Государю надлежитъ оплакивать упадокъ и вредъ своего „ государства. Понеже добродѣтельный Государь касающіяся до собственнаго лица его „ обиды прощать, а во отмщеніи за самомалѣйшую, учиненную государству, и жизни „ своей щадить не долженъ.

„ ВО ВТОРЫХЪ, доброму Государю надлежитъ плакать, ежели честь его поносятъ. „ Ибо Государь, не оплакивающій кровавыми „ слезами потерянія чести, живой погребеннымъ быть достоинъ.

„ ТРЕТЬЕ,

„ТРЕТЬЕ, добродѣтельному Государю „оплакивать должно тѣхъ, кои по малосилію „претерпѣваютъ многія бѣдства. Ибо Го„сударь, который не оплакиваетъ несчастія „людей бѣдныхъ, напрасно и безплодно жи„ветъ въ свѣтѣ.

„СВЕРЬХЪ ТОГО, доброму Государю над„лежитъ оплакивать счастіе и славу тиран„новъ. Ибо Государь, коему злонравныхъ „лютость пріятна, добродѣтельныхъ любви „и послушанія не достоинъ.

„НАПОСЛѢДОКЪ, добродѣтельному Го„сударю надлежитъ оплакивать смерть „людей мудрыхъ и разумныхъ. Ибо не „можетъ воспослѣдовать Государю вящ„шая утрата въ жизни, какъ ежели умретъ „мудрый человѣкъ, коего онъ употреблялъ „къ правленію государства„. Такимъ образомъ отвѣтствовалъ Архелай Греческому кавалеру, который упрекнулъ его тѣмъ, что онъ оплакивалъ Еврипида.

Хотя же повсемѣстно древніе писатели упоминаютъ, въ коликой чести и любви Философы и мудрые люди, какъ у Римлянъ, такъ и у Грековъ находилися; однако представлю я токмо одно достойнѣйшее примѣчанія. Всякому извѣстно, кто былъ Сципіонъ Африканскій, и колико прославилъ Римлянъ, прѣ-

пріобрѣтши и себѣ и городу безсмертную во всѣхъ вѣкахъ память, не потому только, что покорилъ Африку, но и по той причинѣ, что былъ мужъ весьма добродѣтельный. И по истиннѣ, немаловажнымъ почитать должно, ежели совокупятся въ одномъ человѣкѣ оба сіи качества, сирѣчь: счастіе и добродѣтель. Ибо многіе изъ древнихъ великую себѣ оружіемъ славу пріобрѣли, которую потомъ мерзостію житія погубили. По повѣствованію Историковъ Римскихъ Енній Стихотворецъ первый былъ писатель Героическихъ стиховъ на Латинскомъ языкѣ, сочиненія коего толико почиталъ Сципіонъ Африканскій, что умирая сей пресчастливый Римлянинъ, положить во гробъ свой статую К. Еннія предписалъ въ послѣднемъ завѣщаніи. Изъ сего Сципіонова поступка заключить можно, сколь любезны были ему въ жизни мудрые люди; поелику онъ разсудилъ, что вящшую принесетъ ему славу статуя убогаго Стихотворца, нежели трофея покоренныя Африки.

Подъ державою Пирра Епирскаго Царя, великаго непріятеля Римскаго, процвѣталъ въ Греціи Циней, родомъ Фессалянинъ, и какъ повѣствуютъ, Демосѳеновъ ученикъ. Древніе Историки толико уважаютъ Цинея, что признаютъ его за образецъ и мѣрило человѣческаго витійства. Ибо онъ въ рѣчахъ былъ весьма пріятенъ, и въ мнѣніяхъ крайнѣ

нѣ остроуменъ. Сей Циней трoякую при дворѣ Пирровомъ отправлялъ должность. ВО ПЕРЬВЫХЪ, увеселялъ его во время стола забавными рѣчьми; понеже въ шуточныхъ словахъ имѣлъ великую прiятность. ВО ВТОРЫХЪ записывалъ его дѣла; потому что былъ велерѣчивый, и ко описанiю истинны очевидный свидѣтель. НАПОСЛѢДОКЪ, въ важныхъ дѣлахъ отправлялъ званiе посольства; поелику одаренъ былъ проницательнымъ разумомъ, и въ исправленiи дѣлъ особливымъ искуствомъ. Ибо онъ толь остроумно различные предлагалъ въ сношенiяхъ договоры, и такъ къ склоненiю на свою сторону говорилъ искусно, что гдѣ только ни случилосѣ ему отправлять Ораторскую должность по дѣламъ военнымъ, тамъ или очень долговременное перемирiе, или вѣчной миръ исходатайствовать ему всегда удавалось.

Сему Цинею Пирръ нѣкогда сказалъ: „ я „ за три вещи, Циней, безсмертнымъ бо„ гамъ величайшее приношу благодаренiе. ВО „ ПЕРЬВЫХЪ что они создали меня Царемъ, „ а не рабомъ. Ибо наивящшее счастiе смер„ тныхъ состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть „ власть многими повелѣвать, и не быть „ обязаннымъ никому повиноваться. ВО ВТО„ РЫХЪ, благодарю боговъ, что даровали мнѣ „ отъ природы великодушное сердце. Ибо „ тому, кто во всякихъ трудностяхъ ослабѣ-

„ваетъ,

„ваетъ, заранѣе умереть былобъ гораздо „лучше. НАПОСЛѢДОКЪ, благодарю боговъ, „что какъ въ правленіи государства, такъ „и въ войнахъ другомъ мнѣ тебя присоединили. Ибо признаюсь нелицемѣрно, что „ты больше городовъ покорилъ языкомъ, „нежели я оружіемъ.„ Такъ сказалъ Пирръ другу своему Цинею Стихотворцу. Пусть же посмотрятъ нынѣшніе державные Монархи и Князи, коль искренніе доброхоты были мудрымъ людямъ древніе Государи: въ доказательство чего я привелъ немногіе примѣры, хотя гораздо множайшіе могъ представить.

Конецъ второй части.

